МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

БК

Алистер Маклин

К ЮГУ ОТ ЯВЫ

«АЗБУКА»

К югу от Явы
Алистер Маклин

Аннотация
Алистер Маклин. К югу от Явы
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15

Аннотация

«К югу от Явы» – шпионский, военно-морской и приключенческий роман, действие которого происходит в 1942 году, сразу после падения Сингапура. Разношерстная группа беглецов покидает горящий город на борту ветхого грузового судна под командованием капитана с весьма сомнительной репутацией…

Алистер Маклин
К югу от Явы

SOUTH BY JAVA HEAD
First published in Great Britain by Collins 1958
Copyright © HarperCollinsPublishers 1958
Alistair MacLean asserts the moral right to be identified as the author of this works
All rights reserved

© Д. В. Попов, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

* * *

Посвящается Иэну

Глава 1

На умирающий город погребальным покровом лег удушливый, непроницаемо-густой черный дым. Он затягивал, закутывал в мрачную безликость своего вяло вихрящегося кокона каждое здание, будь то административное или жилое, целое или разбомбленное. В неумолимом дыму утопала каждая улица, каждый переулок, каждая портовая гавань. Чад распростерся повсюду, едкий и губительный, практически недвижимый во влажном воздухе тропической ночи.

Ранее вечером, когда дым валил только из горящих домов, наверху еще оставались широкие беспорядочные прорехи, сквозь которые проглядывали яркие звезды в безоблачном небе. Стоило, однако, ветру слегка сменить направление, и дыры эти заволокло сплошным клубящимся чадом из взорванных топливных резервуаров на окраине Сингапура. Откуда именно принесло дым, никто не знал. Возможно, от аэропорта Каланг, а может, с электростанции, или же через весь остров с военно-морской базы на севере, или с нефтяных островов Пуло-Самбо и Пуло-Себарок,

в четырех-пяти милях от города. Никто не знал. Чтобы что-то знать, нужно что-то видеть, а мрак ночи был почти абсолютным. Даже пожарища не давали света: здания практически полностью выгорели и разрушились до основания, и на развалинах лишь тлели угольки, вспыхивали в последний раз и угасали, как и жизнь самого Сингапура.

Город умирал, уже объятый мертвой тишиной. Время от времени над головой с душераздирающим свистом проносился снаряд и плюхался в воду, не причиняя ущерба, или врезáлся в здание, взрываясь вспышкой света и коротким раскатом грохота. Однако и звук, и свет, мгновенно подавляемые всеохватывающим дымом, обладали каким-то особенным мимолетным свойством и воспринимались естественной и неотъемлемой частью непостижимости и отстраненной нереальности ночи, и после их исчезновения тишина становилась еще даже более глубокой и напряженной. Порой из-за холмов Форт-Каннинг и Пёрлз-Хилл и с северо-западных окраин доносились беспорядочные винтовочные выстрелы и пулеметные очереди, но и они создавали впечатление очень далеких и нереальных, словно невнятное эхо из сна. Той ночью вообще все

обрело некую фантастическую природу, загадочную и бесплотную; даже те немногие люди, которые все-таки перемещались по вымершим, заваленным обломками улицам Сингапура, напоминали неприкаянных скитальцев из сновидения, робких, отрешенных и неуверенных, бредущих вслепую меж курящимися берегами дыма, — маленькие фигурки, потерянно и обреченно пробивающиеся сквозь туман кошмара.

По темным улицам в направлении береговой линии двигалась небольшая группа солдат, всего около двадцати человек, шедших медленно и неуверенно, словно изможденные старики. Они и выглядели как старики, по-стариковски волочили ноги и горбились, вот только стариками они не были: самому старшему из них едва минуло тридцать. Эти люди устали, смертельно устали, устали до степени бесчувственной изнуренности, когда уже ни до чего нет дела и когда проще продолжать плестись, чем останавливаться. Утомленные и измученные, израненные и терзаемые болезнями, они действовали бездумно, на автомате, их сознание балансировало на грани отключения функционирования. Однако полное психическое и физическое истощение несет в себе и собственное благо, собственное лекарство

и утешение, и их тусклые, безжизненные глаза, оцепенело уставившиеся в землю под заплетающимися ногами, демонстрировали это со всей очевидностью: какие бы телесные страдания по-прежнему ни претерпевали эти люди, они хотя бы перестали вспоминать.

Они больше не вспоминали, по крайней мере сейчас, кошмар наяву последних двух месяцев: лишения, голод, жажду, раны, болезни и страх, когда японцы гнали их на юг по всему бесконечному Малайскому полуострову и затем через Джохорскую дамбу, нынче уже взорванную, в иллюзорную безопасность острова Сингапур. Больше не вспоминали своих пропавших товарищей, вопли ничего не подозревающего часового, растерзанного во враждебной тьме джунглей, осатанелые кличи японцев, сметающих наскоро подготовленные оборонительные позиции в самый темный час перед рассветом. Больше не вспоминали отчаянные, самоубийственные контратаки, приносившие разве что несколько квадратных ярдов суши, неистово и бессмысленно отбитых лишь на мгновение, и позволявшие разве что увидеть ужасно изуродованные пытками тела своих плененных товарищей и гражданских, не проявивших достаточной расто-

ропности в сотрудничестве с врагом. Больше не вспоминали свой гнев, замешательство и отчаяние, когда с неба исчезли последние истребители — «брюстеры» и, уже под конец, «харрикейны», оставив их совершенно беззащитными перед японской авиацией. Даже их полное неверие в распространившуюся пять дней назад новость о высадке японских войск на самом острове, даже испытанная ими горечь, когда тщательно пестовавшийся миф о неприступности Сингапура развеялся прямо у них на глазах, — все это тоже стерлось из их воспоминаний. Они больше не вспоминали. Слишком ошеломленными, измученными, израненными и ослабевшими были они, чтобы вспоминать. Но однажды — и скоро, если выживут, — они вспомнят, и тогда ни один из них не останется таким, как прежде. Пока же они устало волочились, понурив головы, уставившись в землю, не следя за дорогой и не заботясь, куда она выведет.

Но один человек следил. Одного человека это заботило. Он медленно брел во главе двойной колонны солдат, то и дело включая фонарик, чтобы отыскать проход через завалы на улицах или убедиться, что они продвигаются в нужном направлении. это был невысокий худощавый

мужчина, единственный в отряде, кто носил килт и балморал, шотландский берет с помпоном. Откуда взялся килт, знал только сам капрал Фрейзер: во время отступления на юг через Малайю этого предмета одежды на нем совершенно точно не было.

Капрал Фрейзер устал, как и все остальные в отряде. Как и у других, глаза у него были налиты кровью и воспалены, а лицо — мертвенно-бледное и осунувшееся от малярии, или от дизентерии, или же от обеих болезней вместе. Левое плечо у него было заметно выше правого, почти достигая уха, словно капрал страдал от врожденной физической патологии, — однако то была вовсе не патология, а всего лишь грубая марлевая прокладка с перевязью, которую днем ранее санитар наскоро запихал ему под форменную рубашку в чисто символической попытке остановить кровотечение из рваного осколочного ранения. К тому же в правой руке капрал нес ручной пулемет «брэн», десять килограммов массы которого представляли собой практически непосильную ношу для его ослабленного тела, так что оружие оттягивало ему правую руку и задирало левое плечо еще ближе к уху.

Кривобокость, балморал набекрень и хло-

павший по исхудалым ногам килт придавали коротышке комичный и нелепый вид. Но ничего комичного и нелепого в капрале Фрейзере не было. Кернгормсский пастух, для которого лишения и изнуряющие физические нагрузки являлись неотъемлемой частью существования, еще не использовал последние резервы своей силы воли и выносливости. Как солдат Фрейзер пока оставался в строю — причем как превосходный солдат. Долг и обязанности значили для него очень многое, собственная боль и слабость не существовали, и все его мысли целиком были посвящены ковыляющим позади людям, слепо следующим за ним. Два часа назад офицер, командующий их растерянной и дезорганизованной ротой на северной границе города, приказал Фрейзеру отвести всех ходячих раненых и тех, кого они могли унести, с линии огня в какое-нибудь относительно спокойное и безопасное место. То был лишь символический жест, как прекрасно понимали и офицер, и Фрейзер, поскольку враг подавлял последние очаги обороны и Сингапур был обречен. К концу завтрашнего дня каждый на острове будет мертв, ранен или пленен. Но приказ есть приказ, и капрал Фрейзер упорно продолжал брести, направляясь к устью реки

Каланг на юге.

Время от времени, когда попадался свободный от завалов участок улицы, он отступал в сторонку, пропуская солдат вперед. Навряд ли кто из отряда вообще его замечал, будь то тяжелораненые на носилках или менее пострадавшие, но тоже больные ходячие, которые их несли. И каждый раз капралу приходилось дожидаться последнего из колонны — высокого и худощавого парнишку с безвольно покачивающейся из стороны в сторону головой, непрерывно бормочущего что-то несвязное. Юноша не был болен малярией или дизентерией и не имел ранений, но все же из всех них он был самым нездоровым. Каждый раз, когда Фрейзер брал парня под руку и настойчиво подгонял к основной группе, тот безропотно ускорял шаг, глядя на капрала равнодушно и без всякого проблеска узнавания. И каждый раз Фрейзер окидывал его неуверенным взглядом, качал головой и затем спешил вперед, чтобы снова возглавить колонну.

В темноте заполненного дымом, извилистого переулка плакал маленький мальчик. Совсем маленький, едва ли старше двух с половиной лет. У него были голубые глаза, светлые волосики и белое личико, теперь все перепачканное и запла-

канное. Одет он был лишь в тонкую рубашечку и штанишки цвета хаки на лямках. Обуви на нем не было, и он безостановочно дрожал от холода.

Мальчик плакал и плакал, потерянно и горестно, но вокруг не было никого, кто мог бы обратить на него внимание. Да и расслышать-то его можно было только с нескольких ярдов, потому что плакал он очень тихо, а краткие приглушенные всхлипывания прерывались долгими судорожными вздохами. То и дело мальчуган тер глаза костяшками чумазых кулачков, как это делают маленькие дети, когда плачут или хотят спать, — так он пытался унять боль от черного дыма, не переставшего щипать наполненные слезами глаза.

Маленький мальчик плакал потому, что очень-очень устал, ведь лечь в постель ему полагалось уже много часов назад. Плакал потому, что хотел есть и пить и дрожал от холода — даже тропические ночи не всегда теплые. Плакал потому, что был растерян и ему было страшно. Мальчик не знал, где его дом, где его мама. Две недели назад он со своей старой малайской няней пошел на ближний базар, и, когда они вернулись, на месте их дома были дымящиеся после бомбежки завалы, а он был слишком мал, чтобы понять их

значение. Вечером того самого дня, 29 января, он должен был вместе с мамой уплыть на «Уэйкфилде», последнем большом судне, уходившем из Сингапура… Но больше всего он плакал потому, что остался один.

Его старая няня Анна полусидела-полулежала рядом на развалинах, словно бы забывшись во сне. Она долго бродила с ним по темным улицам, последние полтора-два часа держа его на руках, а потом вдруг поставила малыша на землю, схватилась обеими руками за сердце и опустилась на камни, сказав, что ей нужно отдохнуть. И уже полчаса она сидела совершенно неподвижно, с неестественно склоненной к плечу головой и широко раскрытыми немигающими глазами. Пару раз мальчик потянулся к старушке и потрогал ее, однако этого ему оказалось достаточно. Теперь он в страхе держался подальше, боясь смотреть на нее, боясь прикасаться, смутно осознавая своим детским чутьем, что отдыхать старая няня будет очень-очень долго.

Мальчику было страшно уходить и страшно оставаться, но в конце концов, в очередной раз украдкой взглянув на няню сквозь растопыренные пальцы, он вдруг решил, что оставаться все-таки страшнее. Ребенок двинулся по переулку,

не разбирая дороги, спотыкаясь о разбросанные кирпичи и камни, падая, поднимаясь и снова бросаясь бежать, не переставая всхлипывать и дрожать в прохладе ночи. В конце улицы кто-то высокий и худой, в драной соломенной шляпе, опустил оглобли рикши и протянул к нему руки, чтобы остановить. Этот человек вовсе не имел дурных намерений. Сам больной — в Сингапуре большинство страдающих чахоткой рикш обычно умирали через пять лет, — он все еще не был чужд жалости к другим, особенно к маленьким детям. Однако мальчик только и увидел, что тянущуюся к нему из мрака высокую зловещую фигуру, и его страх мгновенно перерос в ужас. Увернувшись от чужих рук, он помчался из переулка на пустынную темную улицу. Мужчина не стал догонять его, лишь поплотнее закутался в одеяло и снова взялся за оглобли повозки.

Как и маленький мальчик, две девушки из торопливо пробирающейся по улице группы медсестер тоже тихонько плакали. Они как раз проходили мимо единственного все еще горящего здания в деловом квартале города и потому отворачивались от жара пламени, но даже так можно было разглядеть их гладкие круглые лица с азиатскими глазами. Эти две медсестры были

китаянками — из народа, который обычно не дает волю чувствам, однако обе были еще юны и обе находились очень близко от места взрыва, когда их грузовик Красного Креста отбросило снарядом в кювет у южного съезда с дороги Букит — Тимор. Девушки до сих пор не пришли в себя от потрясения, их по-прежнему мутило.

Две другие медсестры были малайками. Одна молодая, как и китаянки, а возраст второй давным-давно перевалил за средний. В больших темных глазах молодой девушки отражался страх, и она постоянно оглядывалась назад. На лице старшей застыла маска почти полного безразличия. Время от времени она пыталась протестовать против скорости, с которой они двигались, но остальные ее не понимали: женщина тоже сидела очень близко от места взрыва, и вследствие контузии у нее были заблокированы речевые центры — возможно, лишь временно, пока было рано судить. Раза два она даже касалась рукой медсестры, шедшей во главе группы, чтобы остановить ее, однако та мягко, но решительно отстраняла руку и нисколько не сбавляла темп.

Пятая медсестра, которая и вела остальных, была высокой и стройной девушкой лет двадцати пяти. Она потеряла шапочку, когда взрывом

ее перебросило через задний борт грузовика, и теперь густые иссиня-черные волосы постоянно падали ей на глаза. То и дело медсестра раздраженно откидывала их назад, и тогда становилось заметно, что она не малайка и не китаянка — у них не бывает таких поразительно голубых глаз. Возможно, ее происхождение было евразийским, но уж точно не европейским. В мерцающих желтоватых отблесках разглядеть черты ее лица и цвет кожи не представлялось возможным, тем более что она сильно перепачкалась в грязи и пыли. Но даже слой грязи не мог скрыть длинный шрам у нее на левой щеке.

Медсестра эта была главной в группе, и она заблудилась. Сингапур она знала, и знала хорошо, но в обволакивающем улицы дыму и темноте ощущала себя чужестранкой, потерявшейся в чужом городе. Ей было сказано, что где-то на южной морской набережной находится отряд солдат, многим из которых срочно требуется медицинская помощь, — и если они не получат ее этой ночью, то в японском лагере для военнопленных рассчитывать на нее им однозначно не придется. С каждой упущенной минутой возрастала вероятность того, что японцы найдут их первыми. Чем дольше группа плутала по пу-

стынным улицам, тем беспомощнее чувствовала себя старшая медсестра. Согласно полученным указаниям, искать раненых нужно было где-то напротив мыса Кейп-Ру на реке Каланг, однако она даже береговую линию найти не могла, не то чтобы разглядеть в темноте Кейп-Ру.

Прошло полчаса, затем час, и даже ее собственные шаги начали замедляться, когда ее впервые охватило отчаяние. Что, если они так и не отыщут нуждающихся в помощи солдат в этом нескончаемом хаосе и мраке? Со стороны их главного врача, майора Блэкли, было очень несправедливо требовать от них выполнения этого распоряжения. Но едва лишь подобная мысль пришла медсестре в голову, как она поняла, что несправедлив вовсе не Блэкли, а она сама: с наступлением рассвета на окраинах Сингапура жизнь любого человека — мужчины ли, женщины — целиком и полностью будет зависеть от настроения японцев. Девушке как-то довелось столкнуться с ними, и после той встречи у нее остались горькие воспоминания и шрамы, с которыми ей придется жить. Чем дальше от кровожадных японцев, тем лучше. Кроме того, как верно заметил майор, состояние всех пяти женщин не позволяло им оставаться на прежнем месте. Старшая медсестра безотчетно

покачала головой, вновь ускорила шаг и свернула на следующую темную и пустую улицу.

Страх и смятение, боль и отчаяние — все эти чувства владели блуждающими солдатами, маленьким мальчиком и медсестрами, равно как и десятками тысяч других людей той ночью 14 февраля 1942 года, когда под последними оборонными укреплениями города затаились торжествующие, несокрушимые японские войска, дожидаясь рассвета, дожидаясь штурма, кровавой бойни и победы, сомневаться в которой уже не приходилось. Однако по крайней мере для одного человека страх, боль и отчаяние не существовали.

Высокому пожилому мужчине, сидевшему в освещаемой свечами приемной военной администрации к югу от Форт-Каннинга, подобные переживания были неведомы. Он думал только о стремительном течении времени, о чрезвычайной безотлагательности, которую он когда-либо испытывал, и о почти нечеловеческом бремени ответственности, лежащем лишь на нем одном. Он был так поглощен этими вещами, что отринул все прочее; но ничто из этого не отразилось на морщинистом красном лице под седой шевелюрой, хранящем бесстрастное спокойствие.

Разве что кончик бирманской сигары, небрежно выступавший из-под пышных седых усов и орлиного носа, рдел слишком ярко, да и поза старика в плетеном кресле казалась чересчур расслабленной — но и только. Всем своим видом Фостер Фарнхолм, бригадный генерал в отставке, демонстрировал полную умиротворенность.

Дверь у него за спиной отворилась, и в комнату вошел усталый молодой сержант. Фарнхолм вынул сигару изо рта, неторопливо повернулся к нему и приподнял косматую бровь в знак вопроса.

— Я передал ваше сообщение, сэр. — Голос парня полностью соответствовал его измотанному виду. — Капитан Брайсленд сейчас выйдет к вам.

— Брайсленд? — Седые брови сошлись в прямую линию над глубоко посаженными глазами. — Какой еще капитан Брайсленд, черт побери? Послушай, сынок, я просил о встрече именно с твоим полковником, и мне необходимо видеть его немедленно. Сейчас же. Понимаешь?

— Быть может, я все-таки смогу чем-то помочь.

В дверном проеме за сержантом появился еще один человек. Даже в мерцающем свечном освещении можно было заметить, что глаза у него налиты кровью, а на желтоватых щеках про-

ступает лихорадочный румянец, и все же голос его с мягким уэльским акцентом звучал вполне обходительно.

— Брайсленд?

Молодой офицер молча кивнул.

— Разумеется, вы сможете помочь, — сказал Фарнхолм. — Вашего полковника, пожалуйста, и немедленно. Я не могу терять ни минуты.

— Это исключено, — покачал головой капитан. — Он уснул впервые за трое суток, и одному богу известно, насколько он будет нам нужен завтра утром.

— Понимаю. И все же мне необходимо поговорить с ним. — Фарнхолм умолк, дожидаясь, пока не прекратится лихорадочная очередь тяжелого пулемета неподалеку, и затем спокойно, но твердо продолжил: — Капитан Брайсленд, вы даже представить себе не можете, насколько жизненно важна моя встреча с вашим полковником. По сравнению с моим делом Сингапур — ничто. — Он сунул руку под рубашку и вытащил черный автоматический кольт сорок пятого калибра. — Если мне придется браться за поиски самому, я воспользуюсь этой штуковиной и найду его. Но уверен, что до этого не дойдет. Скажите своему полковнику, что его ждет бригадный генерал

Фарнхолм. И он придет.

Какое-то время Брайсленд пристально смотрел на посетителя, потом неуверенно кивнул и, не говоря ни слова, скрылся за дверью. Через три минуты он появился вновь и пропустил вперед себя другого мужчину.

Полковнику, по прикидке Фарнхолма, могло быть около сорока пяти, уж точно никак не больше пятидесяти. Однако выглядел он на все семьдесят, а его нетвердая походка, почти как у пьяного, говорила о нечеловеческой усталости. Ему явно было трудно удерживать глаза открытыми, но он сумел улыбнуться, медленно пересек приемную и протянул руку для приветствия:

— Добрый вечер, сэр. Откуда же вы к нам прибыли?

— Добрый вечер, полковник. — Фарнхолм поднялся на ноги. Отвечать на вопрос он не стал. — Значит, вам известно обо мне?

— Совершенно верно. Впервые я услышал о вас… всего три дня назад.

— Вот и прекрасно, — удовлетворенно кивнул Фарнхолм. — Это избавит меня от объяснений, на которые просто нет времени. Так что сразу перейду к делу. — Он бросил взгляд в окно, когда комнату сотрясло от разорвавшегося совсем

недалеко снаряда и взрывной волной едва не затушило свечи, затем вновь повернулся к собеседнику. — Мне нужен самолет из Сингапура, полковник. Мне все равно, что это будет за самолет, и все равно, кого вам придется высадить с борта, чтобы выделить место мне, и все равно, куда он полетит — хоть в Бирму, хоть в Индию, на Цейлон или в Австралию, — все это несущественно. Мне нужен самолет из Сингапура, и немедленно.

— Вам нужен самолет из Сингапура, — повторил полковник бесцветным голосом, таким же невыразительным, как его лицо. Внезапно он улыбнулся, хотя и вымученно, словно это стоило ему больших усилий. — Как и всем нам, бригадный генерал.

— Вы не понимаете. — Фарнхолм медленно, явно сдерживаясь, затушил в пепельнице сигару. — Я знаю, что сотням раненых и больных, женщин и детей…

— Последний самолет уже улетел, — перебил его полковник. Он устало провел запястьем по глазам. — День, может, два дня назад, точно не могу сказать.

— Одиннадцатого февраля, — уточнил Брайсленд. — «Харрикейны», сэр. Они улетели в

Палембанг.

— Точно, «харрикейны», — кивнул его начальник. — И весьма поспешно.

— Последний самолет, — бесстрастно проговорил Фарнхолм. — Последний самолет. Но… были же еще, я знаю. Истребители «брюстер», «вайлдебисты», в конце концов…

— Все эвакуированы или уничтожены, — ответил полковник, посмотрев на посетителя с рассеянным любопытством. — Но даже если бы какие-то и оставались, это ничего бы не меняло. Селетар, Сембаванг, Тенгах — все эти аэродромы в руках японцев. Не знаю насчет Каланга, но уверен, что на него тоже не стоит рассчитывать.

— Понял. Да, я понял. — Фарнхолм опустил глаза на кожаный саквояж, стоящий у него в ногах, и снова посмотрел на полковника. — А гидросамолеты? «Каталины»?

Тот медленно, со всей доступной категоричностью покачал головой. Несколько секунд Фарнхолм не сводил с него немигающего взгляда, но в конце концов понимающе кивнул и затем посмотрел на часы.

— Полковник, могу я поговорить с вами наедине?

— Конечно, — не раздумывая ответил пол-

ковник. Дождавшись, пока за Брайслендом и сержантом не закроется дверь, он с тусклой улыбкой произнес: — Боюсь, сэр, последний самолет действительно улетел.

— И не думал сомневаться, — ответил Фарнхолм, одновременно расстегивая на себе рубашку. — Вам же известно, кто я такой? Я имею в виду, род моих занятий?

— Я знаю о вас всего три дня. Строжайшая секретность и все такое… Поползли слухи, будто вы находитесь где-то в наших краях. — Теперь полковник разглядывал посетителя с нескрываемым любопытством. — Начальник отдела контрразведки в Юго-Восточной Азии последние семнадцать лет, владеющий бóльшим количеством азиатских языков, чем кто-либо другой…

— Не вгоняйте меня в краску. — Расстегнув рубашку, Фарнхолм принялся возиться с широким прорезиненным ремнем на поясе. — Полагаю, полковник, сами вы никаких восточных языков не знаете?

— За мои грехи, знаю. Именно поэтому я здесь. Японский. — Мужчина невесело усмехнулся. — Не сомневаюсь, в концлагере очень пригодится.

— О, японский? Это упрощает дело. — Фарнхолм расстегнул молнии на двух кармашках на

ремне и разложил их содержимое на столе перед полковником. — Вот, что скажете об этом?

Полковник внимательно посмотрел на него, затем перевел взгляд на фотоснимки и фотопленку, лежащие на столе, кивнул, вышел из комнаты и вскоре вернулся с очками, увеличительным стеклом и фонариком. Минуты три он молча сидел за столом, неотрывно изучая материалы. Снаружи доносились то грохот разрыва тяжелого снаряда, то отдаленная отрывистая пулеметная очередь, то зловещее завывание хаотичного рикошета, слепо разрывающего задымленную ночь. В самой же комнате не раздавалось ни звука. Полковник напоминал каменное изваяние, у которого жизнь сохранялась только в глазах. Фарнхолм с новой сигарой во рту вытянулся в плетеном кресле, не выказывая никакого интереса к происходящему.

Время от времени полковник поднимал голову и смотрел на Фарнхолма. Когда он заговорил, голос его, как и руки, в которых он держал фотоматериалы, слегка дрожал:

— Чтобы понять смысл этих документов, даже японского знать не нужно. Боже мой, сэр, откуда они у вас?

— С Борнео. Ради них погибли двое моих лучших людей и два голландца. Но теперь это не

важно и к делу не относится. — Фарнхолм попыхал сигарой. — Важно лишь то, что они у меня и японцы об этом не знают.

Полковник как будто и не слышал его. Завороженно качая головой, он не сводил глаз с документов. Наконец он отложил снимки, убрал очки в футляр и закурил сигарету. Руки у него по-прежнему тряслись.

— Просто невероятно! — бормотал он. — Невероятно! Такие документы и существуют-то, наверное, в считаных экземплярах! Вся Северная Австралия… Планы вторжения!

— Со всеми значимыми подробностями, — подхватил Фарнхолм. — Порты и аэродромы вторжения, время с точностью до минуты, задействованные силы с указанием каждого батальона.

— Да. — Нахмурившись, полковник снова уставился на фотоотпечатки. — Только необходим…

— Знаю-знаю, — с горечью перебил его Фарнхолм. — Ключ заполучить не удалось. Даты, основные и вторичные цели зашифрованы, что было вполне ожидаемо. Они не могли рисковать, указав подобные данные открытым текстом. Японские шифры не поддаются взлому, все до единого. То есть не поддаются никому, кроме

одного старичка в Лондоне, который выглядит так, будто и собственного имени написать не может. — Он прервался, чтобы выпустить в потолок струю сизого дыма. — И все же это нечто, не так ли, полковник?

— Но… Как вам удалось раздобыть…

— Это совершенно не относится к делу, как я уже сказал. — Сквозь маску вальяжного безразличия вдруг проступила жесткость. Через мгновение Фарнхолм покачал головой и тихонько рассмеялся. — Прошу прощения, полковник. Кажется, я начинаю нервничать. Поверьте, «удалось» тут неправильное слово. Я пять лет трудился над одной-единственной задачей — лично получить эти документы в нужное время и в нужном месте. Японцы не так уж неподкупны. И я сумел получить все это в нужное время, но, увы, не в нужном месте. Потому-то я и здесь.

Погруженный в созерцание снимков полковник даже не слушал его. Он все качал головой, но в конце концов оторвал взгляд от документов. Внезапно его лицо стало изможденным, подавленным и очень старым.

— Эти сведения, они бесценны, сэр. — Полковник поднял фотоснимки и невидяще уставился на Фарнхолма. — Великий боже, да все богатства

мира — ничто по сравнению с ними! Это же сама жизнь и смерть, победа и поражение! Это… это… О господи! Сэр, только подумайте об Австралии! Наши должны получить их, должны!

— Совершенно верно, — кивнул Фарнхолм. — Они должны их получить.

Какое-то время полковник молча смотрел на него, но затем его утомленные глаза медленно расширились в шоке осознания. Он откинулся на спинку стула, уронив голову на грудь. Вихрящийся дым сигареты разъедал ему глаза, но он едва ли это замечал.

— Совершенно верно, — сухо повторил Фарнхолм. Собрав со стола фотоснимки и пленки, он принялся аккуратно убирать их обратно в водонепроницаемые кармашки на ремне. — Похоже, вы начинаете понимать мою обеспокоенность насчет… хм, воздушного транспорта из Сингапура. — Он застегнул молнии на отделениях. — И увы, обеспокоенность эта меня так и не оставила.

Его собеседник отрешенно кивнул, однако ничего не ответил.

— То есть самолетов совсем нет? — настойчиво спросил Фарнхолм. — Даже самого замызганного, с поломкой… — Он осекся, увидев выражение

лица полковника, но тут же попробовал зайти с другой стороны: — Подводная лодка?

— Нет.

Фарнхолм поджал губы:

— Эсминец, фрегат, вообще любой корабль?

— Нет. — Полковник как будто встряхнулся. — Даже никаких торговых судов. Последние — «Грасхоппер», «Тьен Кванг», «Кэйтидид», «Куала», «Дрэгонфлай» и еще несколько небольших каботажников — покинули Сингапур прошлой ночью. Они не вернутся. Вот только им и ста миль не пройти, японская авиация полностью контролирует весь архипелаг. На этих посудинах раненые, женщины и дети, бригадный генерал. И большинство окажутся на морском дне.

— Милосердная альтернатива японскому концлагерю. Уж поверьте мне, полковник, я знаю. — Фарнхолм застегнул тяжелый ремень на поясе и вздохнул. — М-да, новости одна другой лучше. Что же нам теперь делать?

— Зачем же вы, во имя всего святого, вообще явились сюда? — с горечью воскликнул полковник. — Из всех мест, из всего времени вам нужно было прибыть именно в Сингапур и именно сейчас! А кстати, как вам вообще удалось добраться к нам?

— На каботажнике из Банджармасина. Называется «Керри дансер», это самый ветхий плавучий гроб, которому когда-либо отказывали в сертификате о годности к плаванию. Под командованием ушлого и опасного типа по имени Сиран. Трудно сказать, но я готов поклясться, что он английский дезертир и очень близко якшается с японцами. Утверждал, будто направляется в Кота-Бару, бог его знает зачем, но передумал и поплыл сюда.

— Передумал?

— Я хорошо ему заплатил. Деньги не мои, так что я мог себе позволить. Полагал, в Сингапуре будет безопасно. В Северном Борнео по своему приемнику услышал о падении Гонконга, Гуама и Уэйка, но мне пришлось действовать в сумасшедшей спешке. Прошло много времени, прежде чем снова выдалась возможность ознакомиться с новостями, и это произошло уже на борту «Керри дансер». Мы выжидали в Банджармасине десять дней, пока Сиран не соизволил отправиться, — язвительно произнес Фарнхолм. — Единственное приличное оборудование и единственный приличный человек на этой посудине обнаружились в радиорубке, — должно быть, они необходимы Сирану для его темных делишек, — и я как раз находился в радиорубке с этим парнем, Луном,

на второй день своего пребывания на судне, то есть двадцать девятого января, когда мы поймали передачу Би-би-си о бомбардировке Ипоха, так что я, естественно, решил, что японцы наступают очень медленно и у меня еще уйма времени, чтобы добраться до Сингапура и сесть там на самолет.

Полковник понимающе кивнул:

— Я тоже слышал ту сводку. Одному богу известно, кто несет ответственность за эту ужасную галиматью. В действительности японцы взяли Ипох за месяц до передачи, сэр. На момент ее выхода в эфир они находились в нескольких милях к северу от дамбы. Боже мой, что за чертов бардак! — Он медленно покачал головой. — Чертов, чертов бардак!

— Вы еще мягко выражаетесь, — мрачно заметил Фарнхолм. — Так сколько у нас еще времени?

Полковник уставился на свои руки:

— Завтра мы сдаемся.

— Завтра!

— У нас совершенно не осталось сил, сэр, и мы больше ничего не можем сделать. Кроме того, у нас нет воды. Взорвав дамбу, мы взорвали и единственный водопровод с материка.

— Те, кто проектировал здешнюю оборонительную систему, не отличались особым умом и дальновидностью, — пробормотал Фарнхолм. — А ведь на нее потратили тридцать миллионов фунтов! Неприступная крепость. Крупнее и мощнее Гибралтара. Ля-ля-ля… Боже, меня прямо тошнит от этого! — Он с отвращением фыркнул, встал и вздохнул. — Ладно, не остается ничего другого, кроме как вернуться на старушку «Керри дансер». Да поможет Господь Австралии!

— «Керри дансер»! — изумленно повторил полковник. — Ее потопят через час после рассвета, сэр! Говорю вам, небо над проливами кишит японской авиацией!

— Что вы можете предложить взамен? — устало спросил бригадный генерал.

— Да знаю я, знаю! Но даже если вам повезет, где гарантия, что капитан поплывет куда вам надо?

— Гарантии нет, — признал Фарнхолм. — Но у него в команде числится весьма расторопный голландец по фамилии ван Эффен. Пожалуй, вместе мы сумеем убедить нашего достопочтенного капитана взять нужный курс.

— Возможно. — Тут полковнику пришла в голову другая мысль. — А где гарантия, что он будет дожидаться вас в порту?

— Вот здесь. — Фарнхолм пнул носком ботинка потертый саквояж у его ног. — Моя гарантия и страховой полис, как я надеюсь. Сиран убежден, будто моя сумка набита бриллиантами, — я использовал некоторые из них, чтобы подкупить его для путешествия сюда, — и он не так уж и ошибается. Пока он думает, что есть возможность разлучить меня с ними, он будет держаться за меня, как брат родной.

— Он… он не подозревает?..

— Исключено. Он считает меня старым пьяницей-развратником в бегах с наворованным. Я старался… хм, не выходить из роли.

— Понимаю, сэр. — Полковник наконец принял решение и потянулся к звонку. Явившемуся сержанту он велел: — Позови капитана Брайсленда.

Фарнхолм вопросительно приподнял бровь.

— Это самое меньшее, что я могу сделать для вас, сэр, — начал объяснять полковник. — Предоставить вам самолет не в моих силах, так же как и гарантировать, что к завтрашнему полудню вас не потопят. Зато я могу гарантировать, что капитан «Керри дансер» безоговорочно выполнит ваши указания. Выделю вам младшего офицера и два десятка солдат из шотландского полка для сопровождения на борт. — Полковник улыбнул-

ся. — Они и в лучшие времена те еще задиры, а сейчас так и вовсе озверели. Сомневаюсь, что у вас возникнут проблемы с капитаном Сираном.

— Уверен, что не возникнут. Чертовски благодарен вам, полковник. Это очень облегчит мне дело. — Фарнхолм застегнул рубашку, взял саквояж и протянул руку. — Что ж, благодарю вас за все, полковник. Понимаю, что звучит глупо, с учетом того, что вас ожидает концлагерь, и тем не менее — всего вам хорошего.

— Спасибо, сэр. А вам удачи — видит бог, она вам понадобится. — Взглянув туда, где у Фарнхолма под рубашкой был спрятан ремень с фотодокументами, полковник мрачно добавил: — У нас, по крайней мере, есть шанс.

Когда бригадный генерал Фарнхолм вновь вышел в темноту ночи, дым уже слегка рассеялся, однако в воздухе по-прежнему стоял специфический и весьма неприятный смешанный запах кордита, смерти и тлена, столь хорошо знакомый старому солдату. Снаружи его дожидался построенный отряд с младшим офицером во главе.

Винтовочная и пулеметная пальба заметно активизировалась, поскольку улучшилась видимость, артиллерийский же огонь прекратился вовсе, — по-видимому, японцы решили не усерд-

ствовать с разрушением города, который днем все равно перейдет в их руки. Под крапающим дождиком и под аккомпанемент несмолкающих выстрелов Фарнхолм и его эскорт быстро двигались по пустынным улицам и уже через несколько минут достигли морской набережной. Здесь ветерок с востока практически полностью очистил воздух.

Дым исчез, и Фарнхолм почти сразу понял кое-что, отчего его пальцы на ручке саквояжа сжались так, что побелели костяшки, а предплечье заныло от напряжения. Маленькая шлюпка с «Керри дансер», которую он оставил легонько тереться о причал, тоже исчезла. Охваченный дурными предчувствиями, Фарнхолм быстро окинул взглядом рейд, однако смотреть там оказалось не на что. Каботажного судна как не бывало. Лишь капал дождь, задувал ветер в лицо, да откуда-то слева доносились тихие душераздирающие всхлипывания маленького мальчика, одиноко плачущего в ночи.

Глава 2

Командир отряда тронул Фарнхолма за плечо и кивнул на море:

— Судно, сэр… Оно уплыло!

Бригадному генералу стоило значительных усилий сдержаться. Когда он заговорил, голос его звучал спокойно и деловито, как обычно:

— Похоже на то, лейтенант. Как поется в старинной песне, оставили нас стоять на бережку. Чертовски удручающе, мягко выражаясь.

— Так точно, сэр. — Реакция Фарнхолма на экстренную ситуацию показалась лейтенанту Паркеру не слишком впечатляющей. — Что же теперь делать, сэр?

— Хороший вопрос, молодой человек. — Какое-то время Фарнхолм стоял неподвижно, задумчиво потирая подбородок, затем вдруг спросил: — Слышите детский плач где-то неподалеку?

— Так точно, сэр.

— Поручите кому-нибудь из своих солдат привести ребенка сюда. И по возможности, — добавил он, — выберите человека с лицом подобрее, чтобы не испугать малыша до полусмерти.

— Сюда, сэр? — изумленно переспросил офицер. — Но в городе сотни маленьких беспризорников… — Он осекся, поскольку Фарнхолм внезапно навис над ним, сверля из-под насупленных бровей холодным и жестким взглядом.

— Полагаю, лейтенант Паркер, вы не страдаете глухотой? — озабоченно поинтересовался он все тем же тихим голосом, предназначенным лишь для ушей офицера.

— Так точно, сэр! То есть никак нет! — (Недавнее заключение лейтенанта о Фарнхолме подверглось поспешному пересмотру.) — Я немедленно отряжу солдата, сэр!

— Благодарю. Затем пошлите своих людей в обе стороны вдоль берега, примерно на полмили. Пускай приведут сюда всех, кто им попадется, — вдруг они смогут что-нибудь рассказать о пропавшем судне. Да, и разрешите солдатам при необходимости использовать убеждение.

— Убеждение, сэр?

— В любой форме. Сегодня ночью ставки слишком высоки, лейтенант. Как только отдадите приказы, мне нужно будет переговорить с вами с глазу на глаз.

Он отошел на несколько шагов в темноту, где через минуту к нему присоединился Паркер.

Фарнхолм закурил новую сигару и внимательно посмотрел на молодого офицера.

— Молодой человек, вам известно, кто я такой? — неожиданно спросил он.

— Нет, сэр.

— Бригадный генерал Фарнхолм. — Различимо напрягшаяся фигура лейтенанта вызвала у него усмешку. — А теперь, когда вы услышали это, забудьте. Вы никогда про меня не слышали. Понятно?

— Нет, сэр, — вежливо ответил Паркер. — Но сам приказ мне прекрасно понятен.

— Большего от вас и не требуется. И впредь обойдемся без «сэров». Вам известна моя задача?

— Нет, сэр, мне…

— Никаких «сэров», я же сказал, — перебил его Фарнхолм. — Если перестанете так обращаться ко мне, когда мы наедине, то и на людях не сболтнете.

— Прошу прощения. Нет, мне неизвестна ваша задача. Но полковник дал понять, что это дело чрезвычайной важности и серьезности.

— Полковник нисколько не преувеличил, — с чувством проворчал Фарнхолм. — И это очень хорошо, что вы ничего не знаете о моем деле. Если нам удастся перебраться в безопасное место,

обещаю рассказать, в чем его суть. Пока же чем меньше вы и ваши солдаты знают, тем лучше для всех нас. — Он замолчал и глубоко затянулся сигарой. Посозерцав ее рдеющий кончик, он спросил: — Вам известно, лейтенант, кто такой пляжный бродяга?

— Пляжный бродяга? — Внезапная перемена темы застала офицера врасплох, однако он быстро собрался. — Разумеется.

— Вот и замечательно. Отныне я таковым и являюсь, а вы извольте обращаться со мной соответствующим образом. Старый, спившийся, никчемный бродяга, только и думающий, как бы спасти собственную шкуру. Беззлобное и снисходительное презрение — вот ваша линия поведения. Строгая, а если надо, то и жесткая. Вы наткнулись на меня на улице — я искал какой-нибудь транспорт из Сингапура. Я рассказал вам, что прибыл сюда на паровой посудине, и вы решили реквизировать ее для собственных нужд.

— Но посудина-то уплыла, — резонно заметил Паркер.

— Тут не поспоришь, — признал Фарнхолм. — Но возможно, мы еще отыщем ее. Могут и другие попасться, хотя сомнительно. Суть в том, чтобы у вас были наготове легенда и манера поведения.

Кстати, наша цель — Австралия.

— Австралия! — От изумления Паркер на мгновение забылся. — Боже мой, сэр, это же в нескольких тысячах миль отсюда!

— Да, расстояние приличное, — согласился Фарнхолм. — Тем не менее именно Австралия — пункт нашего назначения, даже если мы не раздобудем ничего крупнее гребной шлюпки. — Вдруг он осекся и развернулся. — Кажется, лейтенант, один из ваших людей возвращается.

И действительно, из темноты появился военный, на рукавах которого четко различались три белых шеврона. Это был здоровяк шести с лишним футов ростом и соразмерно широкоплечий, и детская фигурка у него на руках казалась совсем крошечной. Мальчуган, уткнувшись лицом в загорелую шею мужчины, по-прежнему плакал, но уже совсем тихо.

— Вот он, сэр. — Дюжий сержант погладил ребенка по спине. — Кажется, маленький недотепа здорово перепугался, но это пройдет.

— Конечно пройдет, сержант. — Фарнхолм потрепал мальчика по плечу. — Как тебя зовут, малыш?

Упомянутый малыш бросил на него быстрый взгляд, обхватил сержанта ручонками за шею

и снова залился слезами. Фарнхолм поспешно отступил.

— Ладно, ладно. — Он философски покачал головой. — Увы, никогда не находил общего языка с детьми. Сварливый старый холостяк и все такое прочее. С именем можно и подождать.

— Его зовут Питер, — невыразительно произнес сержант. — Питер Тэллон. Ему два года и три месяца, живет на Майсур-роуд на севере Сингапура и принадлежит к англиканской церкви.

— И он сказал вам все это? — недоверчиво спросил Фарнхолм.

— Он и слова не произнес, сэр. У него жетон на шее.

— В самом деле, — пробормотал бригадный генерал.

Больше добавить ему было нечего. Дождавшись, когда сержант вернется к своему отряду, он внимательно посмотрел на Паркера.

— Приношу свои извинения, — со всей искренностью сказал тот. — Но как вы догадались?

— Да я был бы последним олухом, если б после двадцати трех лет на Востоке не догадался. Разумеется, малайских и китайских беспризорников на улицах уйма, но беспризорники они по собственной воле. И нужно еще постараться, чтобы

увидеть их плачущими. Они если и плачут, то недолго. Люди здесь заботятся о своих, и не только о детях. — Помолчав немного, Фарнхолм снова обратил на Паркера вопросительный взгляд. — Есть предположения, что сделают с этим мальчиком человеколюбивые японцы, попадись он им?

— Есть, — мрачно кивнул лейтенант. — Кое-что видел сам и много чего слышал.

— И это отнюдь не выдумки, скорее, лишь полуправда. Они настоящие изуверы. — Фарнхолм резко сменил тему. — Давайте вернемся к отряду. А по пути распекайте меня на все лады. Это произведет нужное впечатление — нужное для меня, разумеется.

Прошло пять минут, потом десять. Солдаты беспокойно расхаживали по берегу, кто-то закурил, другие уселись на свои вещмешки, но все молчали. Даже мальчик прекратил плакать. Из северо-западной части города отчетливо доносилась отрывистая трескотня винтовочных выстрелов, однако в остальном ночь выдалась очень тихой. Ветер сменился, и дым медленно развеивался. Дождь шел по-прежнему и даже усилился, к тому же похолодало.

Через какое-то время с северо-восточного направления, где располагалось устье Каланга,

донесся звук приближающихся шагов — размеренная поступь трех шагающих в ногу солдат и торопливый, беспорядочный стук женских каблуков. Паркер воззрился на появившуюся из темноты компанию, затем повернулся к старшему в группе:

— Что это такое? Кто эти люди?

— Медсестры, сэр. Бродили тут неподалеку. Кажется, они заблудились, сэр, — попытался заступиться за женщин солдат.

— Заблудились? — Лейтенант переключился на высокую девушку, оказавшуюся к нему ближе всех: — Какого черта вы шатаетесь по городу посреди ночи?

— Мы ищем отряд раненых, сэр, — ответила та тихим голосом с хрипотцой. — Раненых и больных солдат. Кажется, мы… не можем их найти.

— Я так и понял, — сухо отозвался Паркер. — Вы главная в группе?

— Да, сэр.

— Как вас зовут? — смягчившись, спросил офицер; у девушки был приятный голос, и она явно очень устала и дрожала под холодным дождем.

— Драхман, сэр.

— Мисс Драхман, вы часом не видели дизельный или паровой каботажник где-нибудь у

берега? Может, слышали что-нибудь?

— Нет, сэр. — В усталом голосе прозвучало удивление. — Все до одного суда покинули Сингапур.

— Очень надеюсь, что вы ошибаетесь, — пробормотал Паркер. Затем добавил громко: — Вы умеете обращаться с детьми, мисс Драхман?

— Что? — еще больше удивилась девушка.

— Наш сержант нашел маленького мальчика. — Лейтенант кивнул на малыша, которого военный так и держал на руках, но уже завернутого в плащ-палатку, чтобы укрыть от дождя и холода. — Он остался совсем один, потерялся и обессилел. Его зовут Питер. Не присмотрите за ним пока?

— О да, конечно присмотрю.

Едва медсестра протянула руки к ребенку, как откуда-то слева вновь донесся звук приближающихся шагов — не размеренная солдатская поступь, не четкий перестук женских каблуков, а неуклюжее шарканье, характерное для глубоких стариков. Или для тяжелобольных. Постепенно из темноты и пелены дождя показалась длинная неровная колонна солдат, которые весьма условно держались по двое, к тому же покачивались и спотыкались. Возглавлял отряд невысокий человек с задранным левым плечом и пулеме-

том «брэн», оттягивающим ему правую руку. На голове у него был небрежно надет балморал, а над его голыми худыми коленками болтался мокрый килт. В двух ярдах от Паркера мужчина остановился, скомандовал «Стой!», развернулся, чтобы проследить, как опускают носилки — только тогда лейтенант заметил, что нести их помогали трое его подчиненных, — и вдруг побежал назад, чтобы перехватить последнего солдата в колонне, по какой-то причине продолжавшего бесцельно брести в темноту. Фарнхолм посмотрел ему вслед, затем перевел взгляд на стоящих под дождем больных, искалеченных и изнуренных солдат, погруженных в собственные страдания и безмолвное изнеможение. Он удивленно покачал головой:

— Боже мой! Дудочнику из сказки такая процессия даже не снилась!

Коротышка в килте вернулся в начало колонны. Неловко, морщась от боли, он опустил пулемет на мокрую землю, выпрямился и вскинул руку к балморалу в салюте, сделавшем бы честь смене караула Королевской гвардии.

— Капрал Фрейзер прибыл, сэр!

Его произношение отличалось легкой картавостью, характерной для северо-восточных нагорий

Шотландии.

— Вольно, капрал. — Паркер уставился на него во все глаза. — А не проще… не проще ли было переложить пулемет в левую руку?

Он понимал, что вопрос прозвучал по-идиотски, однако зрелище вереницы измученных, полуживых зомби, неожиданно материализовавшихся из мрака, немного выбило его из колеи.

— Так точно, сэр! Прошу прощения, сэр. Кажется, мое левое плечо вроде как сломано, сэр.

— Вроде как сломано, — завороженно повторил лейтенант. Усилием воли он стряхнул с себя все возрастающее ощущение нереальности происходящего. — Какой полк, капрал?

— Аргайл и Сазерлендс, сэр.

— Ну конечно, — кивнул Паркер. — Кажется, я узнал вас.

— Так точно, сэр. Лейтенант Паркер, верно, сэр?

— Верно. — Офицер указал на колонну солдат, терпеливо стоящих под дождем. — Значит, вас назначили старшим?

— Так точно, сэр.

— С какой целью?

— С какой? — На осунувшемся лице капрала отразилось недоумение. — Не знаю, сэр. Полагаю,

кто-то ведь должен командовать, а я среди них единственный в хорошей форме.

— Единственный в хорошей форме… — не веря своим ушам, пробормотал Паркер. Затем он глубоко вздохнул и продолжил: — Я вовсе не это имел в виду, капрал. Куда вы ведете своих людей?

— Толком и не знаю, сэр, — признался Фрейзер. — Мне приказали увести раненых с линии огня в какое-нибудь безопасное место и по возможности предоставить им медицинский уход. — Он ткнул большим пальцем в направлении, откуда доносилась прерывистая пальба, и добавил извиняющимся тоном: — Там вроде как бардак, сэр.

— Это точно, — согласился Паркер. — Но на набережной-то что вы делаете?

— Ищем какой-нибудь корабль, сэр, — так же виновато ответил маленький капрал. — В приказе говорилось про безопасное место. Сдается мне, до этого места топать и топать.

— Топать и топать. — Паркера вновь охватило чувство нереальности. — А вы понимаете, капрал, что, пока вы доберетесь хоть куда-то, ближайшим безопасным местом будет уже Австралия или Индия?

— Так точно, сэр, понимаю. — Выражение лица коротышки нисколько не изменилось.

— Боже мой! — впервые подал голос Фарнхолм, несколько ошарашенный. — И ты собирался отправиться в Австралию на гребной шлюпке с этими… этими… — Он махнул рукой на колонну терпеливо дожидающихся раненых, так и не подобрав слов.

— Разумеется, собирался, — угрюмо ответил Фрейзер. — Ведь у меня приказ.

— Ты, я вижу, так просто не сдаешься, капрал? — Фарнхолм смерил его взглядом. — В японском концлагере у тебя будет в сто раз больше шансов. Благодари свою судьбу, что в Сингапуре не осталось ни одной посудины!

— Может, не осталось, а может, и осталось, — спокойно возразил капрал. — На рейде стоит один корабль. — Он посмотрел на Паркера. — Я как раз ломал голову, как до него добраться, когда появились ваши люди, сэр.

— Что? — Фарнхолм шагнул вперед и схватил его за здоровое плечо. — Корабль на рейде? Приятель, ты уверен?

— Естественно, уверен. — Фрейзер неторопливо и с достоинством высвободился. — Всего десять минут назад я слышал, как он опускает якорь.

— С чего ты взял? — не отставал Фарнхолм. — А может, якорь поднимали, и…

— Послушай, дружище, — перебил его капрал. — Может, я похож на дурака, может, я и есть дурак, но я знаю чертову разницу между…

— Довольно, капрал, довольно! — поспешно вмешался Паркер. — Так где стоит этот корабль?

— За доками, сэр. Примерно в миле отсюда. Трудно сказать наверняка, там до сих пор все дымом затянуто.

— За доками? В гавани Кеппел?

— Нет, сэр, так далеко мы не заходили. Всего лишь в миле отсюда, прямо за Малайским мысом.

Даже в темноте путешествие не отняло много времени, от силы четверть часа. Подчиненные Паркера несли носилки, они же помогали ходячим раненым. Теперь всеми ими — мужчинами и женщинами, здоровыми и больными — завладела одна и та же всепоглощающая целеустремленность. В обычных условиях никто из них не возлагал бы особых надежд на столь скудное свидетельство, как скрежет то ли опускающегося, то ли поднимающегося якоря, однако на них так сильно подействовали постоянные потери и отступления последних недель, так сильно они

были уверены, что, прежде чем этот день закончится, им грозит пленение, — пленение и одному богу известно, сколько лет забвения, — и столь глубоко было ощущение безысходности, что даже такой тусклый лучик надежды превратился в сияющий маяк, прорезающий мрак их отчаяния. Но дух этих измученных людей намного превосходил их силы, и к тому времени, когда капрал Фрейзер остановился, большинство из них едва держались на ногах, тяжело дышали и только что не висели на более крепких товарищах.

— Здесь, сэр. Где-то здесь я и услышал звук якоря.

— В какой стороне? — требовательно спросил Фарнхолм.

Он проследил взглядом в направлении, указанном стволом капральского «брэна», однако ничего не увидел: как и предупреждал Фрейзер, над темными водами все еще стелился дым. Рядом с ним возник Паркер, который прошептал, почти касаясь губами его уха:

— Фонарь? Сигнал?

Фарнхолм с трудом расслышал его. Какое-то мгновение он колебался, но лишь мгновение: как-никак терять им было нечего. Скорее ощутив, нежели увидев, его кивок, лейтенант велел

подчиненному:

— Сержант, помигайте фонарем в ту сторону. Продолжайте, пока не ответят или не направятся к нам. А вы двое, пройдитесь по причалу — вдруг где-нибудь оставили лодку.

Прошло пять минут, затем десять. Сержант монотонно щелкал фонарем, но никакого движения на море не наблюдалось. Еще через пять минут вернулись ни с чем отправленные на разведку солдаты. Миновало еще пять минут — пять минут, за которые моросящий дождь усилился до проливного, тяжелые капли так и отскакивали от щебеночной дороги, — а потом капрал Фрейзер прочистил горло и сообщил будничным тоном:

— Я слышу, как что-то приближается.

— Что? Где? — встрепенулся Фарнхолм.

— Вроде весельной лодки. Я слышу скрип уключин. По-моему, идут прямо на нас.

— Ты уверен? — Какое-то время Фарнхолм с напряжением вслушивался сквозь стук дождя по дороге и шипение вспениваемой поверхности моря. — Ты уверен, приятель? — повторил он. — Я ни черта не слышу!

— Да, уверен. Слышу так же четко, как и все остальное.

— Он прав! — взволнованно подтвердил здо-

ровяк-сержант. — Ей-богу, он прав, сэр. Я тоже слышу!

Вскоре уже все слышали протяжный скрип, издаваемый уключинами при сильных гребках. Напряженное ожидание, порожденное первыми словами Фрейзера, было смыто почти осязаемой волной неописуемого облегчения, охватившего людей. Все разом заговорили, негромко, но взволнованно, и лейтенант под шумок подобрался поближе к Фарнхолму и тихонько спросил:

— Как насчет остальных — медсестер и раненых?

— Пускай поплывут, Паркер. Если захотят. Шансы наши крайне малы. Объясните им все риски и скажите, что решать должны они сами. Потом велите им вести себя тихо и отойти подальше, чтобы их не было видно. Кто бы это ни был — а это наверняка люди с «Керри дансер», — нельзя их спугнуть. Как только услышите, что лодка трется о пристань, двигайтесь вперед и захватывайте ее.

Офицер кивнул, повернулся к остальным, и его четкие указания прорезали гул возбужденных голосов:

— Так. Подняли носилки. Всем отойти назад, на другую сторону дороги, и хранить молчание.

Не издавайте ни звука, если хотите вернуться домой. Капрал Фрейзер?

— Сэр?

— Вы и ваши люди, вы хотите отправиться с нами? Если нам удастся взойти на борт, весьма вероятно, что в течение двенадцати часов нас потопят. Вы все должны это понимать.

— Я понимаю, сэр.

— Значит, вы с нами?

— Так точно, сэр.

— Не хотите спросить остальных?

— Нет, сэр. — Обиженный тон капрала со всей очевидностью отражал его презрение к таким смехотворно демократическим порядкам в современной армии, и Фарнхолм усмехнулся в темноте. — Они тоже поплывут, сэр.

— Хорошо. Пусть это будет на вашей совести. Мисс Драхман?

— Я поплыву, сэр, — тихо ответила девушка и зачем-то поднесла левую руку к лицу. — Конечно поплыву.

— А другие?

— Мы уже обсудили это. — Она указала на девушку-малайку, стоящую рядом. — Лена тоже хочет уплыть. А остальным все равно, хоть плыть, хоть оставаться. Это из-за шока, сэр: в наш гру-

зовик попал снаряд. Но я считаю, что им лучше отправиться с нами.

Паркер хотел что-то ответить, однако Фарнхолм жестом велел ему замолчать, взял у сержанта фонарь и приблизился к самому краю пристани. В луче света менее чем в ста ярдах от берега различался смутный силуэт шлюпки. Фарнхолм вгляделся сквозь струи ливня, и как раз в этот самый момент вокруг лодки вспенилась вода: человек на корме отдал приказ, и гребцы принялись энергично табанить, пока лодка не замерла в темноте.

— Эй, на шлюпке! — крикнул Фарнхолм. — «Керри дансер»?

— Да, — звучно прорезал шум дождя чей-то бас. — А ты кто?

— Фарнхолм, разумеется!

Снова послышался приказ человека на корме, и гребцы вновь навалились на весла.

— Ван Эффен?

— Да, ван Эффен.

— Вот умница! — Теплота в голосе Фарнхолма была неподдельной. — В жизни не был так рад видеть кого-то! Что у вас стряслось?

Шлюпка находилась уже в двадцати футах от пристани, так что можно было разговаривать, не

повышая голоса.

— Ничего особенного, — ответил голландец на прекрасном разговорном английском, практически без акцента. — Наш достопочтенный капитан передумал дожидаться тебя, взял и уплыл. Но мне удалось его переубедить.

— А ты уверен, что «Керри дансер» не уйдет без тебя? Боже правый, ван Эффен, отправил бы вместо себя кого-нибудь другого. Этому черту веры ни на грош!

— Знаю. — Уверенно орудуя румпелем, голландец направил шлюпку к каменной кладке пристани. — Если «Керри» и уплывет, то уплывет без своего капитана. Он сейчас сидит на дне шлюпки со связанными руками, и в спину ему упирается дуло моего револьвера. По-моему, капитан Сиран не очень доволен.

Фарнхолм подсветил фонарем. Доволен или нет был капитан, сказать было невозможно, однако в личности Сирана сомнений не возникало. Его гладкое смуглое лицо, как обычно, ничего не выражало.

— А чтобы совсем уж наверняка, — продолжал ван Эффен, — два механика находятся в каюте мисс Плендерлейт — связаны по рукам и ногам, можно сказать. Они не удерут. Дверь заперта, а

мисс Плендерлейт с ними в каюте, с пистолетом в руке. Она в жизни не стреляла, но, по ее словам, готова попробовать. Она замечательная пожилая леди, Фарнхолм.

— Ты все продумал! — восхищенно отозвался тот. — Если бы только…

— Ну все, довольно! Фарнхолм, в сторону! — Рядом с бригадным генералом вырос Паркер, направив мощный фонарь на обращенные в их сторону лица в лодке. — Давайте без глупостей! — приказал он, стоило ван Эффену вскинуть револьвер. — Спрячьте эту штуку — на вас нацелен десяток пулеметов и винтовок.

Голландец медленно опустил оружие и холодно уставился на Фарнхолма.

— Ловко ты все провернул, — медленно проговорил он. — Такому шедевру вероломства даже капитан Сиран позавидовал бы.

— Это вовсе не вероломство! — запротестовал Фарнхолм. — Это британские военные, наши друзья, но у меня не было выбора! Я все объясню…

— Заткнитесь! — бесцеремонно перебил его лейтенант. — Потом будете объясняться. — Он посмотрел на ван Эффена. — Мы поплывем с вами, хотите вы того или нет. У вас моторная шлюпка, так почему вы пришли на веслах?

— Ясное дело, чтобы не шуметь. Здорово же нам это помогло, — с горечью добавил голландец.

— Заводите мотор, — велел Паркер.

— Будь я проклят, если заведу!

— Очень может быть, что этим дело и кончится. Вы почти наверняка умрете, если не подчинитесь, — холодно парировал лейтенант. — Ван Эффен, вы кажетесь разумным человеком. Глаза и уши у вас имеются, так что вы должны понимать, что мы отчаянные парни. Чего вы сейчас добьетесь своим детским упрямством?

Голландец какое-то время молча сверлил его взглядом, затем кивнул, грубо ткнул Сирана в бок револьвером и отдал приказ. Уже через минуту мотор ожил и начал размеренно тарахтеть, когда между скамьями разместили первых раненых солдат. Всего через полчаса последние из мужчин и женщин с причала благополучно перебрались на «Керри дансер». Людей перевезли в два захода, достаточно коротких, — капрал Фрейзер почти не ошибся в оценке расстояния, и каботажник стоял на якоре как раз за трехфатомовой[1] продольной отмелью Пагар-Спит.

«Керри дансер» снялась с якоря около половины

---

[1] Notes: 1

Фатом — морская сажень, около 1,8 м.

третьего ночи, став последним судном, покинувшим Сингапур перед его захватом японцами, что произошло в тот же день. Ветер уже стих, дождь ослабел до мороси, и во мраке ночи на темный город опустилась гнетущая тишина. Пожаров было не видать, так же как и любых огней, полностью смолкли беспорядочные винтовочные выстрелы. Все вдруг стало неестественно, зловеще тихим, безмолвным, как сама смерть, однако совсем скоро, едва лишь первые лучи солнца тронут крыши Сингапура, разразится буря.

Фарнхолм находился в мрачной сырой каюте в кормовой части «Керри дансер», помогая двум медсестрам и мисс Плендерлейт перевязывать раненых, когда раздался стук в дверь — единственную дверь в помещении, выходящую на кормовую колодезную палубу[2]. Он выключил свет, вышел наружу и плотно закрыл за собой дверь. Затем повернулся к фигуре, неясно вырисовывающейся во мраке.

— Лейтенант Паркер?

— Да. — Офицер махнул рукой в темноте. — Пожалуй, нам лучше подняться на палубу, там не

[2] Notes: 2

Колодезная палуба — открытая палуба, расположенная ниже, чем носовая и кормовая палубы.

подслушают.

Они поднялись по металлическому трапу на кормовую палубу и подошли к поручням. Дождь практически прекратился, море было очень спокойным. Фарнхолм облокотился на перила и уставился на фосфоресцирующие пузырьки в пенистом следе «Керри дансер». Он был не прочь сейчас покурить. Молчание нарушил Паркер:

— У меня для вас весьма любопытная новость, сэр… Прошу прощения, «сэров» больше не повторится. Капрал вам не рассказал?

— Нет, он объявился на полуюте только пару минут назад. А в чем дело?

— Похоже, сегодняшней ночью «Керри дансер» была не единственным кораблем на сингапурском рейде. Когда мы в первый раз шли на шлюпке от берега, примерно в четверти мили пришвартовалась еще одна моторка. С британской командой.

— Будь я проклят! — Фарнхолм тихонько присвистнул. — Кто это был? Какого черта им здесь надо? А кто их заметил?

— Капрал Фрейзер и один из моих людей. Они услышали шум двигателя неизвестной лодки — сами-то мы, ясное дело, не слышали, потому что его заглушал наш мотор, — и отправились

на разведку. В лодке было всего два человека, оба вооруженные винтовками. Говорил только один из них, шотландец — малый с Западных островов, по словам Фрейзера, а уж ему-то в этом плане можно верить. Капрал закидал его вопросами, но добился немногого, парень оказался очень необщительным. А потом наши услышали, что от «Керри дансер» возвращается шлюпка, и им пришлось уйти. Фрейзеру показалось, что один из неизвестных проследил за ними, но точно он не уверен.

— «Любопытная» — вряд ли подходящее слово для этой новости, лейтенант. — Задумчиво покусывая нижнюю губу, Фарнхолм уставился на море. — Значит, Фрейзер не выяснил, откуда они, что у них за корабль, куда направляются?

— Нет, ничего не выяснил, — уверенно ответил Паркер. — Могут быть откуда угодно.

Они обсуждали случившееся еще несколько минут, пока Фарнхолм не заявил:

— Ладно, Паркер, хватит переливать из пустого в порожнее. Эта история уже закончилась, никто не пострадал, а мы вышли сухими из воды, что самое главное. — Он намеренно сменил тему: — Ну что, всех устроили?

— Да, более или менее. Сиран будет с нами

сотрудничать, в этом можно не сомневаться — он прекрасно понимает, что его жизнь на кону точно так же, как и каждого из нас. Вряд ли его пощадит нацеленная на нас бомба или торпеда. Я поставил человека следить за ним, еще один присматривает за рулевым, а третий — за вахтенным механиком. Остальные мои люди спят на полубаке — и бог свидетель, сон им необходим. Четверых я разместил в каюте в средней части судна, чтобы в случае чего оказались под рукой.

— Что ж, замечательно. — Фарнхолм одобрительно кивнул. — А остальные медсестры — две китаянки и пожилая малайка?

— Эти тоже в одной из кают. Все три так и не оправились от взрыва.

— Ван Эффен?

— Спит на палубе, под шлюпкой. Рядом с ходовой рубкой, футах в десяти от капитанской. — Лейтенант усмехнулся. — На вас он больше не злится, но на Сирана зуб у него заточен еще очень остро. Похоже, он выбрал подходящее место для ночлега. Вообще, надежный малый.

— Да, он такой. Что насчет еды?

— Дрянная, зато много. Хватит на семь, а то и на десять дней.

— Надеюсь, нам повезет съесть все это, — мрач-

но отозвался Фарнхолм. — И еще одно. Вы уже дали всем понять, и в особенности Сирану, что на этой посудине я теперь мелюзга, а единственный, кто имеет значение, это вы?

— Думаю, теперь вы не на таком хорошем счету, как прежде, — скромно ответил Паркер.

— Вот и прекрасно. — Фарнхолм почти безотчетно прикоснулся к ремню под рубашкой. — Только не переусердствуйте, просто игнорируйте меня при каждом удобном случае. Кстати, вы можете кое-что сделать для меня по пути на бак. Вы знаете, где радиорубка?

— Прямо за ходовой? Да, я видел.

— Там спит радист, — кажется, его зовут Уилли Лун. По-моему, славный малый, — бог знает, как его занесло на этот плавучий гроб, — но сам я обращаться к нему не хочу. Узнайте, какой у его рации передающий радиус, и сообщите мне перед рассветом. Возможно, где-то в это время мне нужно будет сделать вызов.

— Слушаюсь, сэр. — Паркер чуть помялся, собираясь о чем-то спросить, но вдруг передумал. — Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня. Прямо сейчас пойду и узнаю. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, лейтенант.

Фарнхолм постоял еще немного, облокотившись на поручень и прислушиваясь к астматическому скрежету престарелого двигателя, пока «Керри дансер» размеренно пробивалась на восток-юго-восток по спокойному маслянистому морю. Наконец он со вздохом выпрямился, развернулся и стал спускаться по трапу. В полуюте в одной из его сумок хранились бутылки с виски, а ему необходимо было поддерживать свою репутацию.

Большинство людей почти наверняка придут в ярость, если их разбудить в половине четвертого ночи и задать чисто технический вопрос, но Уилли Лун к их числу не относился. Он просто уселся на койке, улыбнулся лейтенанту и сообщил, что рабочая дальность его передатчика составляет всего лишь пятьсот миль, после чего снова улыбнулся. Эта улыбка на его приятном круглом лице воплощала собой доброжелательность и жизнерадостность, и Паркер про себя решил, что Фарнхолм был на все сто прав в своей оценке радиста. Уилли Луну было не место на «Керри дансер».

Лейтенант поблагодарил его и уже направился к двери, как вдруг заметил на рабочем столе нечто, по его мнению, совершенно не вяжущееся

с каботажником вроде «Керри дансер», а именно круглый торт под сахарной глазурью. Отсутствие мастерства при его изготовлении отчасти компенсировалось обилием маленьких свечек, воткнутых в верхушку. Поморгав от удивления, Паркер повернулся к Луну:

— Боже, что это?

— Торт на день рождения, — с гордостью ответил сияющий радист. — Его испекла моя жена — вон ее фотография стоит. Испекла еще два месяца назад, чтобы я без него не остался. Миленький, правда?

— Красивый, — осторожно согласился Паркер и еще раз взглянул на снимок. — Как и девушка, которая его сделала. Вы, наверное, счастливчик.

— Да. — Лун вновь блаженно улыбнулся. — Я и вправду счастливчик, сэр.

— И когда же день рождения?

— Сегодня. Поэтому-то я и достал торт. Сегодня мне исполняется двадцать четыре.

— Сегодня! — Лейтенант покачал головой. — Определенно, все говорит за то, что вы выбрали прекрасный день для своего праздника. Что ж, желаю вам удачи и долгих лет жизни.

Он развернулся, переступил через порог и тихонько закрыл за собой дверь.

Глава 3

Уилли Лун умер, когда ему было двадцать четыре года. Умер прямо в свой двадцать четвертый день рождения, в самый полдень, в ослепительном сиянии экваториального солнца, безжалостно палящего через зарешеченный световой люк в потолке каюты. В белом сиянии, ярком немилосердном сиянии, словно насмехающемся над коптящим пламенем одинокой свечки, все еще горящей на именинном торте, над этим желтым пламенем, вспыхивающим и гаснущим, вспыхивающим и гаснущим размеренно, монотонно, в ритме бортовой качки, соответственно которой по язычку пламени туда-сюда металась черная тень решетки люка — металась по свече, по торту и по фотографии Анны Мэй, застенчиво улыбающейся батавской девушки, которая и испекла лакомство.

Но Уилли Лун не видел ни свечки, ни торта, ни снимка своей молодой жены, потому что ослеп. И не мог понять, почему у него пропало зрение, ведь последний из сокрушительных ударов, всего лишь десять секунд назад, пришелся ему в

затылок, а не спереди. Он даже не видел радиотелеграфного ключа — впрочем, это не имело значения, поскольку мистер Джонсон из школы радистов неустанно подчеркивал, что настоящий радист должен уметь работать в кромешной тьме так же четко, как и при дневном свете. И еще мистер Джонсон говорил, что радист должен покидать свой пост последним, должен оставлять судно вместе с капитаном. И потому рука Уилли Луна двигалась вверх-вниз, вверх-вниз в дробном, синкопическом ритме опытного оператора, отстукивая ключом и снова и снова посылая одно и то же сообщение: «SOS, вражеский авианалет, 0,45 с. ш., 104,24 з. д., пожар на борту; SOS, вражеский авианалет, 0,45 с. ш., 104,24 з. д., пожар на борту; SOS…»

У него болела спина, болела чудовищно. Ранения от пулеметной очереди — он не знал, сколько в него попало пуль, но боль была ужасной. И все же лучше в спину, чем в передатчик, измученно подумал Лун. Рация была бы уничтожена, если бы ее не прикрыла спина, и тогда послать сигнал бедствия не удалось бы и не оставалось бы никакой надежды. Хорошим же радистом он оказался бы, если бы не смог передать самое важное сообщение в своей жизни! Но он переда-

вал это сообщение, самое важное в своей жизни, хотя рука наливалась свинцом, а ключ прыгал из стороны в сторону, выскальзывая из неловких слепых пальцев.

В ушах неотвязно звучал странный приглушенный рев. Наверно, подумал Уилли отстраненно, это двигатели самолетов, или пожар, охвативший после налета переднюю палубу, подступает к радиорубке, или просто шумит кровь в голове. Да, скорее всего, кровь, потому что бомбардировщики должны были улететь, сделав свое дело, а в штиль пламя раздувать нечему. Все это не имело значения. Имело значение лишь то, что его рука должна продолжать выстукивать ключом, должна продолжать отправлять сообщение. И сообщение уходило снова и снова, но теперь это был спутанный, бессмысленный набор точек и тире.

Однако Лун этого не знал. Чувства его уже утратили ясность. Все в сознании померкло и перемешалось, и он как будто падал, хотя и ощущал удерживающий его краешек сиденья стула под коленями, и знал, что по-прежнему находится в радиорубке, по-прежнему сидит перед передатчиком. Уилли улыбнулся собственной несообразительности и вновь вспомнил мистера

Джонсона. Подумал, что наставнику не было бы за него стыдно, если бы он мог увидеть его сейчас. Подумал о своей темноволосой, ласковой Анне Мэй и снова улыбнулся, без всякой горечи. А еще у него был торт. Такой миленький тортик, какой только Анна и могла испечь, а он даже не попробовал его. Уилли Лун печально покачал головой и тут же вскрикнул: его разбитую голову до самых невидящих глаз пронзило острым скальпелем боли.

На мгновение, всего на мгновение к нему вернулось сознание. Правая рука соскользнула с ключа. Уилли понимал, что ему во что бы то ни стало необходимо вернуть ее обратно, вот только силы в ней, похоже, полностью иссякли. Тогда он взял левой рукой правое запястье и попытался его поднять, но оно оказалось слишком тяжелым, словно его прибили к столу гвоздями. У Луна снова мелькнула смутная мысль о мистере Джонсоне — оставалось лишь надеяться, что как радист он сделал все от него зависящее. А потом он безмолвно, даже без вздоха, устало опустился грудью на стол и положил голову на скрещенные руки, при этом случайно надавив левым локтем на торт. Свечка наклонилась практически горизонтально, и воск закапал на полирован-

ную столешницу. Дым, теперь сгустившийся и почерневший, лениво поднимался завитками вверх к подволоку, растекаясь по всей крохотной рубке. Темный густой дым, однако даже такой не мог смягчить безжалостные солнечные лучи, равно как и скрыть три обрамленные краснотой аккуратные дырки на рубашке на спине Уилли Луна, словно бы задремавшего на рабочем месте. Пламя свечки вяло дрогнуло, еще раз вспыхнуло, а затем окончательно погасло.

Фрэнсис Файндхорн, кавалер ордена Британской империи, коммодор Британо-арабской танкерной компании и капитан танкера «Вирома» водоизмещением двенадцать тысяч тонн, в последний раз дважды стукнул пальцем по стеклу барометра, бесстрастно взглянул на показания прибора и молча вернулся на свое место в левом углу ходовой рубки. Он машинально поднял руку и развернул жалюзи потолочной вентиляции, направив поток себе в лицо, но тут же поморщился от горячего влажного воздуха и сдвинул створки обратно — быстро, но без поспешности. Капитан Файндхорн вообще никогда ничего не делал с поспешностью. Даже когда он снял отделанную золотой тесьмой белую фуражку и протер носовым платком свои темные редеющие волосы, вся

процедура отличалась такой размеренностью и столь совершенным отсутствием излишних движений, что невольно становилось понятно: эта взвешенная осмотрительность, эта непринужденная экономность движений составляют неотъемлемую часть его натуры.

Позади раздались мягкие шаги по твердому, как сталь, тиковому настилу. Капитан Файндхорн надел фуражку, повернулся в кресле и посмотрел на своего старшего помощника, остановившегося на том же месте, где пару секунд назад находился и он сам, и задумчиво созерцающего барометр. Какое-то время Файндхорн молча разглядывал этого человека, размышляя, что старпом являет собой образцовое опровержение широко распространенного мнения, будто светловолосые и светлокожие толком и загореть не могут: проглядывающая меж белой рубашкой и белокурыми волосами, выгоревшими на солнце почти до платинового оттенка, затылочная часть его шеи имела цвет старого красильного дуба. Наконец старпом повернулся и перехватил взгляд капитана, и тот, мельком улыбнувшись, поинтересовался:

— Ну, мистер Николсон, что скажете о показаниях?

Всего в футе от него стоял рулевой, а в пределах слышимости членов экипажа Файндхорн неизменно обращался к своим старшим офицерам в формальной манере.

Николсон пожал плечами и прошел через рубку к двери. У него была исключительно мягкая, чуть ли не кошачья походка, словно он шагал по старым сухим веткам и боялся их переломить. Старпом окинул взглядом раскаленную медную печку неба, маслянистое бронзовое сверкание моря, линию горизонта далеко на востоке, где две стихии встречались в синем с металлическим отливом мерцании, и наконец зеркальный накат волн, нарастающий к северо-востоку и нагоняющий их слева по корме. Затем Николсон снова пожал плечами, повернулся к капитану, и Файндхорн уже в сотый раз подивился ясным светло-голубым глазам своего подчиненного, еще больше выделяющимся на темном загорелом лице. Никогда в жизни не встречал капитан таких глаз, даже хоть сколько-нибудь подобных им. Они неизменно напоминали ему альпийские озера, что его только раздражало, поскольку он обладал точным, логическим умом и в Альпах отродясь не бывал.

— Как будто вполне очевидно, да, сэр? — Голос

у Николсона был мягким, ровным и непринужденным, идеально дополняющим его походку и манеру держаться и при этом не лишенным глубины и звучности, благодаря чему старпома с необычайной легкостью и четкостью можно было расслышать как сквозь гул многолюдного собрания, так и сквозь сильный ветер. Он простер руку через открытую дверь. — Все признаки налицо. Барометр показывает всего 28,5, но не более часа назад было 28,75[3]. Падает как камень. Время года неподходящее, и я никогда не слышал о тропических штормах в этих широтах, но, боюсь, нас ожидает что-то вроде шторма.

— У вас, мистер Николсон, настоящий дар к преуменьшениям, — сухо ответил Файндхорн. — И не поминайте тайфун непочтительным «что-то вроде шторма». Мало ли, услышит вас. — Помолчав, капитан улыбнулся и продолжил гораздо мягче: — Надеюсь, услышит, мистер Николсон. Это будет просто подарок судьбы.

— Поистине так, — пробормотал Николсон. — И дождь. Будет сильный дождь?

— Как из ведра, — довольным тоном заверил его капитан. — Ливень, высокие волны, ветер

---

[3] Notes: 3
Дюймов ртутного столба.

баллов десять-одиннадцать, так что этой ночью нас не засечет ни один японец, хоть из армии, хоть из флота. Какой курс, мистер Николсон?

— Один градус тридцать минут, сэр.

— Так держать. Завтра к полудню достигнем пролива Каримата, а там уже станет полегче. Отклонимся только из-за их флота, а уж назад и вовсе ни при каких обстоятельствах не повернем. — Он невозмутимо взглянул на старпома. — Как считаете, мистер Николсон, кто-то будет нас высматривать?

— Кроме парочки сотен пилотов и каждого корабля в Южно-Китайском море — нет, сэр, никто. — От мимолетной улыбки в уголках глаз Николсона проступили белые морщинки. — Сомневаюсь, что кто-то из наших маленьких желтых друзей в радиусе пятисот миль не в курсе, что прошлой ночью мы удрали из Сингапура. После того как потопили линкор «Принс оф Уэлс», мы, наверное, представляем собой самый лакомый кусочек, так что они на уши встанут. Будут прочесывать каждый пролив — Макасарский, Сингапурский, Дуриан и Рио, и верховное командование будет впадать в отчаяние и десятками бросаться на свои самурайские мечи.

— Им ведь и в голову не придет искать нас в

Комбольском и Темьянге?

— Полагаю, они достаточно разумны и оказывают нам честь, считая и нас таковыми, — рассудительно отозвался старпом. — Ночью ни один нормальный человек не поведет в тех водах огромный танкер, тем более с нашей осадкой и без единого огня.

Капитан Файндхорн склонил голову в полукивке-полупоклоне:

— Интересная у вас манера говорить комплименты самому себе, мистер Николсон.

Старший помощник ничего не ответил. Он прошествовал на другую сторону мостика, мимо рулевого и Ваньера, четвертого помощника. Его шаги по настилу звучали не громче шороха листвы. Остановившись, Николсон посмотрел через правую дверь рубки на подернутые дымкой очертания острова Линга, постепенно растворяющиеся в багряной дали. Затем он повернулся к находящимся на мостике. Ваньер и рулевой молча наблюдали за ним с усталой задумчивостью в глазах.

Сверху то и дело доносились приглушенные голоса и вялое шарканье бесцельно бродящих ног. Это были зенитчики, обслуживающие два крупнокалиберных пулемета «гочкис», установ-

ленные на крыше ходовой рубки на достаточном удалении друг от друга, по обеим сторонам от тикового экрана компасной площадки по правому борту. Пулеметы были старыми, очень старыми, маломощными и неточными, только и годящимися, что поднимать боевой дух тех, кому ни разу не доводилось применять их в бою. Две эти огневые позиции назывались «местами смертников»: возвышающаяся над судном ходовая рубка, самая высокая конструкция на надстройке, неизменно являлась приоритетной целью атак с бреющего полета на танкеры. Данный факт был прекрасно известен зенитчикам, а они были обычными людьми, и их беспокойство и уныние росло с каждым днем.

Однако и тревожная суетливость пулеметчиков, и плавные движения рук рулевого на рукоятках штурвала давали о себе знать лишь тихими, малосущественными звуками, которые периодически прерывали странную приглушенную тишину, царившую на «Вироме», — обволакивающую, всеобъемлющую тишину, плотную, словно кокон, и едва ли не осязаемую. И после всех этих незначительных звуков она становилась еще более глубокой и гнетущей, нежели прежде.

То была тишина, что наступает с сильной жа-

рой и увеличивающейся влажностью, когда после каждого глотка жидкости ладони да и вообще все тело пробивает потом. То была мертвая, абсолютная тишина, что опускается на Южно-Китайское море, пока надвигающаяся буря выжидает за горизонтом благоприятного случая. То была тишина, что окутывает людей очень уставших и на протяжении долгого времени лишенных сна. Однако главным образом то была тишина, что приходит с ожиданием. С ожиданием такого рода, когда нервы словно растянуты на дыбе и каждый дополнительный час ожидания делает натяжение еще более сильным, а если ожидание в скором времени не прекращается, натяжение становится чрезмерно сильным и нервы не выдерживают напряжения и рвутся, — но если ожидание все-таки прекращается, становится еще хуже, поскольку наступает конец не только ожидания, но и зачастую всего и вся.

Экипаж «Виромы» ждал уже долго. Хотя, пожалуй, не так уж и долго: прошла всего неделя с тех пор, как их танкер с фальшивыми вентиляционными раструбами и дымовой трубой, свеженанесенным названием «Резистенция» и под развевающимся флагом Аргентины обогнул северную оконечность Суматры и средь

бела дня вошел в Малаккский пролив. Однако в неделе семь дней, в каждом из которых двадцать четыре часа, в каждом из которых шестьдесят минут. Даже минута может длиться очень долго, когда ожидаешь чего-то неизбежного, когда понимаешь, что законы теории вероятности все безжалостнее действуют против тебя, что дольше конец оттягиваться уже не может. Даже минута может длиться очень-очень долго, когда первая бомба или торпеда может оказаться лишь в нескольких секундах от тебя, а под ногами десять тысяч четыреста тонн мазута и высокооктанового бензина…

Над ящиком для сигнальных флагов пронзительно, настойчиво заверещал телефон, словно ножом вспоров свинцовую тишину на мостике. Ваньер, худощавый шатен, занимавший должность четвертого помощника всего десять недель, находился к аппарату ближе остальных. Он вздрогнул, резко развернулся, опрокинув бинокль на шкафчике за спиной, и неловко снял трубку с крючка. Румянец, заливший его шею и лицо, проступил даже сквозь загар.

— Мостик. В чем дело?

Это должно было прозвучать четко и властно, но получилось не слишком убедительно. Послу-

шав несколько секунд, Ваньер поблагодарил, повесил трубку и повернулся обратно, едва не столкнувшись нос к носу с подошедшим Николсоном.

— Еще один сигнал бедствия, — быстро доложил Ваньер, которого неизменно смущали холодные голубые глаза старпома. — Где-то к северу.

— Где-то к северу, — повторил Николсон, и что-то в его интонации заставило четвертого помощника съежиться. — Координаты? Какой корабль? — В голосе старпома прозвучали резкие нотки.

— Н-не знаю. Я не спросил…

Николсон смерил подчиненного долгим взглядом, снял трубку и принялся быстро вращать ручку телефонного генератора. Файндхорн поманил Ваньера, и тот опасливо направился в его угол на мостике.

— Вам следовало спросить, — проговорил капитан, сама любезность. — Почему вы не выяснили?

— Я подумал, в этом нет нужды, сэр, — нервно ответил четвертый помощник и торопливо принялся оправдываться: — Сегодня это уже четвертый сигнал. Вы… Вы их проигнорировали,

вот я и решил…

— Верно, — кивнул Файндхорн. — Тут вопрос приоритетов, юноша. Я не собираюсь рисковать ценным судном, бесценным грузом и жизнями пятидесяти человек в надежде подобрать пару уцелевших с какого-нибудь межостровного пароходика. Но вдруг это транспорт или крейсер? Понятно, что такое вряд ли произойдет, но вдруг. Затем это может быть место, где мы сумеем оказать помощь, не подвергая себя особому риску. Все эти «может» и «вдруг» маловероятны, но мы должны знать, где и кто терпит бедствие, прежде чем принимать решение. — Файндхорн улыбнулся и прикоснулся к погону из золотой тесьмы у себя на плече. — Вам известно, что они означают?

— Решения принимаете вы, — натянуто ответил Ваньер. — Прошу прощения, сэр.

— Забудьте об этом, юноша. Но одну вещь вы должны помнить: к мистеру Николсону время от времени следует обращаться «сэр». Так… хм, полагается.

Теперь и вовсе пунцовый, четвертый помощник потупил глаза:

— Еще раз прошу прощения, сэр. Обычно я не забываю. Просто… Думаю, я просто немного устал

и нервничаю, сэр.

— Как и все мы, — спокойно ответил капитан. — И отнюдь не немного. Но только не мистер Николсон — он у нас никогда не устает. — Файндхорн повысил голос. — Итак, мистер Николсон?

Тот повесил трубку и принялся лаконично докладывать:

— Судно подверглось бомбардировке, на борту пожар, вероятно, тонет. 0,45 северной широты 104,24 западной долготы. Это южный вход пролива Рио. Название судна точно неизвестно. Уолтерс говорит, радиограмма передавалась совсем недолго и сначала была очень четкой, но быстро превратилась в сплошной бред. Он полагает, что их радист получил тяжелое ранение и в конце концов упал на стол и ключ, потому что закончил непрерывным сигналом, который передается до сих пор. Корабль называется, насколько Уолтерс разобрал, «Кенни данке».

— Никогда не слышал такого. Странно, что он не отправил свой международный позывной. Ну да не важно. Вам что-нибудь говорит название?

— Совершенно ничего, сэр. — Николсон покачал головой и повернулся к Ваньеру. — Но все равно поищите в «Реестре Ллойда», будьте любезны. Посмотрите на «К». В названии явно

ошибка. — Он ненадолго умолк, уставившись своими холодными голубыми глазами вдаль, затем вновь обратился к подчиненному: — Посмотрите «Керри дансер». Думаю, именно так судно и называется.

Ваньер зашуршал страницами. Файндхорн обратил на старпома вопросительный взгляд. Тот пожал плечами:

— Вполне вероятно, сэр, и путаница вполне объяснима. В азбуке Морзе «N» и «R» различаются лишь одной точкой, так же как «C» и «K». Их легко перепутать даже опытному радисту, тем более если человек серьезно ранен.

— Вы правы, сэр. — Четвертый помощник разгладил страницу справочника. — Здесь действительно значится «Керри дансер» с водоизмещением пятьсот сорок тонн. Клайд, тысяча девятьсот двадцать второй год, «Сулаймайя трейдинг компани»…

— Про этих я слышал, — перебил его капитан. — Арабская компания, инвестируемая китайцами, базируется в Макасаре. У них семь или восемь таких пароходиков. Двадцать лет назад весь их флот состоял из двух-трех парусных лодок — именно тогда они отказались от легальной торговли ввиду отсутствия прибыли и взялись за

товары, пользующиеся спросом, вроде оружия, опиума, жемчуга и алмазов, и большей частью промышляли ими незаконно. Ну и пиратством не брезговали.

— Что ж, о «Керри дансер» слез мы лить не будем!

— Не будем, мистер Николсон. Курс сто тридцать, так держать.

Файндхорн двинулся к двери на левом крыле мостика. Инцидент был исчерпан.

— Капитан!

Файндхорн остановился, неторопливо повернулся и с интересом посмотрел на Эванса. Это был вахтенный рулевой, смуглый и поджарый мужчина с тонкими чертами лица и прокуренными зубами. С видимой небрежностью держа руки на штурвале, он сосредоточенно смотрел вперед.

— Что-то хочешь сказать, Эванс?

— Да, сэр. Прошлой ночью «Керри дансер» стояла на рейде. — Эванс на мгновение перевел взгляд на капитана, затем снова уставился вперед. — С синим английским флагом, сэр.

— Что?! — Обычной невозмутимости Файндхорна как не бывало. — Их зафрахтовало адмиралтейство? Ты видел судно?

— Нет, сэр, сам не видел. Боцман видел… ка-

жется. То есть я слышал, как он говорил об этом вчера вечером, когда вы вернулись с берега.

— Ты точно уверен, матрос? Он сказал это?

— Абсолютно уверен, сэр. — Высокий голос с уэльским акцентом звучал весьма категорично.

— Сюда боцмана, немедленно! — распорядился капитан.

Он вернулся в свой угол, неспешно устроился в кресле и вернулся мыслями к минувшей ночи. Вспомнил свое удивление — и облегчение, — когда сел в шлюпку, на которой ему предстояло добраться до берега, и обнаружил, что ее команду составляют боцман и плотник. Вспомнил удивление и облегчение, когда заметил приклады двух укороченных винтовок «ли-энфилд», торчащие из-под куска парусины, небрежно наброшенного на оружие. Винтовки он никак не прокомментировал. Вспомнил капитан и звуки отдаленных выстрелов, покров дыма, затянувший Сингапур по окончании последней бомбардировки — по утренним налетам японских бомбардировщиков на город можно было часы выставлять, — и жуткую, неестественную тишину, охватившую город и дороги. Сами дороги были пустыми, безлюдными, какими он их никогда не видел. Однако Файндхорн не помнил, чтобы по пути к пристани

заметил «Керри дансер» или вообще какой-либо другой корабль с развевающимся на корме синим флагом. Было слишком темно, и его слишком занимали собственные мысли. А на обратном пути поводов для беспокойства еще прибавилось. Выяснилось, что нефтяные острова Поко-Букум, Пуло-Самбо и Пуло-Себарок взорваны или еще только ожидают подобной участи, — из-за затянувшего все и вся дыма сам он увидеть этого не мог. Последний военный корабль уже покинул Сингапур, и забрать у Файндхорна мазут было некому. Так же как и авиационный бензин: «каталины» улетели, а единственные оставшиеся «брюстеры» и торпедоносцы «вайлдебист» представляли собой обугленные остовы на аэродроме Селангора. Десять тысяч четыреста тонн взрывоопасного топлива, запертые в гавани Сингапура и…

— Маккиннон по вашему приказанию прибыл, сэр!

За двадцать лет, не пропустив ни одного сколько-нибудь заслуживающего внимания моря или порта по всему миру, Маккиннон превратился из неопытного и застенчивого салаги в своего рода легенду среди шестидесяти с лишним судов Британо-арабской компании — за свою

твердость, проницательность и неизменную компетентность. Однако все эти годы ни на йоту не изменили его мягкий шотландский выговор.

— Это насчет «Керри дансер»?

Капитан молча кивнул, продолжая смотреть на загорелого коренастого мужчину, стоявшего перед ним. У него вдруг промелькнула мысль, несколько неуместная в данный момент, что коммодору флотилии положены свои привилегии. Лучший старпом и в придачу лучший боцман компании.

— Я видел их шлюпку вчера вечером, сэр, — невозмутимо сообщил Маккиннон. — «Керри дансер» ушла как раз перед нами, полностью забитая пассажирами. — Он задумчиво посмотрел на капитана. — Плавучий госпиталь, сэр.

Файндхорн выбрался из кресла и неподвижно встал перед боцманом. Почти одинакового роста, они смотрели друг другу прямо в глаза. На мостике никто не двигался, словно боясь нарушить внезапно воцарившуюся полнейшую тишину. «Вирома» сбилась с курса на один градус, на два, затем и вовсе на три, однако Эванс даже не шелохнулся, чтобы выправить отклонение.

— Плавучий госпиталь, — повторил наконец капитан невыразительным тоном. — Плавучий

госпиталь, боцман? Это ведь всего лишь небольшое межостровное суденышко водоизмещением пятьсот тонн или около того.

— Все верно, сэр, но его реквизировали. Я разговаривал с двумя ранеными солдатами с «Керри дансер», пока вместе с Феррисом дожидался вас на пристани. Его капитана поставили перед выбором: либо лишиться судна, либо плыть в Дарвин. На борту за ним надзирает отряд солдат.

— Продолжай.

— Это все, сэр. Остававшихся на пристани перевезли на судно вторым заходом шлюпки еще до вашего возвращения. Большинство раненых у них ходячие, но было и несколько на носилках. Кажется, с ними пять-шесть медсестер — ни одной англичанки — и еще маленький мальчик.

— Женщины, дети и раненые — и ими набили один из плавучих гробов «Сулаймайя компани», в то время как архипелаг кишмя кишит японской авиацией. — В сердцах Файндхорн тихонько выругался. — Интересно, какой меднолобый гений в Сингапуре додумался до такого?

— Не знаю, сэр, — деревянным голосом произнес боцман.

Капитан бросил на него острый взгляд, затем отвел глаза.

— Вопрос был риторическим, Маккиннон, — холодно пояснил он. Понизив голос, капитан продолжил, словно бы размышляя вслух, причем собственные мысли ему определенно были не по нутру. — Если мы пойдем на север, наши шансы добраться до Рио и вернуться не просто малы, а вообще нулевые. Не будем тешить себя ложной надеждой. Потом, это может оказаться ловушкой, и, скорее всего, так оно и есть, поскольку «Керри дансер» покинула рейд до нас и должна была пройти Рио еще шесть часов назад. А если это не ловушка, то «Керри дансер» прямо сейчас тонет или уже утонула. Даже если судно все еще держится на плаву, пассажиры и команда покинули борт из-за пожара. Если они просто плавают вокруг — а большинство из них раненые, — через шесть-семь часов, когда мы доберемся до места, их останутся единицы.

Капитан умолк, чтобы закурить сигарету — в нарушение правил компании, равно как и собственных, — и затем продолжил так же монотонно и бесстрастно:

— Возможно, они пересели в шлюпки, если таковые у них остались после бомбардировки, пулеметного обстрела и пожара. За несколько часов спасшиеся вполне способны достичь одного из

десятков островков поблизости. И каковы наши шансы отыскать нужный остров в кромешной темноте в самый разгар шторма при условии, что нам хватит безумия и самоубийственного настроя двинуться в пролив Рио, а не находиться в открытом море, как полагается поступать в тайфун?

Файндхорн раздраженно крякнул, когда дым попал ему в глаза, и без того воспаленные (всю ночь он провел на мостике), с легким удивлением посмотрел на зажатую в пальцах сигарету, словно только теперь заметив ее, бросил сигарету на пол и растоптал каблуком своей белой парусиновой туфли. Какое-то время он созерцал расплющенный и погасший окурок, затем медленно обвел взглядом четырех мужчин в ходовой рубке. Этот взгляд ничего не значил, поскольку капитан Файндхорн никогда в жизни не стал бы советоваться с рулевым, боцманом или четвертым помощником.

— Каких-либо оснований подвергать опасности судно, груз и наши жизни в заведомо провальном мероприятии я не вижу.

Все по-прежнему молчали, никто даже не шелохнулся. Снова воцарилась тишина, тяжелая, зловещая, непроницаемая. Воздух был непо-

движным и очень душным — очевидно, буря была уже совсем близко. Николсон стоял, опираясь на ящик для сигнальных флагов и глядя полуприкрытыми глазами на сцепленные перед собой руки. Остальные же не мигая смотрели на капитана. «Вирома» отклонилась от курса еще больше, градусов на десять, а то и двенадцать, и продолжала методично разворачиваться.

Блуждающий взгляд Файндхорна в конце концов остановился на старпоме, и безразличие в его глазах разом исчезло.

— Слушаю, мистер Николсон.

— Разумеется, сэр, вы совершенно правы. — Николсон сменил объект созерцания на фок-мачту за окном, медленно и плавно покачивающуюся в такт усиливающимся волнам. — Тысяча к одному, что это ловушка, а если и нет, то судно, команда и пассажиры к настоящему времени могли погибнуть тем или иным образом. — Помолчав, он серьезно взглянул на рулевого, на компас, потом на капитана. — Но, как я вижу, мы уже сбились с курса на десять градусов и продолжаем отклоняться вправо, так что вполне могли бы избавить себя от лишних хлопот и продолжить разворачиваться туда же. Нужный курс — примерно триста двадцать, сэр.

— Благодарю вас, мистер Николсон. — Файндхорн сделал долгий и едва слышный выдох, затем с раскрытым портсигаром подошел к старпому. — Только на этот раз к черту правила. Мистер Ваньер, у вас имеются координаты «Керри дансер». Будьте так добры, укажите курс рулевому.

Медленно и степенно огромный танкер развернулся и двинулся на северо-запад, обратно в сторону Сингапура, в самое сердце собирающегося шторма.

Николсон оценил шансы как тысяча к одному, и капитан придерживался того же мнения, а то и еще более скептического, однако оба ошибались. Это не было ловушкой, а «Керри дансер» не утонула и даже не была оставлена людьми, по крайней мере не всеми.

В два часа пополудни того знойного и безветренного дня в середине февраля 1942 года «Керри дансер» все еще держалась на плаву, хотя ей явно оставалось недолго. Судно глубоко погрузилось в воду, вдобавок осело носом и кренилось на правый борт столь круто, что перила колодезной палубы окунались в море, то скрываясь в нем полностью, то выныривая целиком наружу, по мере того как длинные низкие волны захлестывали наклонную палубу и откатывались назад,

словно на пляже.

У судна практически отсутствовала передняя мачта, переломившаяся в шести футах над палубой; на месте трубы зиял темный провал, все еще дымящийся, а мостик превратился в свалку металлолома из искореженных стальных листов и треснувших уголковых балок, которые бредовым, сюрреалистическим силуэтом очерчивались на фоне багрового неба. Полубак — кубрик за передней колодезной палубой — выглядел так, будто его вскрыли исполинским ножом для консервных банок, бортовые люки исчезли напрочь, а от якорей и брашпиля (передней ручной лебедки) не осталось и следа. Весь этот ущерб, очевидно, был нанесен авиационной бомбой, пробившей тонкий стальной палубный настил и взорвавшейся в трюме. Вряд ли кто из оказавшихся там в тот момент успел что-либо понять, поскольку смертоносный взрыв прогремел гораздо быстрее, чем могло прийти осознание. Обшитые деревом жилые помещения на главной и верхней палубах выгорели почти дотла, как и колодезная палуба перед ними, и сквозь скелетоподобный перекошенный каркас отчетливо различались небо и море.

Трудно было даже представить, чтобы челове-

ческие существа могли выжить в шквальном, всепоглощающем и плавящем металл жаре, который превратил «Керри дансер» в обугленные мертвые обломки, тихо дрейфующие на юго-запад, в направлении Абангского пролива и далекой Суматры. И действительно, на том, что осталось от палуб, верхних и нижних, не наблюдалось ни малейших признаков жизни. Опустевший, безмолвный скелет, мертвая посудина, безвольно плывущая по Южно-Китайскому морю… Однако на «Керри дансер» находилось двадцать три живых человека.

Двадцать три человека, хотя некоторым из них оставалось жить недолго. Тяжелораненые на носилках еще до отхода судна из Сингапура стояли одной ногой в могиле, а ударное воздействие бомб и удушающий жар огня, остановившегося перед самым углублением колодезной палубы, подорвали и без того ничтожные силы у большинства из них, склонив чашу весов к смерти, — жизни в них просто не за что было держаться. Может, для несчастных и сохранилась бы какая-то надежда, пусть и очень слабая, если бы их сразу вынесли из этой душегубки и погрузили на плоты и шлюпки. Вот только возможности такой не было. За секунды до падения первой бомбы кто-то снаружи

намертво запрессовал кувалдой восемь задраек, фиксирующих единственную дверь, водонепроницаемую, что вела на верхнюю палубу.

Через эту закопченную дверь время от времени доносился одинокий крик — не боли, но какого-то невыносимого воспоминания, раздирающего чей-то помутившийся рассудок. Слышались стенания других тяжелораненых, опять-таки не из-за боли — у медсестры-евразийки имелись все необходимые лекарственные и болеутоляющие средства; не стоны боли, а лишь слабое, бесцельное бормотание умирающих. То и дело звучал мягкий женский голос, участливый, успокаивающий, порой перебиваемый раздраженным мужским. Но большей частью это был сиплый полушепот раненых и гораздо реже тяжкие вздохи и потерянные, сиротливые всхлипывания ребенка.

Опустились сумерки, короткие тропические сумерки, и море от горизонта до горизонта окрасилось в молочно-белый цвет. Но поблизости от танкера оно было зеленым и белым: высокие и крутые стены волн — зеленых, с изломанными вершинами, испещренных параллельными полосами раздуваемой пены — разбивались в бурлящем и клокочущем волнении мечущейся

фосфоресценции и вспенивались белым вдоль низких и широких палуб «Виромы», захлестывая крышки люков, трубопроводы и вентили, а порой даже сходни и мостки, что тянулись от носа к корме в восьми футах над палубой. Однако вдали от танкера, насколько можно было разглядеть в сгущающейся темноте ночи, простиралась лишь сверхъестественная поблескивающая белизна разглаживаемых ветром верхушек волн и взметающихся брызг.

Кренящаяся «Вирома», чей единственный гребной винт работал на полную мощность, упрямо пробивалась сквозь шторм на север. Она должна была следовать курсом на северо-запад, но ветер в пятьдесят узлов, налетевший внезапно, с типичным для тайфунов напором мощной приливной волны, обрушился на судно перпендикулярно правому борту, отбросив его на юг и запад, в направлении Себанги. Танкер шел в открытом море, неистово рыская, круто и монотонно раскачиваясь, когда высокие кормовые волны набрасывались на его правый борт и окатывали корпус сверху и снизу. Он сотрясался каждый раз, когда врезался носом в подошву волны, а затем натужно содрогался каждым дюймом своей четырехсотшестидесятифутовой длины,

когда нос вздымался и пробивался сквозь вал низвергающейся вспененной воды. «Вирома» словно несла суровое наказание, но именно для таких условий ее и создавали.

На правом крыле мостика, завернувшись в дождевик, сжавшись за символическим укрытием парусинового обвеса и скорее жмурясь, нежели щурясь от хлещущего ливня, капитан Файндхорн всматривался в сгущающиеся сумерки. Обеспокоенным он не выглядел, его мясистое лицо сохраняло привычное невозмутимое и бесстрастное выражение, однако он все-таки беспокоился, и беспокоился очень сильно, но не из-за шторма. Капитан едва ли замечал неистовую качку «Виромы» и взрывные, сотрясающие корпус удары носа, обваливающегося с гребней и зарывающегося в гигантских встречных волнах до самых якорных клюзов, что привело бы в ужас любого сухопутного обитателя. Основательно нагруженный танкер обладает исключительно низким центром тяжести и надлежащей остойчивостью. Правда, эти характеристики не уменьшают бортовую качку, но значение имеет вовсе не угол крена, а способность судна восстанавливать равновесие, и танкеры наделены ею в полной мере. Система водонепроницаемых поперечных

переборок придает танкеру огромную прочность, а гладкая стальная палуба с герметично задраенными крошечными входными люками делает его максимально похожим на подводную лодку. Когда речь идет о погодных условиях и ветре, танкер практически несокрушим. Файндхорн знал это как никто другой, к тому же ему доводилось водить танкеры в тайфуны куда сильнее этого, причем не только по периферии, где «Вирома» сейчас и находилась, но и через самый центр. Так что за свое судно капитан не беспокоился.

Не беспокоился он и о себе. Капитану Файндхорну больше не о чем было беспокоиться: ему было что вспомнить, но нечего было ждать впереди. Как само море, так и наниматели могли предложить старшему капитану Британо-арабской танкерной компании только еще два года командования, отставку и приличную пенсию. По выходе в отставку возвращаться Файндхорну было некуда: его дом — скромное бунгало близ дороги Букит — Тимор под Сингапуром, в котором он жил последние восемь лет, — был разрушен бомбой еще в середине января. Его сыновья-близнецы, всегда считавшие ненормальными тех, кто зарабатывает на жизнь в море, с началом войны поступили на службу в ВВС Великобритании и

погибли каждый в своем «харрикейне», один в небе над Фландрией, другой — над Ла-Маншем. Его жена Эллен пережила погибшего вторым сына лишь на несколько недель. По заключению врача, ее убила острая сердечная недостаточность — довольно точный медицинский синоним разбитого сердца. Капитану не о чем было беспокоиться, во всем мире ничто его не волновало — во всяком случае то, что касалось его лично.

Однако эгоизм не был присущ натуре Файндхорна, и простирающаяся впереди пустота не лишила его беспокойства за тех, для кого жизнь по-прежнему значила многое. Он думал о своих подчиненных, у которых, в отличие от него, были родители и дети, жены и подруги, и спрашивал себя, имел ли он моральное право развернуть танкер обратно, в сторону врага, и подвергнуть опасности жизни некомбатантов. Думал он и о топливе у себя под ногами, о правомерности своего решения рискнуть бесценным грузом, в котором отчаянно нуждалась его страна (от соображений об убытке для своей компании он отмахнулся, мысленно пожав плечами). И наконец, Файндхорн думал о своем старшем помощнике, Джоне Николсоне, работающем с ним последние три года, и эти мысли были самыми

упорными.

Джона Николсона он не знал и не понимал. Возможно, однажды у какой-нибудь женщины это получится, но Файндхорн очень сомневался, что это когда-либо удастся мужчине. У Николсона было две личности, ни одна из которых не была непосредственно связана с его профессиональными обязанностями, равно как и с манерой их исполнения, всегда абсолютно безупречной. Первый в очереди кандидатов на командование флотом Британо-арабской компании, Николсон был, по мнению Файндхорна, самым блестящим моряком, служившим под его началом за всю его тридцатитрехлетнюю капитанскую карьеру: неизменно компетентный, когда требовалась компетентность, и гениальный, когда компетентности оказывалось недостаточно, Джон Николсон ни разу не допустил ошибки. Его эффективность казалась практически нечеловеческой. Да, подумал Файндхорн, это подходящее слово для описания другой стороны натуры старпома. Обычно Николсон был вежливым, тактичным, даже до забавного обходительным, а потом с ним происходила какая-то странная перемена, и он становился надменным, отчужденным и холодным, но в первую очередь безжалостным.

Должна была существовать какая-то связь, точка пересечения двух Николсонов, что-то, что провоцировало переход от одной личности к другой. Вот только что это такое, Файндхорн не знал. Ему также не была понятна природа слабых уз, установившихся между ним и старпомом, — они не были близки, и все же капитан полагал, что к Николсону он ближе всех известных ему людей. Это могло бы объясняться тем обстоятельством, что оба недавно овдовели, но дело заключалось вовсе не в этом. Хотя и должно было бы, поскольку совпадения просто поражали: жены обоих проживали в Сингапуре, на первом у Николсона и на втором у Файндхорна сроке пятилетней служебной командировки на Дальнем Востоке, и обе умерли с разницей всего в неделю и на расстоянии всего ста ярдов друг от друга. Миссис Файндхорн умерла дома от горя; Кэролайн Николсон погибла в автомобильной аварии прямо перед белыми воротами бунгало Файндхорнов, а врезавшийся в нее пьяный лихач не получил ни царапины.

Капитан выпрямился, подтянул обмотанное вокруг шеи полотенце, стер соль с глаз и губ и взглянул на Николсона, расположившегося чуть поодаль. Старпом стоял совершенно прямо,

даже не думая прятаться за обвесом, его руки небрежно лежали на ограждении мостика, голубые глаза неспешно и внимательно обводили темнеющий горизонт, лицо было бесстрастное, почти равнодушное. Ветер и ливень, убийственная жара в Персидском заливе или январский ледяной дождь на Шельде — Джону Николсону все было едино. Он обладал иммунитетом к стихии и всегда таким и оставался — бесстрастным, равнодушным. О чем он думал, сказать было невозможно.

Ветер постепенно менял направление, медленно, очень медленно, но при этом неуклонно возрастая в силе; краткие тропические сумерки практически закончились, однако море так и оставалось молочно-белым во всю ширь, пока не терялось во мраке. Файндхорн различал мерцающее свечение по левому и правому борту, изгибающееся огромной вздымающейся подковой вокруг кормы, но впереди ничего разглядеть не мог. «Вирома» пробивалась строго на север, прямо против шквалистого ветра, и сильный ливень, удивительно холодный после такого жаркого дня, хлестал практически горизонтально через все судно, пронизывая палубы и мостик. Лицо капитана немело от тысячи крошечных

дротиков, а глаза наполнялись слезами и болью, и хотя он зажмурил их до самых узких щелочек, дождь все равно жег и слепил. Они были слепцами, пробирающимися на ощупь в слепом мире, и мир заканчивался там, где они стояли.

Файндхорн нетерпеливо покачал головой — его нетерпение возрастало наравне с тревогой и раздражением — и позвал Николсона. Судя по всему, тот его не услышал. Тогда капитан сложил ладони рупором и снова окликнул старпома, понимая, что то немногое от крика, что не унесет ветром, будет заглушено грохотом зарывающегося в волны носа и тоненьким воем оттяжек и такелажа. Он подошел к Николсону, хлопнул его по плечу, мотнул головой в сторону ходовой рубки и двинулся в помещение. Старший помощник последовал за ним. Внутри Файндхорн дождался промежутка между валами и, когда судно ринулось носом вниз, толкнул раздвижную дверь и затем защелкнул замок. Смена ливня, ветра и рева моря на сухость, тепло и чуть ли не сверхъестественную тишину произошла столь внезапно, столь кардинально, что сознанию и телу понадобилось несколько секунд, чтобы освоиться с новыми условиями.

Капитан насухо вытер полотенцем голову, по-

дошел к левой стороне переднего смотрового окна и вгляделся через штормовое стекло — вставной диск, при помощи электромотора вращающийся на высокой скорости. При нормальном ветре и дожде создаваемой центробежной силы было достаточно, чтобы круглый экран оставался чистым, обеспечивая приемлемую видимость. Но этой ночью ни о какой нормальности говорить не приходилось, а изношенный приводной ремень, замены которому не имелось, постоянно проскальзывал. Файндхорн недовольно чертыхнулся и отвернулся.

— Ну, мистер Николсон, что скажете?

— То же, что и вы, сэр. — Старпом не удосужился надеть головной убор, и его лоб был облеплен мокрыми светлыми волосами. — Впереди ничего не разглядеть.

— Я не это имел в виду.

— Знаю. — Николсон улыбнулся, удерживая равновесие во время внезапного сильнейшего крена и последовавшего затем удара волн, от которого сотряслись окна ходовой рубки. — За прошедшую неделю мы впервые в безопасности.

— Пожалуй, вы правы, — кивнул капитан. — В такую ночь даже сумасшедший не станет нас искать. Драгоценные часы безопасности,

Джонни, — продолжил он, — и нам лучше бы потратить их на покрытие еще более драгоценных миль между нами и японцами.

Николсон посмотрел на него и отвел взгляд. О чем он думал, сказать было невозможно, но Файндхорн, по крайней мере, предполагал, о чем может думать его старпом, и тихонько выругался про себя. Он постарался выразить свою мысль предельно ясно, и Николсону оставалось только согласиться с ним.

— Вероятность, что кто-то спасется, очень сомнительна, — снова заговорил Файндхорн. — В такую-то ночь. Наши шансы найти кого-нибудь совсем невелики. Опять-таки посмотрите, что творится снаружи, — как вы сами сказали, впереди ни черта не видно. И весьма высока возможность напороться на риф или даже на небольшой островок. — Он взглянул в боковое окно на неистовый ливень и несущиеся низкие облака. — Пока бушует тайфун, по звездам не сориентироваться.

— Наши шансы кого-то найти действительно малы, — согласился Николсон. Он закурил сигарету, машинально сунул использованную спичку в коробок, проследил за лениво вихрящимся в подсветке приборной панели сизым дымом и

посмотрел на капитана. — А каковы, по-вашему, шансы пассажиров «Керри дансер», сэр?

Файндхорн взглянул в ледяную голубизну его глаз и отвернулся, ничего не ответив.

— Если они сели в шлюпки до начала шторма, то уже достигли какого-нибудь из многочисленных здешних островов, — спокойно продолжил Николсон. — Если задержались с эвакуацией, то давно уже погибли: на дюжине этих каботажных судов не найдется и одной спасательной шлюпки, пригодной к подобным условиям. Мы сможем спасти только тех, кто все еще находится на судне. Я понимаю, что это иголка в стоге сена, но все-таки иголка побольше, чем плот или бревно.

Капитан прочистил горло:

— Я ценю все это, мистер Николсон…

— «Керри дансер» будет дрейфовать более или менее на юг, — перебил его старпом. Он оторвал взгляд от карты на столе. — Со скоростью два узла, может, три. По направлению к проливу Меродонг. Мы можем немного заложить влево, держась на безопасном расстоянии от острова Месана, быстро осмотримся, и на этом все.

— Слишком много допущений, — медленно проговорил Файндхорн.

— Знаю. И главное состоит в том, что они не

утонули еще много часов назад. — Николсон улыбнулся, а может, поморщился — в рубке стало очень темно, и капитану было не разобрать. — Наверно, сэр, сегодня ночью на меня что-то нашло. Быть может, дух скандинавских предков… Через полтора часа мы должны быть на месте. Даже с такими встречными волнами не больше чем через два.

— Хорошо, черт бы вас побрал! — раздраженно бросил Файндхорн. — Два часа — и мы разворачиваемся назад. — Он взглянул на светящийся циферблат часов. — Сейчас шесть двадцать пять. Предельный срок — восемь тридцать.

Отдав приказ рулевому, капитан проследовал за старпомом, который придержал для него дверь, так и порывающуюся захлопнуться при неистовом крене «Виромы». Завывающий снаружи ветер казался непреодолимой несущейся стеной, которая на несколько секунд прижала их к задней части мостика, не позволяя дышать. Дождь был уже и не дождем вовсе, а сплошным потоком мчащихся горизонтально колких ледяных струй, обдирающих открытые щеки и лоб, казалось, до самых костей. Ветер в снастях больше не завывал, а пронзительно визжал, почти достигая болевого порога слуха. «Вирома» приближалась к центру

тайфуна.

Глава 4

Капитан Файндхорн отвел на поиски два часа, не больше, но при той хрупкой надежде, что еще оставалась, он с тем же успехом мог бы выделить и две минуты, и двое суток. Все это знали, понимали, что это всего лишь красивый жест, то ли для успокоения собственной совести, то ли в память об отряде раненых солдат, о нескольких медсестрах и о радисте, умершем за передачей сигнала бедствия. Но все равно это был лишь жест отчаяния…

«Керри дансер» нашли в двадцать семь минут девятого, всего за три минуты до истечения назначенного срока. Нашли главным образом благодаря предсказанию Николсона, оказавшемуся поразительно точным: судно находилось именно там, где он и предполагал, и длинная зазубренная молния на краткий ослепительный миг высветила — ярко, как полуденное солнце, — скелетоподобное обугленное пугало. И даже при этом «Керри дансер» запросто могли бы не заметить, если бы ураганная сила ветра вдруг не стихла до шепота, а сильнейший ливень не

прекратился так внезапно, как будто на небесах закрутили исполинский кран.

Для Файндхорна, разумеется, не было никакого чуда в практически моментальном переходе от какофонии шторма к необыкновенной тишине. В самом центре тайфуна всегда существует подобный оазис спокойствия. И с этой неподвижной, гнетущей тишиной капитан сталкивался не впервые, однако в двух или трех предыдущих случаях у него имелось достаточно пространства для маневрирования, чтобы при ухудшении хода судна можно было повернуть куда вздумается. Но только не на сей раз. С севера, запада и юго-запада путь к отступлению блокировали острова архипелага. Худшего момента, чтобы оказаться в центре тайфуна, и придумать было невозможно.

С другой стороны, это был самый подходящий момент. Если на «Керри дансер» оставались живые, условия для их спасения сейчас являлись самыми благоприятными. Если кто-то оставался в живых… А вот это представлялось весьма маловероятным, насколько можно было разглядеть в лучах канальных прожекторов и левых бортовых огней танкера, пока он медленно приближался к разбитому суденышку. И даже более того, представлялось невозможным. В ослепительном

свете прожекторов «Керри дансер» казалась еще более беспомощной и брошенной, к тому же ее передняя часть уже настолько погрузилась в воду, что носовая колодезная палуба целиком исчезла и полубак торчал эдакой одинокой скалой, захлестываемой высокими волнами, — ветер стих, ливень прекратился, однако волнение на море оставалось очень сильным, к тому же стало еще более беспорядочным.

Файндхорн в угрюмом молчании взирал на «Керри дансер». Дрейфующее лагом к волне, судно лениво покачивалось в лучах света, со смещенным к правому борту центром тяжести из-за сотен тонн воды. Мертвое судно, подумал капитан. Мертвое, насколько судно вообще может быть мертвым, просто ему все никак не утонуть. Мертвое, и это его призрак, пришло вдруг на ум капитану, — а «Керри дансер» и вправду смахивала на привидение, жуткое и зловещее, подсвечиваемое изнутри сквозь искривленные прямоугольные прорехи в выжженной надстройке. Что-то эти плавучие руины напоминали Файндхорну смутно, дразняще, — и тут его осенило: это же корабль-призрак из «Сказания о Старом

Мореходе»[4], сквозь деревянный скелет которого сверкает зарешеченное солнце. Вымышленный корабль, такой же мертвый, как эта посудина. Чего-то более безжизненного, чем «Керри дансер», невозможно было вообразить… Внезапно Файндхорн осознал, что рядом стоит старпом.

— Что ж, вот оно, Джонни, — пробормотал он. — Новоиспеченный обитатель Саргассова моря, или куда там суда попадают после смерти. Неплохо прогулялись. А теперь пора возвращаться.

— Да, сэр. — Николсон как будто не слышал его. — Разрешите спустить шлюпку, сэр.

— Нет, — последовал категоричный отказ. — Мы увидели все, что хотели.

— Мы проделали большой путь ради него. — В голосе старпома практически не различалось интонаций. — Ваньер, боцман, Феррис, я и еще пара моряков. Мы могли бы добраться до них.

— Может, и могли бы. — Балансируя против сильной качки «Виромы», Файндхорн подобрался к краю левого крыла мостика и окинул взглядом волнующееся море. Даже под защитой танкера гребни и подошвы волн отстояли друг от друга на десять-пятнадцать футов, а подобные частые,

---

[4] Notes: 4

«Сказание о Старом Мореходе» — поэма английского поэта-романтика С. Кольриджа.

крутые и беспорядочные волны неизменно отличаются особой вероломностью. — А может, и нет. И я не собираюсь рисковать чьими бы то ни было жизнями, чтобы выяснить это на практике.

Николсон ничего не ответил. Через несколько секунд капитан не выдержал, снова повернулся к нему и не без раздражения продолжил:

— Ну так в чем дело? Все еще нутром ощущаете, или как там выражаются? — Он с чувством махнул рукой в сторону «Керри дансер». — Черт побери, да его же явно бросили! Это просто плавучий дуршлаг, сильно пострадавший от обстрела и пожара. Вы вправду думаете, будто после такого там остался кто-то живой? А если даже там есть люди, они ведь не могут не увидеть наши огни! Почему никто не пляшет на верхней палубе — или какая у них там еще осталась — и не машет нам рубашкой? Можете объяснить? — язвительно закончил Файндхорн.

— Понятия не имею, сэр, хотя и могу предположить, что тяжелораненому солдату — Маккиннон же сказал, что у них на борту несколько лежачих, — было бы трудно, очень трудно даже подняться с койки и снять с себя рубашку, не говоря уже о том, чтобы скакать с ней по верхней палубе, — сухо парировал Николсон. — Одно

небольшое одолжение, сэр. Давайте помигаем прожекторами, несколько раз выстрелим из зениток и ракетницы. Если кто-то остался в живых, это должно привлечь их внимание.

Задумавшись на мгновение, капитан кивнул.

— Что ж, это можно. Остается только надеяться, что в радиусе пятидесяти миль нет ни одного японца. Добро, мистер Николсон.

Однако мигание прожектором и раскатистые выстрелы из зенитки, гулко разнесшиеся над морем, не возымели никакого действия, абсолютно никакого. После этих сигналов «Керри дансер» выглядела даже еще более заброшенной — всего лишь плавучий обгорелый скелет, чей полубак показывался целиком только в самых низких подошвах волн. Тогда настал черед ракетниц, и в западном направлении по отлогой дуге ушли семь-восемь сигнальных огней, ослепительно-белых в кромешной тьме. Один из снарядов приземлился на полуюте и на протяжении нескольких секунд заливал круто вздымающуюся палубу неистовым сиянием, после чего разлетелся брызгами и погас. И даже после этого на борту «Керри дансер» не наблюдалось ни малейшего движения — совершенно никаких признаков жизни.

— Что ж, на этом и закончим, — проговорил

Файндхорн немного устало. Хотя он с самого начала не питал надежд, но все же был разочарован, и даже больше, чем позволил бы себе признаться. — Удовлетворены, мистер Николсон?

Прежде чем старпом успел ему ответить, раздался взволнованный, пронзительный крик Ваньера:

— Капитан, сэр! Вон там, сэр! Смотрите!

Файндхорн ухватился за перила и поднес к глазам бинокль ночного видения даже раньше, чем замолчал четвертый помощник. Несколько секунд он стоял не двигаясь, затем тихонько выругался, опустил бинокль и повернулся к Николсону. Тот его опередил:

— Я вижу, сэр. Буруны. Менее чем в миле к югу от «Керри дансер». Она разобьется там минут через двадцать, максимум через полчаса. Это наверняка Месана, а не какой-то безымянный риф.

— Все верно, Месана! — взревел капитан. — Господи, я и не представлял, что мы настолько близко! Это решает дело. Погасить огни! Полный вперед, право на борт и держать курс девяносто градусов — как можно дальше и как можно быстрее. Нам с минуты на минуту выходить из глаза тайфуна, и одному лишь небу известно, какой ударит ветер… Какого черта!

В плечо ему что есть силы впились тонкие пальцы Николсона. Правая рука старпома была вытянута, указывая на корму тонущего суденышка.

— Я видел свет, только что, едва мы двинулись, — проговорил он очень тихо, полушепотом. — Очень слабый — свеча, а то и вовсе спичка. В ближайшем к колодезной палубе иллюминаторе.

Файндхорн посмотрел на него, затем вгляделся в темный силуэт «Керри дансер» и покачал головой:

— Боюсь, мистер Николсон, что это оптический обман, вот и все. Сетчатка глаза способна сохранять ложное послесвечение, или же от иллюминатора отразился луч одного из наших…

— Таких ошибок я не допускаю, — сухо перебил его старший помощник.

Несколько секунд стояла полная тишина, наконец капитан заговорил снова:

— Кто-нибудь еще видел свет? — Голос его прозвучал спокойно, почти равнодушно, и все же в нем различались нотки гнева.

Вновь повисла тишина, на этот раз дольше, а потом Файндхорн резко повернулся на каблуках:

— Полный вперед, рулевой, и… Мистер Никол-

сон! Что вы делаете?

Тот неторопливо повесил телефонную трубку и коротко ответил:

— Всего лишь попросил посветить туда.

Отвернувшись от капитана, он стал смотреть на тонущее судно.

Поджав губы, Файндхорн сделал несколько быстрых шагов вперед, но внезапно остановился, стоило вспыхнуть прожектору на левом борту. Немного поколебавшись, он повернулся в сторону полуюта «Керри дансер», еще медленнее подошел к Николсону и, встав плечом к плечу рядом с ним, для устойчивости взялся обеими руками за поручень обвеса; вот только навряд ли одной лишь необходимостью удерживать равновесие объяснялась та сила, с которой капитан вцепился в перила и которая все возрастала, пока его костяшки не заблестели, словно слоновая кость, в отсвете направленного на гибнущее судно луча.

К этому времени «Керри дансер» находилась не более чем в трехстах ярдах от танкера, и теперь не возникало никаких сомнений, абсолютно никаких. Это увидели все, увидели ясно и четко: крышка узкого иллюминатора откинулась, оттуда высунулась длинная обнаженная рука и

неистово замахала белым полотенцем или куском простыни. Внезапно рука исчезла, но тут же появилась снова, с ворохом горящей бумаги или тряпья, которую держала до тех пор, пока пламя не начало обжигать запястье, и тогда полыхающий и дымящийся комок полетел в море.

Файндхорн вздохнул протяжно и тяжело и разжал пальцы на поручне, уже начинающие ныть от напряжения. Его плечи поникли, как у усталого, подавленного человека, немолодого человека, который слишком долго нес на себе слишком тяжелую ношу. Даже под темным загаром было заметно, что с его лица схлынула краска.

— Прости, сынок, — прошептал он не оборачиваясь, медленно качая головой. — Слава богу, ты вовремя заметил…

Но никто не услышал капитана, поскольку разговаривал он сам с собой. Николсон умчался, соскользнув на руках по перилам тикового трапа и при этом не коснувшись ногой ни единой ступеньки, еще до того, как Файндхорн открыл рот. А к окончанию его покаянной речи старпом уже выбил сбрасывающие звенья найтовов шлюпки на левом борту «Виромы» и принялся отпускать ручной тормоз, одновременно выкрикивая приказ боцману срочно собирать спасательную

команду.

С пожарным топором в одной руке и массивным фонарем в резиновой оболочке — в другой Николсон быстро шел по продольному коридору в развороченной средней надстройке «Керри дансер». От высокой температуры стальную палубу у него под ногами вспучило и искорежило самым причудливым образом, и кое-где в укромных уголках все еще тлели головешки. Пару раз из-за резкого и крутого крена судна его бросало на стены коридора, и, упираясь в них ладонями, он ощущал неистовый жар даже через брезентовые рукавицы: то, что металл оставался горячим даже спустя часы штормового ветра и тропического ливня, давало наглядное представление о чудовищной температуре, поднявшейся здесь в результате пожара. Николсон мимоходом задумался, что за груз перевозила «Керри дансер» — наверняка какую-нибудь контрабанду.

Пройдя две трети пути по коридору, он заметил с правой стороны дверь, все еще запертую и на вид как будто неповрежденную. Откинувшись корпусом назад, он что есть силы ударил ногой по замку. Дверь поддалась всего на полдюйма. Тогда Николсон разбил замок топором, и после второго пинка дверь распахнулась. Включив фонарь, он

перешагнул через комингс. На полу прямо у него под ногами лежали две обугленные бесформенные кучи. Может, когда-то они были людьми, а может, и нет. В каюте стояла ужасная, невыносимая вонь, бьющая в нос. Скривившись, Николсон выскочил обратно в коридор и поспешил закрыть за собой дверь, подцепив ее топором. Там уже стоял Ваньер с большим красным огнетушителем под мышкой; судя по его побелевшему как мел лицу и округлившимся глазам, он явно успел заглянуть внутрь.

Николсон развернулся и решительно двинулся дальше по коридору. Ваньер, а также подоспевшие боцман с кувалдой и Феррис с ломом последовали за ним. По пути старпом открыл еще две двери и посветил внутрь — в обеих каютах оказалось пусто. Далее коридор вывел к кормовой колодезной палубе, и здесь можно было обойтись без фонаря, поскольку сюда были наведены все прожекторы «Виромы». Николсон быстро огляделся в поисках приставной лестницы или трапа, и последний быстро отыскался — несколько обугленных деревяшек на стальной палубе восемью футами ниже. Огонь полностью уничтожил деревянную конструкцию. Старпом обернулся к плотнику:

— Феррис, возвращайся к шлюпке и вели Эймсу и Догерти подойти как можно ближе к колодезной палубе. Мне плевать, как они это проделают и насколько разобьют шлюпку, — здесь поднять больных и раненых мы не сможем. Оставь лом!

Еще не закончив говорить, Николсон повис на руках и спрыгнул на палубу внизу. В десять шагов пересек площадку и с силой ударил рукоятью топора по стальной двери полуюта.

— Есть кто внутри? — прокричал он.

На две-три секунды повисла полнейшая тишина, а затем раздался нестройный гул голосов, разом откликнувшихся на зов — возбужденно, перебивая друг друга. Старпом быстро обернулся к Маккиннону: широкая ухмылка на лице боцмана вторила его собственной улыбке. Николсон направил луч фонаря на металлическую дверь. Одна задрайка подобно маятнику болталась в такт качке отяжелевшей «Керри дансер», другие же семь были основательно смяты в закрывающем положении.

Трехкилограммовая кувалда в ручищах Маккиннона выглядела сущей игрушкой. Он ударил всего семь раз — по разу по каждой задрайке, и каждый раз по всему тонущему судну гулко разносился металлический звон. А потом дверь сама

по себе распахнулась, и мужчины вошли внутрь.

Николсон посветил фонарем на заднюю сторону металлической двери и нахмурился: ручка наличествовала лишь на одной задрайке, которая снаружи свободно болталась, остальные же заканчивались сглаженными заклепками. Он снова повернулся в направлении кормы и медленно обвел лучом света полуют.

Это оказалось темное, холодное и сырое помещение, сочащаяся влагой темница, где скользкий стальной настил даже ничем не был накрыт, а высокий человек едва ли мог выпрямиться в полный рост. По обеим сторонам высились трехъярусные железные койки, не обремененные ни матрасами, ни одеялами, и примерно в футе над каждым лежачим местом к переборкам были приварены массивные металлические кольца. Вдоль всего отсека тянулся длинный узкий стол, по обеим сторонам которого стояли деревянные табуретки.

Здесь находилось, по оценке Николсона, около двух десятков человек: кто-то сидел на нижних койках, двое стояли, держась за вертикальные стойки, но большинство так и остались лежать. Эти последние были солдатами, и, судя по виду, некоторым из них встать было уже

не суждено. Старпом повидал слишком много мертвецов: бесцветные щеки, пустые тусклые глаза, расслабленные, словно бескостные тела под безвольно обвисшей одеждой. Еще в помещении было несколько медсестер в юбках цвета хаки и форменных куртках с поясом, а также двое-трое гражданских. Все присутствующие, даже медсестры с их смуглой кожей, выглядели бледными, измученными и больными. «Керри дансер», должно быть, дрейфовала лагом к волне еще с середины вчерашнего дня и на протяжении бесконечных часов подвергалась беспрерывной сильнейшей качке.

— Кто у вас главный? — Голос Николсона гулко отразился от металлических стен полуюта.

— Думаю, что он. То есть я думаю, что он думает, будто он. — В бледно-голубых глазах низенькой, хрупкой и прямой как палка пожилой женщины со стянутыми в тугой узел седыми волосами под соломенной шляпкой, закрепленной множеством шпилек, все еще различался властный огонек, что не ускользнуло от внимания старпома. В данный момент глаза почтенной леди выражали еще и презрение. Она указала на мужчину, неустойчиво нависающего над полупустой бутылкой виски за столом. — Но он пьян, разу-

меется.

— Пьян, мадам? Я не ослышался, вы сказали, что я пьян?

Человек этот, осознал вдруг Николсон, был здесь единственным, кто не отличался бледностью и определенно не страдал тошнотой: его лицо, шея и даже уши имели цвет обожженного кирпича, выразительно подчеркивающий белоснежность его волос и щетинистых бровей.

— Вы имеете наглость… наглость… — Запинаясь от негодования и выпитого алкоголя, он поднялся на ноги и одернул пиджак своего белого льняного костюма. — Ей-богу, мадам, были б вы мужчиной…

— Да, конечно, — перебил его старпом, — вы бы отхлестали ее до полусмерти. Заткнитесь и сядьте. — Он снова повернулся к женщине. — Представьтесь, пожалуйста.

— Мисс Плендерлейт. Констанция Плендерлейт.

— Судно тонет, мисс Плендерлейт, — быстро заговорил Николсон. — Погружается носом с каждой минутой. Примерно через полчаса его вынесет на рифы, и в любой момент снова налетит тайфун. — Тем временем включили еще два-три фонаря, и Николсон оглядел молчали-

вый полукруг лиц. — Так что нужно спешить. Большинство из вас смахивает на мертвецов, и, нисколько не сомневаюсь, именно так вы себя и ощущаете, но все же необходимо спешить. С левого борта, футах в тридцати, ожидает спасательная шлюпка. Мисс Плендерлейт, сколько раненых не смогут пройти такое расстояние?

— Спросите у мисс Драхман. Она главная медсестра. — Резко сменившийся тон мисс Плендерлейт однозначно давал понять, что упомянутая личность всецело заслуживает ее одобрения.

— Мисс Драхман? — окликнул Николсон.

Девушка в дальнем углу повернулась к нему. Ее лицо оставалось в тени.

— Боюсь, только двое, сэр. — Сквозь усталость в ее хрипловатом голосе все же проступала мягкость и мелодичность.

— Боитесь?

— Все остальные носилочные раненые умерли этой ночью, — тихо пояснила медсестра. — Пятеро, сэр. Их состояние было очень тяжелым, а погода очень плохой. — У нее дрогнул голос.

— Пятеро, — повторил старпом и удрученно покачал головой.

— Да, сэр. — Она крепче обняла ребенка, стоящего на табуретке рядом с ней, и поплотнее

закутала его в одеяло. — А этот малыш просто очень голоден и очень устал.

Девушка попыталась осторожно вытащить грязный большой палец мальчика из его рта, однако он и не подумал уступать и продолжал с мрачной безучастностью рассматривать Николсона.

— Сегодня ночью он наестся и выспится, — пообещал тот. — Итак, все, кто могут, идут к шлюпке. Самые крепкие первыми — вы будете удерживать шлюпку и помогать садиться в нее раненым. Сестра, сколько, кроме носилочных, человек с ранениями рук или ног?

— Пятеро, сэр.

— Необязательно обращаться ко мне «сэр». Этим пятерым придется подождать, пока в шлюпку не сядут те, кто сможет им помочь. — Николсон хлопнул пьяницу по плечу. — Вы идете первым.

— Я? — возмутился тот. — Да я здесь главный, сэр, — по сути, я капитан, а капитан всегда покидает…

— Вы идете первым, — терпеливо повторил старпом.

— Скажи ему, кто ты такой, Фостер, — язвительным тоном вмешалась мисс Плендерлейт.

— И скажу! — Мужчина встал, сжимая в одной

руке черный кожаный саквояж, а в другой полупустую бутылку. — Моя фамилия — Фарнхолм, сэр. Бригадный генерал Фостер Фарнхолм. — Он иронично поклонился. — К вашим услугам, сэр.

— Рад слышать, — холодно усмехнулся Николсон. — Всё, вперед!

Сдержанное хихиканье мисс Плендерлейт у него за спиной прозвучало неестественно громко во внезапно наступившей тишине.

— Ей богу, вы за это ответите, вы, кичливый молодой…

Фарнхолм осекся и сделал шаг назад, стоило старпому двинуться на него.

— Черт побери, сэр! — заплетающимся языком проговорил он. — Морская традиция! Первыми женщины и дети!

— А как же! А потом мы все построимся на палубе и умрем, как настоящие джентльмены, под звуки оркестра. Я больше не стану повторять, Фарнхолм.

— Для вас — бригадный генерал Фарнхолм, вы… вы…

— В вашу честь дадут салют из семнадцати ружей, когда вы ступите на борт, — заверил его Николсон и тут же с силой толкнул в грудь.

Вместе с сумкой Фарнхолм полетел назад, где

его подхватил стоящий наготове боцман. Менее чем за четыре секунды Маккиннон выпроводил смутьяна наружу. Луч фонаря Николсона пробежался по полуюту и остановился на сидящем на койке человеке в балахоне.

— Вы как? — спросил старпом. — Ранены?

— Аллах милостив к тем, кто любит Аллаха. — У мужчины был низкий, замогильный голос, темные, глубоко посаженные глаза и орлиный нос. Он встал, продемонстрировав высокую и осанистую фигуру, и плотно натянул на голову черную шапочку. — Я не ранен.

— Хорошо. Тогда вы следующий. — Затем фонарь Николсона остановился на капрале и двух солдатах. — Как себя чувствуете, парни?

— О, мы в порядке. — Худой и смуглый капрал оторвал озадаченный, подозрительный взгляд от двери, за которой только что скрылся Фарнхолм, и улыбнулся старшему помощнику. Улыбка его совершенно не вязалась с налитыми кровью глазами и желтым лицом со всеми признаками лихорадки. — Мы, сыны Британии, дюжие ребята. Мы в прекрасной форме.

— А вы лжец, — шутливо отозвался Николсон. — Но спасибо вам большое. Выходите. Мистер Ваньер, будьте добры, проводите их до

шлюпки. Нужно проследить, чтобы они прыгали в нее, когда ее поднимет волной к палубе — так получится всего два фута. И обвяжите каждого, просто на всякий случай. Боцман вам поможет.

Дождавшись, когда широкая спина мужчины в балахоне скроется за дверью, старпом с интересом взглянул на миниатюрную женщину, по-прежнему стоящую рядом:

— Что это за тип, мисс Плендерлейт?

— Мулла с Борнео. — Она неодобрительно поджала губы. — Мне как-то довелось застрять на Борнео на четыре года. Каждый морской разбойник, о котором я там слышала, был мусульманином.

— Что ж, тогда у него богатый приход, — пробормотал Николсон. — Так, мисс Плендерлейт, вы следующая, потом медсестры. Мисс Драхман, надеюсь, вы не против задержаться ненадолго? Проследите, чтобы мы не слишком навредили лежачим раненым, когда начнем их выносить.

Не дожидаясь ответа, он повернулся и следом за последней медсестрой торопливо вышел на колодезную палубу, где ему пришлось остановиться и несколько секунд поморгать, чтобы дать глазам привыкнуть к ослепительному свету с «Виромы», в котором все вокруг представало в необычайно

резком контрасте: безжалостная белизна прерывалась черными, совершенно непроницаемыми тенями. Танкер явно находился не более чем в ста пятидесяти ярдах от «Керри дансер», и при таких волнах капитан Файндхорн рисковал, и притом очень сильно.

Спасательная команда поднялась на борт тонущего судна всего минут десять назад, однако за это время оно успело заметно погрузиться в воду, и волны начали перехлестывать через правый борт колодезной палубы. Шлюпка стояла под левым бортом — то проваливалась вниз на дюжину футов в подошве волны, то взмывала чуть ли не до уровня перил на гребне, и тогда людям в лодке приходилось жмуриться и отворачиваться от сияния прожекторов. Николсон как раз раскрыл глаза, когда капрал отпустил поручень и шагнул в шлюпку. Его тут же подхватили Догерти и Эймс, и в следующий момент все они камнем рухнули вниз, исчезнув из виду. Маккиннон уже перекинул одну из медсестер через поручень и держал ее, приготовившись к следующему подъему лодки.

Старпом подошел к перилам, включил фонарь и перегнулся через край. Шлюпка опустилась в подошве волны и, подхваченная встречной

волной, сильно ударилась о борт «Керри дансер», несмотря на все усилия команды предотвратить столкновение. Две верхние планки шлюпки треснули и проломились, но планшир из крепкого американского вяза пока держался. Фарнхолм на носу шлюпки и мулла на корме отчаянно цеплялись за тросы, удерживающие лодку вдоль борта «Керри дансер», и прилагали все старания, чтобы ее не относило, подстраиваясь под набегающие волны и качку судна. Насколько Николсон мог разглядеть в неразберихе и темноте, старания их приносили на удивление неплохой результат.

— Сэр! — взбудораженно вскричал возникший рядом Ваньер, указывая во тьму. — Мы почти у рифов!

Старпом выпрямился и всмотрелся в указанном направлении. На горизонте все еще вспыхивали молнии, однако даже без их подсветки без труда различалась длинная и неровная полоса клокочущей белизны, расцветающей и увядающей, вспенивающейся и опадающей, — то сильные волны разбивались о скалы перед берегом. Уже в двухстах ярдах, прикинул Николсон, максимум в двухстах пятидесяти, из чего следовало, что «Керри дансер» сносило на юг почти в два раза быстрее, чем ему представлялось поначалу. Он

замер на несколько мгновений, лихорадочно рассчитывая шансы, но вдруг пошатнулся и едва не упал: судно грузно, со скрежетом и визгом разрываемого металла наскочило на подводный риф, и палуба круто завалилась к левому борту. Мельком Николсон обратил внимание на Маккиннона: широко расставив ноги, он крепко удерживал одной рукой стоящую за перилами медсестру, его зубы поблескивали в напряженном оскале, а глубоко посаженные глаза сощурились в узкие щелочки против ослепительного света прожектора, к которому боцман повернулся корпусом. Старпом немедленно понял, что его подчиненный думает о том же, о чем и он сам.

— Ваньер! — быстро заговорил Николсон. — Возьмите со шлюпки сигнальный фонарь. Просигнальте капитану, чтобы держался подальше. Сообщите, здесь мелководье со скалами и мы встали намертво. Феррис! Смените боцмана. Удерживайте шлюпку любыми средствами! Мы застряли носом, и если нас развернет против волны, то снять уже никого не получится. Маккиннон, живо за мной!

Уже через пять секунд старпом и боцман снова находились в полуюте. Николсон стремительно провел лучом фонаря по койкам. Всего оставалось

восемь человек — пять ходячих раненых, мисс Драхман и двое тяжелораненых, размещенных на нижних койках. Один с трудом дышал ртом, постанывая и мечась в глубоком медикаментозном сне. Другой лежал очень тихо, его дыхание еле различалось, а лицо походило на восковую маску, и лишь медленно и бесцельно блуждающие, полные боли глаза подтверждали, что он все еще жив.

— Так, вы пятеро, — указал Николсон на солдат. — Немедленно на палубу! Какого черта ты вытворяешь? — Он вырвал рюкзак у солдата, который безуспешно пытался продеть руки в лямки, и швырнул мешок в угол помещения. — Тебе еще повезет, если сохранишь свою жизнь, а ты за чертов багаж цепляешься! Живо наружу!

Четверо солдат, подгоняемые Маккинноном, поспешно проковыляли к двери. Пятый, бледный парень лет двадцати, даже не шелохнулся, чтобы подняться. Так и сидел с округлившимися глазами, крепко сцепив руки перед собой и безостановочно хватая ртом воздух. Николсон склонился над ним и мягко спросил:

— Ты слышал, что я сказал?

— Он мой друг. — Не глядя на старпома, солдатик указал на одну из коек за спиной. — Мой

лучший друг. Я останусь с ним.

— Боже мой! — пробормотал Николсон. — Нашел время для геройства. — Повысив голос, он мотнул головой на дверь: — Выходи!

Паренек тихонько огрызнулся на него, однако осекся, когда «Керри дансер» с глухим мощным грохотом содрогнулась всем корпусом. А в следующее мгновение судно завалилось на левый борт еще сильнее, да так резко, что у людей к горлу подступила тошнота.

— Кажется, сэр, накрылась задняя водонепроницаемая переборка машинного отделения. — Шотландский мягкий говор боцмана прозвучал спокойно, почти безразлично.

— И корму наполняет водой, — кивнул старпом.

Теперь точно было не до уговоров. Нагнувшись над солдатом, Николсон схватил его левой рукой за грудки и грубым рывком поднял на ноги. А в следующее мгновение замер от удивления: медсестра подскочила к нему и обеими руками вцепилась в его свободную руку. Она оказалась выше, чем Николсону показалось ранее, и ее волосы хлестнули ему по глазам, обдав сандаловым ароматом. Однако он не обратил на это внимания, потрясенный глазами девушки. Строго говоря,

одним глазом, поскольку луч боцманского фонаря освещал только правую сторону ее лица. Подобный цвет, и такой насыщенности, прежде он ни у кого не встречал, за исключением разве что собственного отражения в зеркале. Чистейший ледяной голубой, причем весьма и весьма ледяной на тот момент, да еще и враждебно поблескивающий.

— Стойте! Не бейте его! Можно же по-другому!

Голос остался тем же мягким, мелодичным, но уважительность в нем сменилась почти презрением.

— Вы не понимаете. Он болен. — Драхман отвернулась от старпома и осторожно тронула парня за плечо. — Ну же, Алекс. Понимаешь, тебе нужно идти. Я присмотрю за твоим другом, честное слово. Пожалуйста, Алекс.

Солдат потоптался на месте и оглянулся через плечо на лежащего у него за спиной человека. Медсестра взяла его за руку, улыбнулась и мягко потянула вперед. Он что-то буркнул, помялся и в конце концов двинулся мимо Николсона на палубу.

— Поздравляю. — Старпом указал кивком на открытую дверь. — Вы следующая, мисс Драхман.

— Нет, — покачала головой девушка. — Вы же

слышали, я ему обещала. И совсем недавно вы сами просили меня остаться.

— С тех пор много воды утекло, — раздраженно бросил Николсон. — Времени на хлопоты с носилками у нас больше нет — вы же понимаете, что мы не сможем нести их по скользкой палубе под углом больше двадцати градусов.

Мгновение поколебавшись, она молча кивнула, отвернулась и принялась возиться с чем-то на койке.

— Живее! — резко сказал старпом. — Бросьте свое драгоценное барахло. Вы же слышали, что я сказал тому солдату!

— Это не мое барахло, — спокойно ответила медсестра и поплотнее закутала в одеяло спящего ребенка у нее на руках. — Но, несомненно, чья-то драгоценность.

Николсон воззрился на малыша, затем покачал головой:

— Называйте меня как хотите, мисс Драхман. Я совершенно забыл про него. Можете и это называть, как вам хочется, — для начала вполне подойдет «преступная халатность».

— На вашей ответственности жизни всех нас. — Голос девушки больше не источал враждебности. — Вы не можете помнить сразу обо

всем.

Придерживаясь свободной рукой за стойки коек, она двинулась мимо Николсона по круто наклоненной палубе. Его снова обдало сандаловым ароматом, столь слабым, что во влажной духоте полуюта от запаха почти сразу же только и осталось, что мимолетное воспоминание. Возле двери девушка поскользнулась и чуть не упала, и Маккиннон протянул ей руку, которую она не колеблясь приняла. Дальше они передвигались вместе.

Через минуту старпом вынес на палубу одного тяжелораненого, а боцман — другого. «Керри дансер», уже основательно погрузившаяся кормой, по-прежнему плотно сидела носом на рифах и продолжала судорожно поворачиваться с каждым ударом волн, обрушивающихся на нее по всей длине правого борта. Судно медленно, но неумолимо вставало носом к морю. Николсон прикинул, что самое большее через минуту шлюпка окончательно лишится какой бы то ни было защиты и окажется обращенной к мощным волнам, на мелководье еще более частым и крутым. Лодка и без того уже зарывалась носом и металась в бортовой качке, практически бесконтрольно ввинчиваясь в набегающие под углом

валы, и через левый планширь в нее заливались литры воды. Старпом понял, что у них не остается даже минуты. Он перепрыгнул через перила и приготовился принимать у боцмана первого тяжелораненого. Еще какие-то секунды — и посадка станет попросту невозможной, потому что шлюпке придется отчалить ради собственного спасения. Считаные секунды, и хуже всего было то, что им приходилось заниматься ранеными — возможно, даже умирающими — почти в кромешной тьме: «Керри дансер» развернулась уже настолько, что ее надстройка полностью блокировала свет прожекторов «Виромы».

Перегнувшись через поручень против наклона палубы, Николсон принял у Маккиннона первого раненого и подождал, пока боцман не возьмет его за ремень для страховки, после чего развернулся и подался вперед как раз в тот момент, когда шлюпка выскочила из темноты в скудный свет фонаря Ваньера. Догерти и Эймс, оба надежно удерживаемые парой сидящих на боковых сиденьях солдат, оказались почти вровень со старпомом — с погружением кормы судна шлюпку теперь поднимало сравнительно выше — и с первой же попытки подхватили эвакуируемого. Едва лишь они опустили его в шлюпку, как

она мгновенно исчезла из виду, тяжело рухнув в следующую подошву волны в хаосе брызг и фосфоресцирующей пены. А спустя всего шесть-семь секунд к своему товарищу на дне шлюпки присоединился и второй тяжелораненый. В силу необходимости обоих передавали в спешке и с неизбежной грубостью, что наверняка усугубляло их мучения, и все же ни один из них даже не вскрикнул.

Николсон подозвал мисс Драхман, но она подтолкнула вперед двух ходячих раненых, и те прыгнули вдвоем и благополучно приземлились в шлюпку. Оставался всего один солдат. Как ни высока была скорость эвакуации, старпом мрачно отметил про себя, что «Керри дансер» уже почти развернулась против волн. Да еще этот последний солдат все не появлялся. Николсон не видел его в темноте, но слышал его голос, визгливый и напуганный, футах в пятнадцати в стороне. Еще различался голос медсестры, торопливо, но мягко уговаривающей его. Увы, увещевания девушки определенно не увенчались успехом.

— В чем дело, черт побери? — рявкнул в конце концов старпом.

После сбивчивого перешептывания Драхман откликнулась:

— Одну минуту, пожалуйста!

Николсон повернулся и вгляделся вперед вдоль левого борта, а в следующее мгновение инстинктивно вскинул руку, закрываясь от света прожекторов танкера, который в результате медленного разворота надстройки тонущего судна появился вновь и ударил по привыкшим к темноте глазам. Теперь «Керри дансер» окончательно встала против волн, и шлюпку больше ничто не прикрывало. Было видно, как вдоль накрененного борта ровно и бесшумно набегает первый крутостенный, испещренный пенными прожилками вал, а за ним и следующий. Об их высоте приходилось только гадать: лучи прожекторов, параллельные поверхности моря, ярко освещали лишь срезанные белые верхушки волн, а их подошвы оставались погруженными в непроглядную черноту. И все же валы были достаточно высоки, даже слишком высоки и слишком круты — с полдесятка таких запросто затопят и перевернут шлюпку. Самое меньшее, зальют воздухозаборник двигателя, что чревато такими же гибельными последствиями.

Николсон развернулся, перемахнул через перила и крикнул Ваньеру и Феррису, чтобы они садились в шлюпку, Маккиннону же велел отдать

кормовой швартов, после чего то ли взбежал, то ли вскарабкался по кренящейся скользкой палубе к медсестре и солдату, стоящим на полпути между дверью полуюта и трапом на верхнюю палубу.

Не растрачиваясь на церемонии, он схватил девушку за плечи и не слишком вежливо толкнул к борту, затем повернулся обратно к солдату и потащил его вниз по палубе. Парень начал сопротивляться и, улучив момент, пока старпом пытался уцепиться покрепче, нанес ему яростный удар, попав точно между глаз. Николсон пошатнулся и чуть не поскользнулся на мокром настиле, но быстро оправился и снова прыгнул на солдата — и тут же с горечью выругался, когда его сзади схватили за замахнувшуюся руку. Прежде чем ему удалось высвободиться, солдат развернулся и помчался по штормтрапу, лихорадочно стуча подбитыми подошвами по металлическим ступенькам.

— Идиот! — бросил ему вслед старпом. — Чокнутый дурачок!

Раздраженно вырвав руку, он снова было открыл рот, но вдруг заметил боцмана, четким силуэтом выделяющегося в сиянии прожектора. Стоя по другую сторону поручня, Маккиннон

неистово подавал знаки. Больше Николсон тянуть не стал: снова подогнал медсестру к перилам и живо перебросил через них. Боцман схватил девушку за руку, всмотрелся в шлюпку, на две трети скрытую мраком подошвы волны, и стал дожидаться возможности прыгнуть. На мгновение он бросил взгляд в сторону, и по его разгневанному и ожесточенному выражению лица старший помощник понял, что ему известно об инциденте с солдатом.

— Я вам нужен, сэр?

— Нет! — категорично покачал головой Николсон. — Шлюпка важнее. — Он взглянул вниз: лодка словно бы нехотя поднималась к свету, и вода из высокого гребня буруна низвергалась прямо ей в нос. — Боже мой, Маккиннон, ее уже заливает! Отводи ее как можно скорее! Я отдам носовой швартов!

— Есть, сэр! — невозмутимо кивнул боцман и, идеально подгадав момент, шагнул вместе с девушкой с борта «Керри дансер» в шлюпку.

Крепкие руки подхватили их и удержали, когда шлюпка вновь рухнула в темноту подошвы. Секунду спустя передний швартов змейкой полетел в лодку, и старпом перегнулся через перила и проследил за его падением.

— Всё в порядке, боцман? — крикнул он.

— Так точно, сэр, в полном! Иду к корме, под ветер!

Николсон не стал наблюдать за шлюпкой. В начальный момент хода шансы лодки, основательно наполненной водой и расположенной боком к таким сильным волнам, составляют пятьдесят на пятьдесят, но если Маккиннон заверил, что всё под контролем, значит так оно и было. И если он сказал, что подойдет к корме, то там и будет ждать. Старпом всецело разделял капитанскую слепую веру в инициативность, надежность и непревзойденную морскую выучку боцмана.

Николсон поднялся по штормтрапу на полуют и, держась за перила, медленно осмотрелся по сторонам. Впереди располагалась надстройка, а в отдалении за ней тянулась длинная и узкая тень танкера — темное пятно на воде, наполовину различимое, наполовину угадываемое за белым блеском его прожекторов. Однако свет этот, как внезапно показалось Николсону, был уже гораздо менее ярким, чем хотя бы десять минут назад. У него мелькнула мысль, что «Вирома», должно быть, отходит в море подальше от мелководья, но в следующее мгновение ему

вдруг стало ясно — по размерам и неизменному положению размытого силуэта судна, — что оно даже не сдвинулось с места. Танкер не изменился, его прожекторы тоже, однако что-то произошло с их лучами, они как будто утратили мощность, словно их поглощала, рассеивала сама чернота моря. Было и еще кое-что: море действительно выглядело абсолютно черным, без единого белого пятнышка, даже без пенных гребней. И тут Николсон понял: мазут.

В этом не было никаких сомнений: пространство между двумя судами обширно покрывала толстая пленка мазута. По-видимому, «Вирома» сливала его за борт последние пять минут — сотни галлонов мазута, способных унять любой шторм, кроме разве что самого неистового. Капитан Файндхорн наверняка увидел, что «Керри дансер» разворачивается носом против волн, и быстро осознал грозящую шлюпке опасность затопления. Николсон невесело улыбнулся и отвернулся. Да, мазут обеспечивал безопасный ход шлюпки, но перспектива уделаться в нем с головы до ног, не говоря уже об обожженных глазах и забитых ушах, ноздрях и рте, когда всего через несколько секунд он прыгнет за борт вместе с юным Алексом, отнюдь не прельщала

Николсона.

Старший помощник медленно двинулся по палубе к корме. Солдат стоял там в неестественной позе, одеревенело прижимаясь к перилам спиной и судорожно вцепившись за стойки по бокам. Николсон подошел ближе и увидел его застывшие, округлившиеся глаза, заметил дрожь всего тела, слишком долго пребывавшего в напряжении. Прыжок в воду с юным Алексом будет настоящим приглашением к самоубийству от утопления или удушения — ужас придает нечеловеческие силы, и такая хватка ослабевает лишь со смертью. Николсон вздохнул, выглянул за перила и включил фонарь. Маккиннон оказался в точности там, где и обещал: он направлялся к корме под защиту от ветра и находился от нее не далее чем в пятнадцати футах.

Выключив фонарь, старпом спокойно, без всякой спешки отошел от перил и встал перед солдатом. Алекс не шевелился, лишь судорожно хватал ртом воздух. Николсон переложил фонарь в левую руку, направил его на паренька и щелкнул включателем. Окинул беглым взглядом бледное напряженное лицо, бескровные, растянутые в оскале губы, вытаращенные глаза, тут же накрепко зажмурившиеся от света, — и потом

ударил, один раз, точно и очень сильно, снизу в челюсть.

Он подхватил солдата, прежде чем тот начал падать, перекинул его через поручень, затем перемахнул на внешнюю сторону и сам. Постоял секунду-другую в конусе света от только что зажегшегося в шлюпке фонаря — Маккиннон благоразумно выждал, пока не раздастся отчетливый стук удара, — приобнял бесчувственное тело за пояс и прыгнул. Вдвоем они врезались в воду в пяти футах от лодки, практически беззвучно исчезли под маслянистой пленкой и быстро вынырнули, тут же подхваченные ожидавшими их руками, которые втащили их в шлюпку. Пока Николсон, чертыхаясь и откашливаясь, пытался прочистить глаза, нос и уши, Ваньер и Драхман хлопотали над неподвижно распростертым на скамье правого борта Алексом, удаляя с него мазут оторванными от рубашки четвертого помощника тряпицами.

Возвращение на «Вирому» было неопасным, просто очень быстрым и очень тяжелым: почти все пассажиры страдали от морской болезни и ослабли до такой степени, что им всем пришлось помогать выбираться из шлюпки, когда она встала у борта танкера. Уже через пятнадцать

минут после прыжка Николсона с солдатом лодку благополучно подняли при помощи патентованной шлюпбалки, и, когда последний зажим был заблокирован, старпом позволил себе бросить прощальный взгляд на «Керри дансер». Однако от нее не осталось и следа — исчезла, словно ее никогда и не было. Наполнившись водой, злополучное судно соскользнуло с рифа и ушло на дно. Посозерцав пару секунд темные воды, Николсон повернулся к лестнице и неторопливо поднялся на мостик.

Глава 5

Полчаса спустя «Вирома» полным ходом уверенно продвигалась на юго-запад. Размытая полоска Месаны за кормовой частью правого борта постепенно уменьшалась, а затем и вовсе растворилась во мраке. Как ни странно, тайфун не спешил обрушиваться и ураганный ветер не возвращался, — несомненно, танкер следовал одним курсом с циклоном. Однако рано или поздно танкеру придется выйти из его глаза и прорываться сквозь стену шторма.

После пребывания в душе и практически полной победы над мазутом Николсон стоял возле переднего окна мостика и неторопливо беседовал со вторым помощником, когда к ним подошел Файндхорн. Он легонько хлопнул старпома по плечу:

— Мистер Николсон, если нетрудно, на пару слов в мою каюту. Вы справитесь, мистер Баррет?

— Да, сэр, конечно. Я дам вам знать, если что-нибудь произойдет?

Это был наполовину вопрос, наполовину преду-

преждение, совершенно в духе Баррета. Намного старше старпома, лишенный как эмоций, так и воображения, на мостике он был вполне надежен, однако старательно избегал любой ответственности, почему, собственно, и оставался до сих пор лишь вторым помощником.

— Будьте так добры.

Они прошли через штурманскую в капитанский салон, находящийся на одной палубе с мостиком. Файндхорн закрыл дверь, убедился, что светомаскировочные крышки опущены, и включил свет, после чего указал Николсону на диванчик. Затем нагнулся и пошарил в шкафчике, а когда выпрямился, в руках у него были два стакана и непочатая бутылка виски «Стэндфаст». Он сломал пломбу, плеснул в стаканы на три пальца и подтолкнул один старпому.

— О воде позаботьтесь сами, Джонни. Ей-богу, вы заслужили выпивку, так же как и несколько часов сна. Как только выйдете отсюда.

— С радостью, — тихо отозвался Николсон. — Отправлюсь в койку, как только вы проснетесь. Вы всю ночь провели на мостике, забыли?

— Хорошо-хорошо! — Файндхорн вскинул руки в притворной капитуляции. — Оставим споры на потом. — Он пригубил виски и пристально

посмотрел на старпома поверх стакана. — Итак, Джонни, что вы думаете?

— О «Керри дансер»?

Капитан выжидательно кивнул.

— Невольничье судно, — невозмутимо ответил Николсон. — Помните арабский пароход, что в прошлом году военные остановили за Рас-эль-Хаддом?

— Помню.

— Практически один в один. Стальные двери по всему судну на главной и верхней палубах. Большинство открываются только с одной стороны. Иллюминаторы диаметром восемь дюймов, если вообще имеются иллюминаторы. Металлические кольца возле каждой койки. Промышляли на островах, полагаю, а уж в районе Амоя и Макао недостатка в покупателях нет.

— И это в двадцатом веке, — вздохнул капитан. — Торговля человеческими жизнями!

— Именно, — с прохладцей согласился старпом. — Но по крайней мере, им сохраняют жизнь. Ничего, подождите, пока здешние работорговцы не догонят цивилизованный Запад и не перейдут на оптовые средства — отравляющие газы, концентрационные лагеря, бомбардировки мирных городов и так далее. Дайте им время. Пока они

лишь любители.

— Цинично, молодой человек, цинично. — Файндхорн укоризненно покачал головой. — Как бы то ни было, ваше мнение о «Керри дансер» совпадает с заявлениями бригадного генерала Фарнхолма.

— А, уже поговорили с его светлостью? — ухмыльнулся старпом. — Завтра на рассвете меня ожидает трибунал?

— О чем это вы?

— Он не проникся ко мне симпатией, — объяснил Николсон. — И не замедлил дать мне это понять.

— Должно быть, передумал. — Файндхорн вновь наполнил стаканы. — «Способный молодой человек, весьма способный, но, э-э… несколько импульсивный». Что-то в этом роде. Эдакий сахиб, белый господин в здешних краях.

Старпом согласно кивнул:

— Так и вижу, как он, наевшись до отвала и напившись в стельку, храпит в кресле в Бенгальском клубе. Однако тип любопытный. В шлюпке управлялся с линями очень умело. Думаете, он не тот, за кого себя выдает?

— Вряд ли. — Капитан на секунду задумался. — Привирает, конечно, но немного. Что он

отставной армейский офицер, сомневаться не приходится. Может, слегка повысил себя в звании.

— Но какого черта человеку вроде него делать на «Керри дансер»?

— Нынче кто с кем только не водится, — пожал плечами Файндхорн. — И насчет Бенгальского клуба вы ошибаетесь, Джонни. Фарнхолм не из Сингапура. У него какой-то бизнес на Борнео — он высказался о нем довольно уклончиво, — и на «Керри дансер» он сел в Банджармасине вместе с еще несколькими европейцами, уносящими ноги от японцев. Судно должно было пойти на Бали, где они планировали пересесть на какое-нибудь другое судно до Дарвина. Но, судя по всему, Сиран — это капитан «Керри дансер», законченная дрянь, по словам Фарнхолма, — получил по радио приказ от своих боссов в Макасаре двигаться в Кота-Бару. Фарнхолм подкупил его, чтобы он зашел в Сингапур, и тот согласился. Почему — одному богу известно, с японцами-то у порога. Впрочем, даже в нынешних обстоятельствах бессовестные наглецы не упускают возможности поживиться. Может, он надеялся быстро сколотить состояние на вывозе людей из Сингапура. Но уж точно не ожидал того, что произошло, — реквизиции «Кер-

ри дансер» для нужд армии.

— Да, армии, — эхом отозвался Николсон. — Интересно, что случилось с солдатами. По словам Маккиннона, на борту их находилось по меньшей мере два десятка — они контролировали, чтобы «Керри дансер» действительно шла в Дарвин, а не откалывала номера.

— Действительно интересно, — поджал губы капитан. — Фарнхолм говорит, их разместили на полубаке.

— Быть может, за одной из тех хитроумных дверок, что открываются лишь с одной стороны?

— Возможно. Вы ее видели?

Старпом покачал головой:

— Когда мы поднялись на борт, весь полубак уже практически скрылся под водой. Но я не удивлюсь, если его дверь переделали на манер тюремной. Хотя ее могло заблокировать и от взрыва бомбы. — Он глотнул виски и с отвращением поморщился, не от вкуса напитка, но от собственных мыслей. — Что и говорить, приятная альтернатива — утонуть или сгореть заживо. Хотелось бы мне как-нибудь повстречаться с капитаном Сираном. Как и огромному количеству других людей, по-видимому… Что насчет остальных наших пассажиров? Рассказали что-нибудь?

— Ничего. — Настал черед Файндхорна покачать головой. — Слишком больны, слишком устали, слишком потрясены или же просто ничего не знают.

— Полагаю, все уже распределены по каютам, умыты и уложены на ночь?

— В целом да. Размещены по всему судну. Все солдаты на корме: два тяжелораненых в лазарете, остальные восемь в курительном салоне и двух свободных каютах механиков по левому борту. Фарнхолм вместе с муллой на посту механиков.

— Наверняка то еще зрелище, — усмехнулся Николсон. — Имперец дышит одним воздухом с темнокожим язычником!

— Вы не поверите, — хмыкнул капитан. — У них там у каждого диванчик, а между ними стол, на котором бутылка виски, почти полная. И они вполне неплохо ладят.

— Бутылка у него была наполовину пустая, когда я видел его в последний раз, — задумчиво отозвался старпом. — Интересно…

— Наверняка прикончил ее за один присест. Он постоянно таскает с собой огромный саквояж, который, наверное, только бутылками виски и набит.

— А остальные?

— Что остальные? Ах да! Маленькая пожилая дама в каюте Уолтерса, он перетащил матрас к себе в радиорубку. Старшая медсестра, та, что вроде как главная…

— Мисс Драхман?

— Она самая. Ей с ребенком отвели каюту юнг. Ваньер и пятый механик переехали соответственно к Баррету и четвертому механику, и в их каютах устроили остальных четырех медсестер.

— Теперь всё, — вздохнул Николсон, закурил сигарету и проследил за сизым дымом, лениво поднимающимся к потолку. — Очень надеюсь, что они не попали из огня да в полымя. Мы снова направляемся в пролив Каримата, сэр?

— Почему же нет? Да и куда нам еще…

Он осекся, когда раздался телефонный звонок. Старпом взял трубку:

— Капитанская каюта, слушаю… А, это ты, Уилли… Да, он здесь. Одну минуту. — Он с легкостью поднялся, уступая место капитану. — Второй механик, сэр.

Файндхорн разговаривал с полминуты, большей частью ограничиваясь односложными, не очень внятными репликами. От нечего делать Николсон принялся гадать, что же понадобилось Уиллоби. Голос у второго механика звучал почти

скучающе, однако никто и никогда не видел его возбужденным по какому бы то ни было поводу. Ничто в жизни не представлялось Эрнесту Уиллоби стоящим волнений. Сумасбродный, мечтательный старик (старше его не было никого на танкере), чья страсть к литературе была сопоставима лишь с его абсолютным презрением к механизмам и инструментам, посредством которых он, вообще-то, зарабатывал на жизнь, Уиллоби был самым честным и самым бескорыстным человеком, какого старпому когда-либо доводилось встречать. Сам второй механик подобными своими чертами совершенно не гордился и, скорее всего, попросту не подозревал об их существовании. То был человек, который имел немногое, а желаний так и вовсе никаких. У Николсона было мало общего с ним, во всяком случае на первый взгляд, однако, по закону притяжения противоположностей, у него развилась величайшая симпатия к старому механику и даже восхищение им, и Уиллоби — холостяк, только и владеющий что обветшалой жилой комнатушкой в сингапурском клубе компании, — провел у него в гостях немало вечеров. Старпом вдруг вспомнил, что Кэролайн была очень высокого мнения о старике и вменила себе в обязанность

неизменно готовить к его приходу лучшие блюда и подавать хорошо охлажденные коктейли в самых больших бокалах. Николсон уставился на свой стакан, и его губы скривились от горьких воспоминаний. Внезапно он осознал, что капитан смотрит на него с озабоченным видом.

— В чем дело, Джонни? Вы в порядке?

— Просто задумался, сэр. — Старпом улыбнулся и махнул на бутылку виски. — Прекрасное средство для блужданий по воспоминаниям.

— Тогда угощайтесь ради следующего экскурса. — Файндхорн взял фуражку и направился к двери. — Дождитесь меня, хорошо? Мне нужно спуститься вниз.

Через две минуты после его ухода телефон вновь разразился трелью. Это оказался сам капитан, который, не объяснив причины, попросил Николсона явиться в столовую. По пути старпом встретил Ваньера, выходящего из каюты бортрадиста с несчастным видом. В ответ на вопросительно поднятые брови Николсона четвертый помощник оглянулся на дверь каюты со смешанным — и несколько забавным — выражением негодования и боязливости.

— Старая бой-баба разбушевалась, сэр, — тихонько сообщил он.

— Кто-кто?

— Мисс Плендерлейт. Она в каюте Уолтерса. Только я начал засыпать, как она принялась колотить по переборке между нами, а поскольку я пытался не обращать внимания, она вышла в коридор и начала кричать. — Помолчав секунду, Ваньер с чувством добавил: — А голос у нее очень громкий, сэр.

— Чего она хотела?

— Капитана. — Четвертый помощник недоверчиво покачал головой. — «Молодой человек, я хочу поговорить с капитаном. И немедленно. Скажите ему, чтобы он пришел сюда». А потом вытолкала меня за дверь. Что мне делать, сэр?

— Именно то, о чем она просит, — ухмыльнулся Николсон. — Хочу посмотреть, как капитан отреагирует. Он внизу, в столовой.

Вместе они спустились на следующую палубу и вошли в столовую — просторное помещение с двумя продольно стоящими столами, рассчитанными на двадцать персон. В данный момент зал практически пустовал: здесь находилось лишь три человека.

Капитан и второй механик стояли рядом лицом к корме, слегка покачиваясь в такт качке. Файндхорн, как всегда безупречно выглядящий в форме,

улыбался. Уиллоби тоже улыбался, но на этом сходство между ними и заканчивалось. Высокий, сутулый, с загорелым морщинистым лицом и косматой шевелюрой седых волос, второй механик воплощал собой кошмар портного. Его белая рубашка — по крайней мере, таковой ее когда-то сшили — навряд ли помнила о существовании утюга, несколько пуговиц на ней отсутствовало, а воротник и короткие рукава заметно истрепались. Парусиновые брюки цвета хаки измялись до такой степени, что напоминали слоновьи ноги, к тому же были слишком коротки для старика. Завершали его гардероб носки в косую клетку и расшнурованные парусиновые туфли. В тот день он не побрился, а возможно, и вообще не брился на прошлой неделе.

Перед ними, прислонившись к буфетной стойке и придерживаясь обеими руками за ее край, стояла девушка. Вошедшим Николсону и Ваньеру был виден лишь ее профиль, однако от них не укрылось, что она тоже улыбается: правый уголок ее рта загибался вверх, образуя ямочку на щечке, достойной сравнения с персиком, несмотря даже на легкий оливковый оттенок. У медсестры был изящный, словно искусно выточенный, прямой нос, широкий гладкий лоб и длинные шелко-

вистые волосы, собранные на затылке в тугой валик, — волосы той густой черноты, что в ярких солнечных лучах отсвечивает синевой и поблескивает, как вороново крыло. С такими волосами, цветом лица и довольно высокими скулами девушка являла собой типичную евразийскую красавицу, однако после долгого и внимательного взгляда — а именно таким взглядом мужчины неизменно удостаивали мисс Драхман — становилось понятно, что красота девушки вовсе не типичная и тем более не евразийская: для этого лицо ее было недостаточно широким, черты лица отличались особой утонченностью, а уж невероятные глаза и вовсе кричали о европейском крайнем севере. Они были в точности такими, какими Николсон увидел их впервые на борту «Керри дансер» в ярком свете фонаря, — поразительные ярко-голубые глаза, необычайно ясные, необычайно притягательные, самая впечатляющая черта на впечатляющем лице. А вокруг них — только на тот момент — обозначались синеватые круги усталости.

Девушка, как заметил Николсон, сняла форменную куртку и осталась в перепачканной юбке цвета хаки и чистой белой рубашке на несколько размеров больше, с высоко закатанными рукава-

ми, что еще более подчеркивало тонкость ее рук. Рубашка Ваньера, догадался старпом. В шлюпке четвертый помощник всю дорогу сидел рядом с Драхман и не переставал тихонько выражать беспокойство о ее состоянии. Николсон улыбнулся про себя и попытался припомнить те далекие дни, когда и он был впечатлительным юным Уолтером Рэли с плащом наготове, настоящим рыцарем-хранителем, готовым помочь любой даме, оказавшейся в беде. Вот только эти дни почему-то не вспоминались, — может, их у него и не было.

Старпом пропустил Ваньера вперед (как-никак реакция Файндхорна на требование мисс Плендерлейт обещала быть зрелищной), аккуратно закрыл за собой дверь, повернулся и чуть не врезался в четвертого помощника, который замер, точно изваяние, в трех футах от двери, прижав к бокам стиснутые кулаки.

Когда Николсон и Ваньер вошли, трое присутствующих умолкли и повернулись к ним. Двух мужчин четвертый помощник навряд ли даже увидел, его вниманием полностью завладела медсестра — он уставился на нее округлившимися глазами, открыв рот от потрясения. Теперь мисс Драхман стояла так, что лампа полностью осве-

щала левую часть ее лица, и эту сторону никак нельзя было назвать красивой. От линии волос на виске до изгиба мягкого округлого подбородка тянулся огромный рваный шрам, окончательно еще не зарубцевавшийся, синевато-багровый, со стянутой кожей в местах, где его грубо и весьма неумело зашили. Наверху, над самой скулой, его ширина достигала почти полдюйма. Такая рана выглядела бы устрашающе у любого человека, но на этом нежном красивом лице увечье обретало нереальность карикатуры и шокировало, подобно нечестивейшему богохульству.

Несколько секунд медсестра молча смотрела на Ваньера, а затем улыбнулась. Улыбка получилась не особенно веселой, но зато на одной щеке у девушки появилась ямочка, а на другой, в уголке рта и под глазом, шрам заметно побелел. Мисс Драхман подняла левую руку и легонько коснулась щеки.

— Похоже, выглядит не очень приятно, да? — В ее голосе не прозвучало ни упрека, ни осуждения, скорее он был извиняющимся, не без примеси странной жалости, но обращенной вовсе не к себе самой.

Ваньер ничего не ответил. Его лицо было совсем бледным, но после слов девушки он густо

покраснел, и краска залила ему не только лицо, но даже шею. Он отвел взгляд — было видно, каких физических усилий ему стоило не смотреть на этот отвратительный шрам, — и открыл рот, чтобы заговорить. Но ничего не сказал; похоже, сказать ему было нечего.

Николсон быстро обошел его, кивнул Уиллоби и остановился перед медсестрой. Капитан пристально следил за своим подчиненным, однако тот даже не замечал этого.

— Добрый вечер, мисс Драхман. — За некоторой прохладцей в его тоне угадывалось дружелюбие. — Все ваши пациенты устроены как следует?

«Если нужны банальные реплики, — мысленно продолжил Николсон, — я всегда к вашим услугам».

— Да, спасибо, сэр.

— Не называйте меня «сэр», — раздраженно бросил старпом. — Я уже просил вас об этом.

Он осторожно прикоснулся к изуродованной щеке девушки. Она не отшатнулась и не выказала никакой реакции на этот неожиданный жест, разве что на мгновение расширились глаза на ее бесстрастном лице.

— Как я понимаю, наши маленькие желтые

братья постарались? — Голос его был таким же мягким, как и рука.

— Да, — кивнула она. — Попалась им под Кота-Бару.

— Штык?

— Да.

— Такой парадный штык с зазубринами, верно? — Николсон внимательно осмотрел шрам — тонкий глубокий надрез на подбородке и грубый разрыв под виском. — И в тот момент вы лежали на земле?

— Вы очень умны, — медленно проговорила мисс Драхман.

— Как вам удалось вырваться? — с любопытством спросил Николсон.

— В бунгало, где мы обустроили госпиталь, вошел какой-то здоровяк. Очень крупный мужчина, рыжий. Он сказал, что он из Аргайлского полка, что-то вроде этого. Он отнял штык у солдата, который пропорол мне лицо. Потом велел отвернуться, а когда я посмотрела снова, японец уже лежал на полу мертвый.

— Да здравствует Аргайлский полк, — пробормотал Николсон. — А кто вам зашил рану?

— Он же и зашил. Сказал, что по этой части он не очень.

— Действительно, можно было и поаккуратнее, — согласился старпом. — И даже сейчас еще можно.

— Шрам ужасный! — Последнее слово девушка почти выкрикнула. — Я знаю, что ужасный… — На несколько секунд она потупила взгляд, а потом снова посмотрела в глаза Николсону и попыталась улыбнуться. Улыбка вышла не очень веселой. — Такой навряд ли кого украсит, верно?

— Ну, это как сказать. — Николсон ткнул большим пальцем в сторону второго механика. — Наш Уилли с подобной отметиной смотрелся бы весьма недурно, он всего лишь старый брюзга. Но вы-то женщина. — Какое-то время он оценивающе разглядывал лицо медсестры, затем, понизив голос, продолжил: — На мой взгляд, вы больше чем привлекательная. Вы красавица, мисс Драхман, и на вас такой шрам выглядит отвратительно, если вы позволите мне так выразиться. Вам нужно ехать в Англию, — неожиданно закончил он.

— В Англию? — На высоких скулах девушки проступил румянец. — Не понимаю…

— Да. В Англию. В этой части света определенно нет достаточно квалифицированных пластических хирургов. Но в Англии найдутся двое-трое

— сомневаюсь, что больше, — которые способны исправить этот шрам, сделав его таким тонким, что даже ваш кавалер в танце не заметит. — Тут старпом неодобрительно махнул рукой. — Разумеется, не без помощи пудры и румян.

Какое-то время мисс Драхман молча смотрела на него без всякого выражения в своих ясных голубых глазах, а затем безжизненно проговорила:

— Вы забываете, что я и сама медсестра. Боюсь, я вам не верю.

— «Тверже всего мы верим в то, о чем меньше всего знаем»[5], — напыщенно произнес Уиллоби.

— Что? Что вы сказали? — ошеломленно переспросила девушка.

— Не обращайте на него внимания, мисс Драхман, — с улыбкой вмешался Файндхорн. — Мистер Уиллоби вечно пытается создать впечатление, будто у него всегда наготове подходящая цитата, но мы-то с мистером Николсоном знаем, что он просто сочиняет их на ходу.

— «Будь непорочна, как лед, и чиста, как снег, не уйти тебе от клеветы»[6], — скорбно покачал

---

[5] Notes: 5
Высказывание французского писателя и философа М. Монтеня.

[6] Notes: 6
У. Шекспир. Гамлет. Перевод Б. Пастернака.

головой второй механик.

— Не уйти, — согласился капитан. — Но он прав, мисс Драхман, вам не стоит так сразу отвергать идею мистера Николсона. Он знает, о чем говорит. Только три человека в Англии, как он сказал, способны это сделать, и один из них — его дядя. — Файндхорн жестом дал понять, что тема закрыта. — Однако я позвал вас сюда вовсе не для обсуждения пластической хирургии или чтобы наслаждаться судейством вашего пикирования. Мистер Николсон, кажется, у нас закончился…

Инстинктивно сжав кулаки, он осекся на полуслове: над головами присутствующих пронзительно взвыла сирена. В наполнившем ограниченное пространство столовой навязчивом металлическом звоне — резком, диссонирующем и оглушающем — разом утонули все звуки. Два протяжных звонка и один короткий, два протяжных и один короткий — сигнал занять свои места в чрезвычайной ситуации. Первым к двери бросился Николсон, сразу же за ним Файндхорн.

С горизонта на севере и востоке доносились глухие раскаты грома, надо всем проливом Рио по внутренней стене круговерти тайфуна периодически вспыхивали молнии, а над головой, сперва незаметно, начинали громоздиться облака, вал

за валом, и по крыше ходовой рубки «Виромы» осторожно забарабанили первые крупные дождевые капли, столь увесисто и столь медленно, что можно было расслышать и сосчитать каждую. Но на юге и западе не было ни дождя, ни грома, лишь редкие вспышки молний над островами, да и то наполовину угадываемые, — отдаленные и слабые проблески, после которых мрак становился еще более непроглядным.

И все же не абсолютно непроглядным. Наблюдатели на мостике танкера непрерывно вели наблюдение, опираясь локтями на обвес мостика и крепко прижимая ночные бинокли к усталым глазам, и в пятый раз за последнюю пару минут заметили один и тот же сигнал, мерцающий из тьмы на юго-западе, — серию вспышек, числом около шести, очень слабых и длящихся не дольше десяти секунд.

— На этот раз двадцать пять градусов по правому борту, — пробормотал Николсон, — и на открытом пространстве. По-моему, сэр, сигналят с неподвижной позиции на воде.

— Почти один в один. — Файндхорн опустил бинокль, потер тыльной стороной ладони воспаленные глаза и снова прильнул к окулярам. — Что ж, послушаем ваши мысли вслух, мистер Ни-

колсон.

Старпом улыбнулся в темноте. Капитан вел себя так, словно сидел в гостиной своего бунгало, а не находился в глазу тайфуна, неизвестно в какую сторону грозящего устремиться, и не нес ответственность за миллион фунтов стерлингов и пятьдесят человеческих жизней, да еще с новой неизвестной опасностью, надвигающейся из темноты.

— Всегда рад услужить, сэр. — Николсон опустил бинокль и задумчиво уставился в ночь. — Это может быть маяк, буй или бакен, но это не так: поблизости ничего подобного не установлено, и данная последовательность сигналов мне совершенно неизвестна. Это могут быть грабители разбитых судов — британские джентльмены к местным парням претензий не имеют, — но и это не они, поскольку ближайший остров по меньшей мере в шести милях к юго-востоку, а этот огонек от силы в двух милях от нас.

Файндхорн подошел к двери ходовой рубки и приказал снизить скорость вдвое, после чего вернулся к старпому:

— Продолжайте.

— Это может быть японский военный корабль, что-нибудь вроде эсминца, но и здесь мимо:

в самый тайфун суются только самоубийцы вроде нас, нормальные прячутся по укромным местечкам, к тому же любой разумный командир эсминца тихонько выжидал бы, пока мы не оказались бы в пределах досягаемости его прожекторов.

— Прямо мои мысли читаете, — кивнул Файндхорн. — Так что же это, по-вашему? Смотрите, снова замигал!

— Да, и теперь еще ближе. Источник сигналов точно неподвижен… Это может быть подводная лодка: они слышат нас в своих гидрофонах как что-то большое, но не уверены насчет нашего курса и скорости и поэтому хотят, чтобы мы отозвались и дали им линию прицела для торпеды.

— И все же вы как будто не полностью уверены.

— Я ни в чем не уверен, сэр. Просто не беспокоюсь. В ночь вроде этой любую подлодку будет так мотать, что они и в «Куин Мэри» со ста футов не попадут.

— Согласен. Вероятно, это было бы очевидно любому, кто не так подозрителен, как мы. Открытая шлюпка или плот в дрейфе, и им отчаянно требуется помощь. Но мы все равно подстрахуемся. Объявите по танкеру, пусть все с оружием

возьмут этот огонек на прицел и держат пальцы на спусковых крючках. И вызовите сюда Уолтерса. Скомандуйте самый малый.

— Слушаюсь, сэр.

Старпом удалился в ходовую рубку, и капитан вновь прильнул к биноклю. Вдруг его толкнули под локоть, и он раздраженно крякнул, опустил бинокль, полуобернулся и узнал незваного визитера еще до того, как тот заговорил. Даже на открытом воздухе запах виски был почти невыносимым.

— Какого черта тут происходит, капитан? — желчно потребовал объяснений Фарнхолм. — Из-за чего сыр-бор? От этой проклятой сирены у меня чуть барабанные перепонки не лопнули!

— Весьма сожалею, бригадный генерал, — невозмутимо и на удивление вежливо отозвался Файндхорн. — Такой у нас сигнал тревоги. Мы заметили подозрительный световой сигнал. Возможны осложнения. — Его тон слегка изменился. — А теперь, боюсь, вынужден попросить вас покинуть мостик. Без разрешения посторонним находиться здесь не полагается. Прошу прощения.

— Что-о? — воскликнул Фарнхолм, словно от него потребовали понять нечто непостижимое. —

Вы считаете меня посторонним?

— Увы, считаю. — Дождь в конце концов начался, крупные капли падали все быстрее и быстрее и барабанили капитана по плечам с такой силой, что ощущались даже через накидку, и неизбежная перспектива вновь промокнуть насквозь его не радовала. — Вам придется спуститься, бригадный генерал.

Странное дело, но очередной порции возмущений от Фарнхолма не последовало. Он даже ничего не ответил, лишь резко развернулся и скрылся в темноте. Файндхорн был почти уверен, что пьяница и не подумал отправляться вниз, а затаился в задней части ходовой рубки. Не то чтобы это его волновало: места на мостике было вдоволь, просто ему не хотелось, чтобы кто-то стоял над душой, когда необходимо действовать быстро, а принимать решения еще быстрее.

Едва лишь капитан снова посмотрел в бинокль, как свет вспыхнул снова, и на этот раз ближе, гораздо ближе, однако и заметно слабее: в фонаре явно садилась батарейка, хотя ее мощности пока еще хватало, чтобы разобрать передаваемое сообщение. То была не размеренная серия вспышек, как последние несколько раз, а безошибочное «SOS» — три короткие вспышки, три длинные,

снова три короткие, международный сигнал бедствия на море.

— Вы посылали за мной, сэр?

Файндхорн опустил бинокль и обернулся.

— А, Уолтерс. Прошу прощения, что вытащил вас в этот чертов потоп, но мне нужен кто-то побыстрее на сигнальном фонаре. Видите эти сигналы?

— Да, сэр. Терпят бедствие, как я понимаю?

— Очень надеюсь, — мрачно ответил капитан. — Возьмите фонарь и спросите, кто они такие. — Он повернулся к открывшейся двери. — Мистер Николсон, это вы?

— Так точно, сэр. Максимальная готовность, сэр. Команда взяла их на прицел, и после нескольких дней ожидания все настолько на взводе, что я даже опасаюсь, как бы кто не начал палить не разбираясь. Еще я велел боцману держать наготове пару заливающих прожекторов с правого борта, на танке номер три, и пару матросов — все, кого можно снять с огневых позиций, — со спасательной сетью.

— Благодарю, мистер Николсон. Вы всё продумали. Что у нас с погодой?

— Дождь, — хмуро отозвался старпом. Он потуже затянул полотенце на шее, прислушался к

пощелкиванию сигнальной лампы и проследил, как белизна луча рассекает пелену дождя. — Дождь, и очень скоро начнется шторм. Понятия не имею, какой силы и с какой стороны налетит. Полагаю, от барического закона ветра и справочника по тропическим штормам проку нам, что от спичек в аду.

— В своем замешательстве вы не одиноки, — признался Файндхорн. — Мы пребываем в центре тайфуна уже час пятнадцать минут. Как-то, лет десять назад, я находился в глазу шторма двадцать пять минут и считал это рекордом. — Он покачал головой, разбрызгивая в стороны капли. — С ума сойти! До настоящего урагана еще полгода — или уже прошло полгода. Хотя, конечно, до двенадцати баллов этот недотягивает. Однако сезон для него все равно неподходящий, не говоря уже о том, что в этих водах ему вообще не место, так что заглядывать в справочник нет смысла. Я уверен, что мы находимся на самом перегибе траектории тайфуна, и почти уверен, что он двинется на северо-восток, но окажемся ли мы при этом в опасной четверти… — Он внезапно осекся и уставился на крошечный желтый огонек, тускло пробивающийся сквозь стену дождя. — Как будто тонет… Что они там еще го-

ворят, Уолтерс?

— «Ван Эффен, тону». И все, сэр. По крайней мере, насколько я разобрал их морзянку. «Ван Эффен», похоже, корабль.

— О боже, этой ночью удача не отпускает меня. — Файнхорн вновь покачал головой. — Еще одна «Керри дансер». «Ван Эффен». Кто-нибудь слышал про такой корабль? Может, вы, мистер Николсон?

— Нет, никогда не слышал. — Старпом обернулся и прокричал через дверь: — Второй помощник, вы там?

— Да, сэр? — раздался голос в темноте, всего в футе от них.

— «Реестр», быстро! «Ван Эффен». В два слова, голландское название. Поторопитесь!

— Ван Эффен? Я не ослышался, кто-то сказал «ван Эффен»? — прозвучал безошибочный протяжный сандхерстский выговор, но на этот раз полный возбуждения, и из мрака в задней части ходовой рубки выдвинулась высокая тень Фарнхолма.

— Совершенно верно. Знаете о корабле с таким названием?

— Это не корабль, парни, это мой друг! Ван Эффен, голландец! Он был на «Керри дансер», сел

вместе со мной в Банджармасине. Наверно, спасся на шлюпке, когда начался пожар, — насколько помню, там только одна и была. — Фарнхолм вышел на крыло мостика, возбужденно высунулся за парусиновый обвес и принялся вглядываться в море, не обращая внимания на колотящий по спине ливень. — Подберите его, парни, подберите!

— А вдруг там ловушка? — Рассудительный, спокойный тон капитана подействовал подобно холодному душу после нетерпеливой горячности Фарнхолма. — Может, это действительно ван Эффен, а может, и нет. Но даже если это и он, откуда нам знать, что ему можно доверять?

— Откуда вам знать? — Судя по тону Фарнхолма, он прилагал изрядные усилия, чтобы сдержаться. — Послушайте. Я уже рассказывал этому вашему юноше, Ваньеру, или как его там…

— Ближе к делу, пожалуйста, — холодно прервал его Файндхорн. — Шлюпка, если это шлюпка, уже ярдах в двухстах от нас.

— Да вы слушаете или нет? — почти прокричал Фарнхолм, затем гораздо спокойнее продолжил: — Как вы думаете, почему я стою перед вами живой? Почему живы медсестры и раненые солдаты, которых вы всего час назад спасли с

«Керри дансер»? Почему живы все, кого вы сняли с судна, в том числе мисс Плендерлейт и мулла? По одной-единственной причине: когда капитан «Керри дансер» собрался дать деру из Сингапура, чтобы спасти свою шкуру, кое-кто ткнул ему в спину пистолет и заставил вернуться. Этим человеком был ван Эффен, и сейчас он в той шлюпке. Мы все обязаны своими жизнями ван Эффену, капитан Файндхорн.

— Благодарю, бригадный генерал. — Файндхорн, по обыкновению, был невозмутим и нетороплив. — Мистер Николсон, включить прожектор. Два заливающих на танке боцман включает по моей команде. Малый назад!

Луч прожектора прорезал тьму и осветил высокие волны, вспененные ливнем до молочно-белого цвета. Секунду-другую пятно света за бледной струящейся завесой дождя оставалось неподвижным, затем осторожно двинулось вперед и почти сразу же выхватило цель — шлюпку, практически под бортом танкера, стоящую на плавучем якоре и неистово ныряющую и взметающуюся на крутых волнах, что безостановочно обрушивались на нее. Волнение в центре тропического шторма не отличается какой-либо системностью, и жалкое суденышко то и дело заливали

изменчивые поперечные валы. В лодке находилось человек семь-восемь, которые нагибались и выпрямлялись, нагибались и выпрямлялись, вычерпывая воду ради спасения собственных жизней — и, несомненно, проигрывая борьбу, поскольку шлюпка уже была полузатоплена и прямо на глазах продолжала погружаться. Лишь один человек казался совершенно безучастным, он сидел на корме лицом к «Вироме», прикрываясь предплечьем от сияния прожектора. Прямо над этой рукой что-то белело на свету — возможно, шапка, хотя на таком расстоянии трудно было сказать наверняка.

Николсон буквально скатился по трапу, пробежал мимо спасательной шлюпки, затем по другой лестнице спустился к продольному мостику и на его конце промчался по третьему трапу, ведущему к танку номер три. Там он уверенно двинулся между вентилями, через лабиринт отводящих, топливных и пожарных паровых труб, пока не оказался у правого борта. За ним, не отставая, следовал Фарнхолм. Как только старпом оперся о поручень перил и высунулся вперед, разом вспыхнули два прожектора заливающего света.

Двенадцать тысяч тонн водоизмещения всего лишь с одним винтом — однако даже при таком

волнении Файндхорн вел свое огромное судно, словно эсминец. Шлюпка теперь находилась менее чем в сорока ярдах, освещаемая прожекторами, и с каждой секундой все приближалась и приближалась. В конце концов «Вирома» прикрыла ее от волн, и люди в ней прекратили вычерпывать воду. Они не сводили глаз с команды танкера, стоящей наверху, и готовились прыгать на спасательную сеть. Николсон снова всмотрелся в мужчину на кормовом сиденье и разглядел, что на голове у него не белая шапка, а грубо наложенная повязка, кое-где пропитавшаяся кровью. Открылось старпому и еще кое-что — неподвижное и неестественное положение правой руки этого человека.

Он повернулся к Фарнхолму и указал на человека на корме:

— Это ваш друг сидит сзади?

— Совершенно верно, это ван Эффен, — радостно подтвердил тот. — А я что вам говорил?

— Вы были правы. — Чуть помолчав, Николсон добавил: — Похоже, на некоторых вещах он прямо-таки зациклен.

— В каком смысле?

— В таком, что у него в руке опять пистолет. Нацеленный на его товарищей. И за все то время,

что я наблюдал за ним, он ни разу не оторвал от них взгляда.

Присмотревшись, Фарнхолм тихонько присвистнул:

— Вы чертовски правы, у него и впрямь пушка.

— Почему?

— Не знаю, сам теряюсь в догадках. Но поверьте мне на слово, мистер Николсон: если мой друг ван Эффен считает необходимым держать их под прицелом, у него на то имеется веская причина.

И она у голландца действительно имелась. Прислонившись к переборке в столовой с большим стаканом виски в руке, он выложил свою историю быстро, кратко и довольно убедительно, пока с его насквозь промокшей одежды стекала вода, образуя лужу у его ног. На оснащенной мотором шлюпке они быстро уплыли с охваченного пожаром «Керри дансер», и к началу тайфуна им удалось укрыться на островке в нескольких милях к югу. Они вытащили лодку на галечный берег с подветренной стороны и, сбившись в кучку, несколько часов пережидали шторм. Затем ветер внезапно стих, и вскоре после этого они увидели огни ракетницы на северо-западе.

— Это мы стреляли, — подтвердил Файндхорн. — Значит, вы решили добраться до нас?

— Я решил. — Невозмутимость в карих глазах голландца на мгновение сменилась холодной усмешкой, когда он указал на группу темноглазых и смуглых мужчин, сгрудившихся в углу. — Сиран и его дружки особым желанием не горели. С англичанами и их союзниками у них некоторые расхождения во взглядах, и они знали, что японских кораблей в этих водах нет. Да и потом, это могли быть сигнальные огни с какого-нибудь тонущего судна. — Ван Эффен одним глотком допил остатки виски и аккуратно поставил стакан на стол. — Но у меня был пистолет.

— Это я заметил, — кивнул Николсон. — И что потом?

— Мы направились на северо-запад. Сначала попали в полосу с несильным волнением, так что продвигались с приличной скоростью. Но потом налетели высокие волны, и двигатель залило водой. Нам только и оставалось, что сидеть и ждать, и я уж решил, что нам конец, как вдруг заметил фосфоресцирующий след за вами — в такую черную ночь его видно очень далеко. Начнись дождь пятью минутами раньше, мы бы ни за что вас не засекли. Но нам повезло, и у меня был фонарь.

— И пистолет, — добавил Файндхорн. Он смерил ван Эффена долгим холодным взглядом. — Очень

жаль, мистер ван Эффен, что вы не воспользовались им ранее.

— Ход вашей мысли проследить нетрудно, капитан, — криво усмехнулся голландец. Поморщившись от боли, он сорвал с головы окровавленную льняную полоску, обнажив тянущийся от края лба до уха глубокий порез с побагровевшей вокруг кожей. — Откуда, по-вашему, у меня это?

— Выглядит не очень, — признал старпом. — Сиран?

— Один из его людей. Когда на «Керри дансер» начался пожар, единственную на судне шлюпку спустили на талях, и Сиран вместе с уцелевшими членами команды приготовились садиться в нее.

— Только о своей шкуре и заботились, — мрачно перебил его Николсон.

— Только о своей шкуре, — подтвердил ван Эффен. — Я схватил Сирана за горло и прижал к перилам, хотел заставить его искать уцелевших. Это была моя ошибка — надо было сразу же пригрозить пистолетом. Мне и в голову не приходило, что вся его команда — как там говорится? — из одного теста слеплена. Наверно, меня ударили металлическим шпеньком, которым закрепляют канат. Очнулся я уже в шлюпке.

— Что-что? — недоверчиво переспросил капитан.

— Полностью вас понимаю, — устало улыбнулся голландец. — Звучит совершенно нелогично. Они должны были бросить меня поджариваться. И все же меня спасли, да еще любезно перевязали голову. Странно, не так ли, капитан?

— «Странно» не то слово, — невыразительно произнес Файндхорн. — Вы говорите нам правду, мистер ван Эффен? Глупый вопрос, конечно. Вы в любом случае ответите «да».

— Он говорит правду, капитан. — Голос Фарнхолма прозвучал поразительно твердо и как будто принадлежал совсем другому человеку, не тому бригадному генералу Фарнхолму, которого успели узнать на «Вироме». — Нисколько в этом не сомневаюсь.

— Вы? — Файндхорн повернулся к нему, как и все остальные, привлеченные необычностью интонации. — Откуда такая уверенность, бригадный генерал?

Фарнхолм протестующе махнул рукой, словно спохватившись, что его восприняли гораздо серьезнее, нежели входило в его намерения.

— Как-никак ван Эффена я знаю лучше любого из вас. И его рассказ просто обязан быть

правдой, иначе его здесь сейчас не было бы. Звучит по-дурацки, но вы же понимаете, о чем я, джентльмены?

Капитан задумчиво кивнул, однако ничего не ответил. На какое-то время в столовой воцарилась тишина, нарушаемая лишь отдаленным грохотом падения носа танкера в подошву волны, необъяснимым скрипом, издаваемым любым кораблем при сильном волнении, да беспокойным шарканьем команды «Керри дансер». Наконец Файндхорн бросил взгляд на часы и повернулся к старпому:

— Нам пора на мостик, мистер Николсон. Все указывает на то, что мы снова входим в шторм. Полагаю, капитана Сирана с командой на остаток ночи мы поместим под вооруженную охрану. — Глаза Файндхорна выражали такой же холод, что и голос. — Но прежде мне хотелось бы кое-что выяснить.

С легкостью удерживая равновесие против сильной качки, он неторопливо двинулся к экипажу «Керри дансер», однако ван Эффен, протянув руку, преградил ему путь.

— На вашем месте я бы их остерегался, — невозмутимо предупредил он. — У половины из них по несколько ножей, и они не замедлят пустить

их в ход.

— У вас есть пистолет. Вы позволите? — Капитан вытащил из-за пояса голландца оружие и осмотрел его. Автоматический пистолет был поставлен на предохранитель. — Кольт тридцать восьмого калибра.

— Вы разбираетесь в оружии?

— Немного.

Мягко ступая, Файндхорн приблизился к ближайшему моряку из группы в углу, высокому широкоплечему мужчине с загорелым гладким лицом, настолько лишенным всякого выражения, что казалось, будто его обладатель уже давным-давно отвык демонстрировать какие-либо эмоции. У него были тонкие усики, черные бакенбарды длиной три дюйма и темные пустые глаза.

— Это вы Сиран? — будничным тоном осведомился капитан «Виромы».

— Капитан Сиран. К вашим услугам.

Дерзость проявилась в незначительном нажиме на слове «капитан» и в едва заметном кивке. Лицо оставалось все таким же невыразительным.

— Формальности меня утомляют. — Во взгляде Файндхорна внезапно проявился интерес. — Вы

же англичанин, верно?

— Возможно. — На этот раз губы Сирана слегка скривились скорее в мастерски выраженном вальяжном презрении, нежели в улыбке. — Англосакс, скажем так.

— Не важно. Вы капитан — были капитаном — «Керри дансер». Вы покинули свое судно и обрекли людей на смерть, бросив их запертыми за стальной дверью. Они либо сгорели заживо, либо утонули, не важно. Именно вы оставили их умирать.

— Какой мелодраматизм! — Вялым жестом Сиран прикрыл зевок, вновь образцово продемонстрировав утомленное высокомерие. — Вы забываете морские обычаи. Для этих бедолаг мы сделали все, что было в наших силах.

Файндхорн медленно кивнул и повернулся, чтобы осмотреть шестерых товарищей Сирана. Вид у всех был весьма безрадостный, однако один из них — тип с тонкими чертами лица и слегка косящий на один глаз — определенно проявлял нервозность больше остальных. Он беспокойно топтался на месте, а его руки как будто и вовсе жили собственной независимой жизнью. Капитан танкера подошел к нему:

— Говоришь по-английски?

Ответом ему послужил целый набор универсальных жестов непонимания: нахмуренный лоб, пожимание плечами и разведенные в стороны ладони.

— Вы угадали, капитан Файндхорн, — протяжно прокомментировал ван Эффен. — Он говорит по-английски почти так же хорошо, как и вы.

Файндхорн вскинул пистолет, приставил его ко рту косоглазого и надавил. Тот попятился, но капитан продолжал наступать. Уже на втором шаге злополучному моряку пришлось вжаться спиной в переборку. Упершись в нее раскинутыми руками, он в ужасе вытаращился здоровым глазом на ствол пистолета у своих зубов.

— Кто запрессовал все задрайки на двери полуюта? — со зловещим спокойствием спросил капитан. — Даю тебе пять секунд. — Он еще сильнее надавил пистолетом, и в напряженной тишине неестественно громко раздался резкий щелчок предохранителя. — Раз, два…

— Я, я это сделал! — продемонстрировал мужчина знание английского, хотя и заплетающимся от страха языком. — Я запер дверь!

— По чьему приказу?

— Капитана! Он сказал, что…

— А кто запер дверь полубака?

— Юсиф! Но он погиб…

— По чьему приказу? — безжалостно продолжал допрос Файндхорн.

— По приказу капитана Сирана. — Косоглазый затравленно уставился на босса. — Я умру за это?

— Вполне возможно, — беспечно отозвался капитан «Виромы». Он сунул пистолет в карман и вернулся к Сирану. — Интересный у нас с ним разговор получился, как считаете, капитан Сиран?

— Да он идиот, — последовал презрительный ответ. — К тому же с пушкой под носом любой со страху что угодно наплетет.

— В полубаке находились британские солдаты — вполне возможно, ваши соотечественники. Человек двадцать — двадцать пять, точно не знаю, и вы не могли допустить, чтобы они стали набиваться в единственную шлюпку и помешали вашему бегству.

— Понятия не имею, о чем вы говорите.

Загорелое лицо Сирана по-прежнему ничего не выражало, но голос звучал настороженно, и из него исчезло рассчитанное высокомерие.

— Еще двадцать человек были в полуюте.

Сиран молчал, но Файндхорна больше не интересовали его ответы.

— Раненые, умирающие, женщины и совсем

маленький мальчик.

Сиран лишь слегка прищурился, в остальном никак не отреагировав. Наконец он заговорил все с тем же заносчивым безразличием:

— Чего вы надеетесь добиться своим идиотским пустозвонством, капитан Файндхорн?

— Да ни на что я не надеюсь. — Морщинистое лицо капитана «Виромы» выражало непреклонность, в его поблекших глазах застыли суровость и безжалостность. — Дело не в надежде, Сиран, а в достоверности — в достоверности фактов, уличающих вас в убийстве. Утром мы возьмем у всех членов вашей команды независимые показания, которые они подпишут в присутствии непредвзятых свидетелей из экипажа моего судна. Я лично прослежу, чтобы вас доставили в Австралию в целости и сохранности. — Приготовившись покинуть столовую, Файндхорн взял свою фуражку. — Вас будут судить по закону, капитан Сиран, но много времени это не отнимет, а наказание за убийство нам всем, разумеется, известно.

Маска безразличия спала с Сирана, и в его темных глазах впервые промелькнул страх. Однако Файндхорн этого не видел, поскольку уже поднимался по сходному трапу на охваченный ревом шторма мостик «Виромы».

Глава 6

Безоблачный, безветренный рассвет, окрасивший небо на востоке в перламутр во всей его переливчатой красе, застал танкер далеко к юго-востоку от пролива Рио, в двадцати милях точно к северу от Райфлмэн-Рока и почти на полпути к проливу Каримата. Судно шло на полной мощности — из трубы к корме тянулась сизая струйка дыма, а палубы полуюта вибрировали так, что стучали зубы. Каррадейл, старший механик, разогнал двигатель до предела, а потом и еще самую малость сверх того.

Бушевавший всю нескончаемую ночь тайфун ушел, и сильный ветер утих, словно его никогда и не было. Если бы не солевые пятна на палубах и надстройке да вспучивающаяся длинная зыбь, которая продержится еще несколько часов, буйство стихии можно было бы принять за сон. Хотя какой там сон — скорее это можно было назвать кошмаром, и в этом кошмарном сне капитан Файндхорн вел рыскающий, кренящийся танкер по гигантским волнам наперекор циклоническим ветрам, час за бесконечным часом,

позабыв о тяжелейшей нагрузке на «Вирому», позабыв об удобствах и самочувствии пассажиров и команды, позабыв обо всем на свете, кроме необходимости оставить как можно больше миль между танкером и Сингапуром до наступления рассвета, когда враг снова сможет их увидеть.

За считаные минуты нежные пастельные тона на востоке пожухли, побелели и окончательно сгинули, и над горизонтом начал стремительно подниматься огромный размытый силуэт солнца, расстелив на море по направлению к «Вироме» широкую переливающуюся дорожку слепящей белизны. Не совсем цельную, впрочем: в нескольких милях впереди на воде что-то находилось — то ли рыбацкий баркас, то ли небольшой каботажник со скрытым за горизонтом корпусом. Судно, черное как ночь на фоне восходящего светила, уверенно двигалось на восток и совсем скоро уменьшилось до крапинки, а потом и вовсе исчезло. Файндхорн, стоявший вместе с Барретом на мостике, следил за неопознанным судном до самого конца, задавая себе один вопрос за другим. Может, те заметили «Вирому», а может, и нет. Может, то были японцы или их союзники, а может, и нет. Может, у них имелся радиопередатчик, а может, нет. Но в любом случае поделать в данный

момент ничего было нельзя.

Солнце, как это всегда бывает в открытом море, словно бы выскочило над горизонтом. И к половине восьмого уже стало жарко — настолько жарко, что высохли вымоченные дождем и морем палубы и надстройка «Виромы»; настолько жарко, что капитан снял накидку и переместился на самый край крыла мостика понежиться в тепле и подышать полной грудью свежим морским воздухом, зная по опыту, что долго эта свежесть не продержится. Сам Файндхорн ощущал себя вполне бодрым, хотя усталость все же не исчезла полностью. Где-то в середине ночной вахты, когда тайфун наконец ослабел, Николсон уговорил его пойти к себе в каюту, где он и проспал мертвым сном чуть более трех часов.

— Доброе утро, сэр. Какая разительная перемена, а? — вырвал его из грез тихий голос старпома прямо за спиной.

Капитан обернулся:

— Доброе утро, Джонни. Что заставило вас подняться в такую несусветную рань?

Как ему было доподлинно известно, Николсон спал не больше пары часов, и все же у него был такой отдохнувший вид, будто проспал он все восемь. Не впервые Файндхорну пришлось

напомнить себе, что в плане выносливости и способности к самовосстановлению его старший помощник был исключительным человеком.

— В несусветную рань? — Николсон взглянул на часы. — Уже почти восемь часов. — Он усмехнулся. — Подняли меня совесть и веление долга, сэр. Я только что обошел наших пассажиров поневоле.

— Жалоб нет? — пошутил капитан.

— Полагаю, ночью большинство чувствовали себя неважно, в остальном жалоб нет.

— А те, у кого имелись, предпочитали не раскрывать рот, — кивнул Файндхорн. — Как больные медсестры?

— Двум девушкам-китаянкам и старой гораздо лучше. Они меняли перевязки раненым в лазарете и курительном салоне, когда я туда заглянул. В салоне все пятеро солдат в хорошем состоянии, только голодные как волки.

— Значит, поправляются, — с усмешкой заметил капитан. — А двое в лазарете?

— По словам медсестер, держатся. Думаю, сильно страдают от боли, чего никак нельзя сказать о нашем достойном бригадном генерале и его приятеле. Их храп слышен футов за двадцать, а на посту механиков воняет, как в винокурне.

— Как мисс Плендерлейт?

— Совершает моцион, разумеется. От одного продольного мостика до другого. Англичане мнят себя морской нацией, так что мисс Плендерлейт получает огромное удовольствие. Еще трое военных в столовой, капрал Фрейзер с солдатами. Удобно расселись там на стульях со своими винтовками и «брэном» наготове. Мне кажется, они чуть ли не молятся, чтобы Сиран или кто-нибудь из его людей чересчур глубоко вздохнул, и тогда они получат благовидный предлог превратить их в решето. Но те прекрасно понимают, какие чувства к ним испытывают солдаты, и дышат осторожно, даже моргают только одним глазом зараз.

— Склонен разделять вашу уверенность в надежности охраны. — Файндхорн лукаво покосился на своего старшего помощника. — А как выглядит этим утром наш достопочтенный капитан Сиран? Быть может, несколько потрепанным?

— Кто угодно, только не он. Достаточно одного взгляда на него, чтобы понять, что спал он глубоким, безмятежным сном человека с совестью новорожденного младенца. — Николсон умолк, созерцая морскую даль, затем добавил: — Дове-

дись мне такая возможность, с удовольствием подсобил бы его палачу.

— Скорее всего, вы окажетесь одним из последних в очень длинной очереди, — хмуро прокомментировал капитан. — Не хочу показаться излишне эмоциональным, Джонни, но я считаю Сирана безжалостным изувером, которого необходимо пристрелить как бешеную собаку.

— Вполне возможно, не сегодня завтра этим дело и кончится. — Старпом покачал головой. — Бешеный или нет, но ненормальный он точно.

— Что вы хотите этим сказать?

— Готов поставить последнее пенни, что он англичанин как минимум на три четверти. Учился в какой-нибудь престижной частной школе, и образование у него, нисколько не сомневаюсь, гораздо лучше моего. Как получилось, что такой человек оказался капитаном плавучего ада вроде «Керри дансер»?

Файндхорн пожал плечами:

— Я мог бы выложить с десяток объяснений, все разные, и объединяло бы их лишь одно: все они были бы неверными. В радиусе пары сотен миль от Сингапура собралась добрая половина паразитов и отщепенцев со всего мира, но Сиран не подпадает ни под одну категорию, так что это

тоже не ответ на ваш вопрос. Честно говоря, я в растерянности. — Капитан побарабанил пальцами по перилам обвеса. — Да, он озадачивает меня, но, черт побери, не он один!

— Ван Эффен? Наш достопочтенный бригадный генерал?

— В том числе. — Капитан покачал головой. — Наши пассажиры вообще компания довольно странная, а ведут себя еще страннее. Взять хотя бы бригадного генерала и этого муллу. Друзья не разлей вода! Довольно необычно, как считаете?

— Не то слово. Двери Бенгальского и Сингапурского клубов закроются для него на веки вечные. «Не положено» — прописными буквами. — Николсон усмехнулся. — Только подумайте о шоке и чудовищном всплеске смертности, если бы об этом стало известно — я имею в виду высшие военные круги. Так и вижу, как во всех лучших восточных барах растут горы жертв апоплексического удара, со все еще зажатыми в окоченелых руках стаканами. Фарнхолм несет ужасную ответственность за это.

Файндхорн слабо улыбнулся:

— И вы по-прежнему считаете, что с ним не все так просто?

— Да, сэр, как и вы сами. В целом он ходячая

карикатура на английского вояку-начальника, и карикатура отменная, но порой он делает или говорит что-то из ряда вон выходящее, совершенно не вяжущееся с этим образом. В общем, нелегко его классифицировать. Неосмотрительно с его стороны, очень.

— Очень, — хмыкнул капитан. — А другой его дружок, этот ван Эффен. С какого перепуга Сирану было заботиться о его здоровье?

— Сложный вопрос, — признал Николсон. — Особенно с учетом того, что самого голландца здоровье Сирана совершенно не заботит: то пристрелить его грозится, то придушить. Но я склонен верить ван Эффену. Мне он нравится.

— Верить-то я тоже ему верю. Но вот Фарнхолм не просто ему верит — он уверен, что ван Эффен говорит правду. А когда я пытаюсь выяснить почему, он стремительно меняет курс и приводит такие вздорные доводы, что и пятилетнего не убедят. — Файндхорн тяжело вздохнул. — Столь же маловразумительные, какие я услышал от мисс Плендерлейт насчет ее желания увидеть меня, когда явился к ней в каюту сразу же после вашей с Сираном… э-э-э… дискуссии[7].

---

[7] Notes: 7

Видимо, ошибка автора: с Сираном «дискутировал» не Николсон, а сам Файндхорн.

— Так вы все-таки зашли к ней? — заулыбался старпом. — Жаль, что я это пропустил.

— Вы знали?

— Ваньер рассказал. Мне практически пришлось тащить его в столовую, чтобы он передал вам ее требование. Чего же она хотела?

— Сначала она вообще отрицала, что посылала за мной, потом стала нести какую-то чепуху вроде того, что можно ли ей послать телеграмму сестре в Англию, когда мы прибудем в порт, — явно первое, что пришло ей в голову. Что-то ее беспокоит, и она, по-видимому, собиралась поделиться этим со мной, но потом передумала. — Капитан пожал плечами, отмахнувшись от очередной загадки. — Кстати, вы знали, что мисс Плендерлейт тоже с Борнео? Была там директором женской школы, оставалась до последнего.

— Да, это мне известно. Сегодня утром у нас с ней состоялась продолжительная беседа на переходном мостике. Она все время обращалась ко мне «молодой человек», и в конце концов я стал ощущать себя желторотым юнцом. — Николсон внимательно посмотрел на капитана. — Если вам мало головной боли, то вот кое-что еще, чего вы не знаете. Прошлой ночью мисс Плендерлейт принимала у себя в каюте посетителя, некоего

джентльмена.

— Что-о? Это она тебе рассказала?

— Господи, конечно нет. Уолтерс рассказал. Он только прилег после вахты, как в дверь пожилой дамы постучали — очень тихо, но Уолтерс все равно услышал, поскольку диванчик в радиорубке стоит как раз у переборки с его каютой, вынужденно покинутой. Он признался, что его разобрало любопытство и он попытался подслушать их заговорщицкий шепот через дверь в смежной стене, но она была плотно закрыта, и у него ничего не вышло. Однако один из голосов был очень низким, определенно мужским. Неизвестный пробыл у почтенной леди минут десять, потом ушел.

— Полуночное свидание в каюте мисс Плендерлейт! — Файндхорн не мог оправиться от изумления. — Я бы подумал, что она должна была завопить изо всех сил.

— Только не она! — усмехнулся Николсон, помотав головой. — Она, конечно, живое воплощение добропорядочности, но, если бы к ней ночью заявился непрошеный визитер, она задержала бы его, прочитала бы ему проповедь, потрясая перед его носом указательным пальцем, и лишь потом отпустила бы восвояси, присты-

женного, полного решимости начать примерную жизнь. Но насколько я понимаю, в данном случае это была вовсе не нотация, а весьма и весьма секретный разговор.

— У Уолтерса есть догадки, кто это был?

— Никаких. Он сказал только, что это был мужской голос и что ему было не до выяснений: он чертовски устал и очень хотел спать.

— Разумеется. Пожалуй, сложно его винить. — Капитан снял фуражку и промокнул голову носовым платком: было всего восемь часов, но солнце уже начинало припекать. — В любом случае у нас есть дела поважнее, чем беспокоиться о них. Я просто не могу их понять. Они странные люди — каждый, с кем я разговариваю, кажется еще более странным, чем предыдущий.

— Включая мисс Драхман? — уточнил старпом.

— Боже праведный, нет! Не колеблясь поменял бы их всех на ее одну. — Файндхорн водрузил фуражку на голову и, задумчиво созерцая даль, покачал головой. — Слов не хватает, в какое жуткое месиво превратили ее личико эти чертовы мясники. — Его взгляд сосредоточился на подчиненном. — Сколько из сказанного вами вчера было правдой?

— Вы имеете в виду помощь хирургов?

— Да.

— Не очень много. Сам я не специалист, но ее шрам затянется и срастется задолго до того, как кто-либо из них успеет за него взяться. Конечно же, кое-что еще можно будет сделать, но они не чародеи, и никто из них не претендует на это звание.

— Черт побери, мистер, тогда вы не имели права создавать у нее впечатление, будто они творят чудеса! — Файндхорн вспылил настолько, насколько ему позволяла его флегматичная натура. — Вы хотя бы подумали, какое ее ожидает разочарование?

— «Ешьте, пейте и веселитесь», — напомнил ему библейское изречение Николсон. — Вы так уверены, что снова увидите Англию, сэр?

Какое-то время капитан молча смотрел на него, насупив косматые брови, а затем медленно кивнул и отвернулся.

— Даже забавно, что мы продолжаем мыслить понятиями мирного времени и обыденности, — пробормотал он. — Прошу прощения, сынок. И все равно с самого восхода солнца я только о них и думал. О маленьком Питере, о медсестрах, обо всех… Но в основном о мальчонке и этой девушке. Сам не знаю почему. — Он снова умолк, обвел

глазами безоблачный горизонт и добавил словно бы невпопад: — Славный денек, Джонни.

— Славный денек, чтобы умереть, — мрачно ответил Николсон. Перехватив взгляд капитана, он мимолетно улыбнулся. — Мы долго ждали, но японцы — вежливые джентльмены. Мисс Драхман подтвердит, что вежливости им не занимать. Не думаю, что они заставят нас ждать дольше.

И все же японцы заставили себя ждать. Ждать долго. Быть может, не столь долго, сколько насчиталось бы в секундах, минутах и часах, но когда люди — отчаявшиеся люди, чрезмерно долго растягиваемые на дыбе неопределенности, — каждое мгновение ожидают неизбежного, тогда секунды, минуты и часы утрачивают всякую значимость как абсолютные единицы времени и соотносятся лишь с заточенным, как лезвие бритвы, ожиданием момента, с томительным предчувствием того, что неминуемо должно произойти. И вот секунды ползли и превращались в минуты, а минуты тянулись бесконечно и растягивались в час, потом в следующий час, но небо по-прежнему оставалось пустым, а линия мерцающего горизонта — однородной, неподвижной и непрерывной. Почему враг не появляется так долго, было за пределами понимания Файндхорна, ведь

прочесывать море в их поисках должны были сотни кораблей и самолетов. Можно было только предположить, что этот район японцы обшарили предыдущим днем, как раз когда танкер повернул назад для спасения «Керри дансер», и теперь искали южнее. А то и вовсе решили, что «Вирома» затонула во время тайфуна… Впрочем, едва лишь подобное объяснение пришло Файндхорну на ум, он тут же отмел его как попытку выдать желаемое за действительное: ничего подобного японцы, конечно же, не подумают. В чем бы ни заключалась причина, танкер по-прежнему оставался в одиночестве и по-прежнему продвигался на юго-восток среди необъятного простора моря и неба. Прошел еще один час, а потом еще один, настал полдень, и сверкающее, обжигающее солнце встало в духовке неба практически прямо над головой, и тогда капитан впервые позволил себе роскошь первого искусительного проблеска надежды: пролив Каримата, темнота ночи, Яванское море — и можно будет осмелиться снова помечтать о доме. Солнце перевалило через зенит, миновал полдень, и минуты поползли снова — пять, десять, пятнадцать, двадцать, каждая минута тянулась все дольше и дольше, и надежда вновь начала крепнуть. А потом, в двадцать

четыре минуты первого, надежда обратилась в пыль и долгое ожидание закончилось.

Зенитчик на полубаке первым увидел крошечную черную крапинку далеко на юго-западе, появившуюся высоко над горизонтом из марева. Несколько секунд объект как будто оставался на месте, неподвижно замерев в небе, — всего лишь черная бессмысленная точка, подвешенная в воздухе, — а затем, совершенно внезапно, она перестала быть крошечной и прямо на глазах у наблюдателей, с каждым их вздохом стала увеличиваться в размерах, перестала быть бессмысленной, принимала форму, все более обретала резкость в отсвечивающей дымке, пока не стали ясно различимы очертания фюзеляжа и крыльев — ясно до безошибочности. Японский истребитель «зеро», по-видимому оснащенный подвесным топливным баком. Стоило экипажу «Виромы» опознать объект, как через безмятежность моря до них донесся подтверждающий глухой рокот авиационного двигателя.

«Зеро» размеренно гудел, снижаясь с каждой секундой и направляясь прямо к танкеру. Сначала казалось, что пилот намеревается пролететь перпендикулярно над «Виромой», но менее чем в миле от судна истребитель завалился на правый

борт и начал кружить над ним на высоте около пятисот футов. Атаковать он не пытался, не стреляли и с танкера. Приказ капитана отличался четкостью и категоричностью: огонь открывать только в целях самообороны. Количество боеприпасов на судне было ограниченно, и их необходимо было беречь для неизбежных бомбардировщиков. Кроме того, оставался шанс, что пилота введет в заблуждение новое нанесенное на борт название «Сиюсу мару» и большой японский флаг, пару дней назад сменившие «Резистенцию» и флаг Аргентины, — примерно один шанс на десять тысяч, мрачно подумал Файндхорн. Вопиющая наглость и полная неожиданность, благодаря которым «Вирома» продвинулась столь далеко, уже исчерпали свою эффективность.

Истребитель кружил над танкером без малого десять минут, держась на расстоянии не более полумили, почти постоянно в крутом крене. Затем с юго-запада прилетели еще два самолета, тоже «зеро», и присоединились к первому. Втроем они описали два круга над судном, после чего первый покинул строй и дважды пролетел вдоль «Виромы», менее чем в ста ярдах, оттолкнув назад фонарь кабины, так что наблюдатели на мостике видели лицо пилота — точнее, то немногое, что

не закрывал шлем, поднятые на лоб очки и микрофон рации, — пока он детально осматривал судно. Наконец истребитель выполнил резкий вираж и вновь присоединился к двум остальным. Всего за несколько секунд они выстроились в линию, покачали крыльями в насмешливом салюте и, размеренно набирая высоту, умчались на северо-запад.

Николсон беззвучно выдохнул и повернулся к Файндхорну:

— Этот парень не догадывается, какой он счастливчик. — Он ткнул пальцем в сторону площадок с «гочкисами». — Даже наши хлопушки перемололи бы его на мелкие кусочки.

— Конечно-конечно. — Прислонившись к перегородке обвеса, Файндхорн угрюмо наблюдал за исчезающими вдали истребителями. — И что бы мы выиграли? Только растратили бы ценные боеприпасы, и все. Этот самолет нам ничем не угрожал. Тот вред, который он способен был нам причинить, он нанес еще издалека. Наше описание, вплоть до последнего винтика, наше месторасположение, курс и скорость — все это пилот передал в свой штаб до облета. — Он опустил бинокль и медленно повернулся. — Описание и месторасположение изменить мы не в силах, но

вот курс — вполне. Двести градусов, мистер Николсон, будьте так любезны. Попробуем пройти через канал Маклсфилд.

— Есть, сэр! — Поколебавшись, старпом спросил: — Полагаете, это что-то изменит?

— Ровным счетом ничего, — устало ответил капитан. — Где-нибудь в двухстах пятидесяти милях отсюда с японских аэродромов уже взлетают нагруженные бомбардировщики — высотные, пикирующие, торпедоносцы. Это для них дело чести. Если бы мы сбежали, японцы превратились бы в посмешище для всей своей драгоценной Великой восточноазиатской сферы совместного процветания. Утрата чьего-либо доверия для них недопустима. — Файндхорн посмотрел Николсону в глаза печально и отрешенно, но спокойно. — Сожалею, Джонни, сожалею о маленьком Питере, девушках и всех остальных. Нас потопят, можно не сомневаться. Как потопили «Принс оф Уэлс» и «Рипалс». Устроят нам бойню. Нагрянут через час, может, чуть больше.

— Какой тогда смысл менять курс, сэр?

— А какой смысл вообще что-либо делать? Быть может, выгадаем минут десять, прежде чем они засекут нас. Бессмысленный жест, мой мальчик, знаю, что бессмысленный, но все-таки жест. Даже

ягненок обращается в бегство, прежде чем его разорвет волчья стая. — Он немного помолчал и улыбнулся. — Кстати о ягнятах, Джонни. Может, спуститесь вниз и загоните нашу отару в овчарню?

Десять минут спустя старпом вернулся на мостик, и капитан осведомился:

— Все в загоне, мистер Николсон?

— Боюсь, что нет, сэр. — Он коснулся трех золотых полосок у себя на погоне. — Нынешние солдаты лишены всякого почтения к начальству. Ничего не слышите, сэр?

Файндхорн озадаченно взглянул на него, затем прислушался и кивнул:

— Шаги. Похоже, сюда поднимается целый полк.

— Вроде того. Капрал Фрейзер и два его славных товарища. Когда я велел им отправляться на камбуз и оставаться там, капрал предложил мне идти прятаться самому. Их чувства определенно были оскорблены. В их арсенале три винтовки и пистолет-пулемет, и что-то мне подсказывает, что пользы от них будет в десять раз больше, чем от двух стрелков с «гочкисами».

— А остальные?

— С остальными солдатами та же история — со-

брались на корме с оружием. Никакого героизма, все четверо серьезны и настроены решительно. Совсем еще мальчишки. Тяжелораненые пока в лазарете, их нельзя перемещать. Но полагаю, там не опаснее, чем в других местах. За ними присматривают две медсестры.

— Все четверо? — вдруг нахмурился капитан. — Мне казалось…

— Солдат было пятеро, — кивнул Николсон. — Но у пятого боевая психическая травма, насколько я понимаю. Алекс какой-то-там, не знаю фамилии. Совершенно ни на что не годен, нервы в клочья. Я отвел его к остальным на камбуз. Все уже там. Старик Фарнхолм не горел желанием покидать пост механиков, но, когда я расписал ему, что камбуз — единственное помещение в надстройке, стены которого не выходят наружу, и что переборки там металлические, а не обычные деревянные, причем две кормовые, две носовые и по три бортовых с каждой стороны — бронированные, он помчался туда как миленький.

Файндхорн скривился:

— Наша доблестная армия. Вояка до тех пор, пока не начинают стрелять пушки. Это оставляет неприятное впечатление, Джонни, и совершенно не соответствует его характеру. Спасительная

благодать таких людей в том, что им неведом страх.

— Как и Фарнхолму, — уверенно возразил Николсон. — Готов поспорить на что угодно. Мне кажется, он о чем-то беспокоится, и очень сильно. — Старпом покачал головой. — Он стреляный воробей, сэр, даже если кажется чудаковатым. У него какие-то очень личные причины прятаться в укрытии, и это не страх за свою шкуру.

— Может, вы и правы, — пожал плечами капитан. — В нашем положении это все не имеет значения. Ван Эффен с ним?

— Он в столовой. Опасается, что Сиран с дружками заварят кашу в самое неподходящее время. При нем его верный пистолет, так что не заварят, — усмехнулся Николсон. — Ван Эффен производит на меня впечатление очень компетентного джентльмена.

— Вы оставили Сирана и его людей в столовой? — Файндхорн поджал губы. — В нашем салоне самоубийц, который полностью открыт для обстрелов с бреющего полета вдоль судна, а пушечный снаряд даже не заметит ставни на окнах.

Это был скорее вопрос, нежели утверждение, и Файндхорн подкрепил его взглядом наполовину

насмешливым, наполовину выжидательным, но Николсон просто пожал плечами и отвернулся. В его холодных голубых глазах отражалось лишь безразличие, когда он изучал подернутый дымкой горизонт на севере.

Японцы вернулись в двенадцать минут третьего, и вернулись настоящей армадой. Хватило бы трех-четырех самолетов, однако прилетело пятьдесят. Без всякого промедления, без пристрелки, без предварительной высотной бомбардировки они по широкой дуге вышли на юго-западный курс и устремились в массированную сокрушительную атаку со стороны солнца — скоординированную, просчитанную с инженерной точностью атаку торпедоносцев, пикирующих бомбардировщиков и «зеро»; атаку, мастерство проведения которой уступало лишь ее целеустремленной неистовости и лютости. С того момента, когда первый «зеро» с малой высоты расстрелял из спаренной пушки капитанский мостик, до момента, когда последний торпедоносец взмыл виражом, уворачиваясь от взрывной волны сдетонировавшей собственной торпеды, прошло всего три минуты. Но это были три минуты, за которые «Вирома» из прекраснейшего и современнейшего танкера

флота Британо-арабской компании, из двенадцати тысяч тонн первосортной стали со всеми зенитками на палубах, дерзко огрызавшимися на атакующего врага, превратилась в разбитый, полыхающий и дымящийся остов со смолкшими орудиями, уничтоженным двигателем и убитыми или умирающими членами экипажа. Сущая бойня, жестокая, бесчеловечная бойня с одним-единственным смягчающим обстоятельством: безжалостная ярость нападения была несколько умерена ее милосердной стремительностью.

Бойня, но бойня, направленная в первую очередь не на судно, а на людей на его борту. Очевидно следуя строгому приказу, японцы попросту их казнили, и со своей задачей они справились блестяще. Главными целями атак явились машинное отделение, капитанский мостик, полубак и огневые позиции. На машинное отделение пришелся особенно жестокий удар: в него и в палубы над ним угодили две торпеды и по меньшей мере десять бомб, так что от половины кормы практически ничего не осталось, и в задней части танкера никто не выжил. Из зенитчиков уцелели только двое — Дженкинс, старший матрос, располагавшийся на полубаке, и капрал Фрейзер. Хотя второму, пожалуй, оста-

валось недолго: ему отстрелило половину и без того покалеченного плеча, и он был слишком слаб и шокирован болью, чтобы его старания остановить фонтанирующую артериальную кровь принесли действенный результат.

Скорчившиеся на полу мостика за бронированными переборками ходовой рубки, оглушенные ударными волнами от взрывов снарядов из авиационных пушек, Файндхорн и Николсон постепенно осознали замысел нападения, причину столь огромного количества задействованных в операции бомбардировщиков и прикрывающих их истребителей. Они также догадались, почему капитанский мостик столь чудесным образом не страдал от бомб и почему до сих пор ни одна торпеда не попала в танки с топливом — промахнуться мимо такой цели было попросту невозможно, — в то время как механическое сердце «Виромы» безжалостно вырвали первым же делом. Враг не пытался уничтожить танкер — наоборот, он пытался сохранить его, перебив при этом его команду. Несмотря на разнесенную в клочья корму, девять огромных топливных танков, по-прежнему невредимые, вкупе с полубаком обладали достаточным запасом плавучести, чтобы удерживать «Виромы» на

воде, возможно полузатопленную, но все еще на плаву. И если японцам удастся полностью ликвидировать экипаж, чтобы никто не смог взорвать или затопить разбомбленный танкер, тогда им достанется десять тысяч тонн топлива — миллионы галлонов высококачественного горючего для их кораблей, танков и самолетов.

А потом, совершенно неожиданно, почти непрерывный рев и вибрация, от которых стучали зубы при разрывах бомб и торпед, прекратились, неровный рокот двигателей тяжелых бомбардировщиков быстро замер вдали, и внезапная относительная тишина резанула по ушам почти столь же мучительно, как и только что стихшая какофония. Николсон бессильно помотал головой, чтобы стряхнуть шок, дым и удушливую пыль, нетвердо встал на четвереньки, ухватился за ручку двери и, опираясь на нее, поднялся на ноги — и в следующее мгновение снова рухнул камнем на палубу, когда прямо у него над головой через разбитые окна злобно просвистели снаряды и разорвались в переборке штурманской, наполнив ходовую рубку ужасающим грохотом и убийственным градом металлических осколков.

Несколько секунд Николсон оцепенело лежал ничком, уткнувшись лицом в палубу и накрыв

голову руками, мысленно кляня себя за опрометчивую и безрассудную попытку подняться столь поспешно. Мог бы и догадаться, что японская ударная сила не уйдет вся сразу. Они просто обязаны были оставить несколько самолетов, чтобы те позаботились о выживших, способных передвигаться по палубам и готовых попытаться лишить их трофея. И эти самолеты, истребители «зеро», будут кружить вокруг столько времени, сколько им позволят подвесные топливные баки.

Двигаясь на этот раз с чрезвычайной осторожностью, Николсон снова встал на ноги и выглянул через зазубренные осколки стекла, торчащие из искореженной нижней рамы окна. В первый миг увиденное его озадачило, и он не сразу сумел сориентироваться, а затем по черной полоске тени фок-мачты сообразил, что же произошло. По-видимому, торпедой оторвало или заклинило руль, и стремительно теряющая ход «Вирома» уже практически остановилась, однако перед этим ее развернуло на сто восемьдесят градусов, в ту сторону, откуда они шли изначально. А в следующее мгновение старпому открылось кое-что еще, куда важнее изменившейся позиции танкера, и это кое-что было злой насмешкой над караулящими в небе истребителями.

Дело было не в просчете некоторых пилотов бомбардировщиков, а в их незнании. Обстреливая полубак, чтобы уничтожить зенитки и обслуживающий персонал, они использовали бронебойные снаряды, способные пробить палубу и убить укрывающихся под ней членов экипажа. При этом японцы не допускали и мысли, что делают что-то не так. Но они не знали — да и откуда им было знать, — что складской отсек под палубой полубака, грузовой трюм промежуточной палубы под ним и гораздо больший трюм ниже не пустовали. Все эти пространства были заполнены до отказа, загружены под завязку сотнями плотно составленных бочек с десятками тысяч галлонов высокооктанового авиационного топлива — горючего, изначально предназначенного для разбитых и обугленных останков, ныне усеивающих аэродром Селангор.

Пламя взметнулось в безветренный, неподвижный воздух на сто, двести футов гигантской сплошной колонной, столь белой, столь раскаленной и бездымной, что в ярком сиянии дневного солнца ее можно было и не заметить, словно то было и не пламя вовсе, а широкая дрожащая полоса невероятно разгоряченного воздуха, которая постепенно сужалась кверху и, значительно

возвышаясь над фок-мачтой, заканчивалась закручивающимся и колышущимся острием, вырождающимся в струйку голубоватого дымка. Время от времени глубоко в трюме взрывалась очередная бочка, и тогда почти невидимое пламя на краткое мгновение окаймлял сгусток плотного дыма, так же стремительно исчезающий. И пожар только начинался. Когда займется по-настоящему, когда бочки будут взрываться десятками, авиационный бензин в переднем топливном танке, значащемся под номером девять, рванет, как склад боеприпасов. Жар пламени уже обжигал старпому лоб, однако он еще немного задержал взгляд на полубаке, пытаясь прикинуть, сколько же у них остается времени. Определить срок было невозможно, разве что попробовать угадать наобум. Может, две минуты, а может, и все двадцать, — после двух лет войны прочность танкеров, их нежелание умирать стали чуть ли не легендарными… Но точно никак не больше двадцати минут.

Внезапно внимание Николсона привлекло какое-то движение в лабиринте труб на палубе, сразу за фок-мачтой. Это оказался человек, одетый лишь в пару изорванных синих брюк из грубой ткани. Спотыкаясь и падая, он брел по на-

правлению к трапу на переходный мостик. Явно оглушенный, мужчина то и дело проводил рукой по глазам, словно пытаясь снять с глаз пелену, но ему удалось достичь трапа и кое-как подняться наверх, после чего он, пошатываясь, побежал к средней надстройке. Теперь старпом ясно его разглядел — это был старший матрос Дженкинс, наводчик многоствольной зенитки. Но разглядел его и кое-кто другой, и Николсон успел только выкрикнуть отчаянное предупреждение, прежде чем броситься на пол. Стиснув кулаки, он вслушивался в разрывы снарядов авиационной пушки истребителя, который вышел из стремительного пике и принялся поливать огнем палубу от полубака до мостика.

На этот раз старпом не стал подниматься на ноги. Он уже усвоил, что выпрямляться в полный рост в ходовой рубке — настоящее самоубийство. К тому же веская причина вставать у него была лишь одна — посмотреть, как там Дженкинс. Но ответ ему и без того был известен. Матросу следовало выждать благоприятного момента и только тогда делать бросок, но, по-видимому, из-за контузии он оказался не в состоянии принять столь очевидное решение. Впрочем, выбор у Дженкинса был невелик: либо побежать и быть убитым,

либо оставаться на месте и сгореть заживо.

Николсон тряхнул головой, чтобы развеять чад и пороховую вонь, сел на полу и окинул взглядом разгромленную ходовую рубку. Кроме него, здесь находилось четыре человека, хотя еще секунду назад было только три: стоило последним снарядам разорваться внутри мостика, как появился Маккиннон. Припав к порогу штурманской и чуть приподнявшись на локте, боцман осторожно оглядывался вокруг. Его не задело, однако он благоразумно не рисковал продвигаться дальше.

— Пригнись! — торопливо бросил ему старпом. — И не вставай, мигом голову отстрелят.

Собственный голос показался ему каким-то нереальным, хриплым и приглушенным.

Эванс, вахтенный рулевой, сидел на решетчатом настиле, прислонившись спиной к штурвальному колесу, и тихонько, безостановочно ругался своим высоким голосом с уэльским акцентом. На колени ему капала кровь из глубокой раны на лбу, но он не обращал на нее внимания, полностью сосредоточившись на перевязке левого предплечья. Насколько сильно у него повреждена рука, Николсон не видел, однако каждая накладываемая на рану белая полоска ткани, которую рулевой отрывал от рубашки,

немедленно окрашивалась в ярко-алый цвет.

В дальнем углу ничком лежал Ваньер. Старпом прополз по палубе и осторожно приподнял ему голову. У четвертого помощника был рассечен висок, уже расцвеченный кровоподтеком, но других повреждений заметно не было. Он потерял сознание, но дышал спокойно и ровно. Аккуратно опустив его голову на пол, Николсон повернулся к Файндхорну. Тот сидел на палубе на противоположной стороне мостика, привалившись спиной к переборке и опираясь растопыренными пальцами о палубу, и наблюдал за своим старпомом. Вид у капитана был бледный: как-никак он уже давно вышел из юного возраста и для такого веселья решительно не подходил. Указав на Ваньера, Николсон пояснил:

— Просто в отключке, сэр. Такой же везунчик, как и остальные здесь: все живы, даже если не совсем здоровы.

Он добавил в голос бодрости, которой на самом деле не ощущал. Стоило ему умолкнуть, как Файндхорн, явно намереваясь подняться, подался вперед и с усилием, так что побелели пальцы, начал отталкиваться от пола.

— Осторожно, сэр! — крикнул старпом. — Оставайтесь на месте! Вокруг шныряют всякие типы

и чуть ли не молятся, чтобы вы высунули нос!

Капитан кивнул и, расслабившись, опять прислонился к переборке. Он по-прежнему ничего не говорил. Николсон внимательно посмотрел на него:

— С вами все в порядке, сэр?

Файндхорн снова кивнул и попытался что-то сказать. Но вместо слов получился странный клокочущий кашель, и внезапно у него на губах появились яркие кровавые пузыри. По подбородку вялой струйкой потекла кровь и медленно закапала на белоснежную накрахмаленную форменную рубашку. Николсон мгновенно вскочил на ноги, спотыкаясь подбежал к капитану и рухнул перед ним на колени.

Файндхорн улыбнулся ему и снова попытался заговорить, но опять зашелся пузырящимся кашлем, и изо рта у него хлынула кровь, яркая артериальная кровь, резко контрастирующая с белизной губ. Глаза его затуманились.

Старпом принялся лихорадочно осматривать его тело и голову в поисках раны. Сначала он ничего не видел, а затем вдруг нашел ее — он ошибочно принял рану за одну из капель крови, упавшую на рубашку капитана. Вот только это было вовсе не пятнышко, а дырка — маленькая,

пустяковая на вид дырочка правильной круглой формы, краснеющая по краям. Именно это и потрясло Николсона в первую очередь: такая маленькая дырочка, такая безобидная. Почти в центре груди, но не совсем. Рана располагалась примерно в дюйме слева от грудины и в двух дюймах над сердцем Файндхорна.

Глава 7

Николсон мягко и бережно взял капитана за плечи, слегка наклонил его вперед, оторвав его спину от переборки, и повернулся, чтобы позвать боцмана. Но тот уже опускался на колени рядом с ним, и подчеркнуто бесстрастное выражение его лица сказало старпому, что пятно на груди Файндхорна расползается прямо на глазах. Между тем Маккиннон, не дожидаясь указаний, достал складной нож и одним аккуратным и быстрым движением распорол рубашку на спине капитана, взялся за края разреза и надорвал прореху пошире. Мельком взглянув на спину Файндхорна, он снова свел края ткани вместе и, посмотрев на Николсона, покачал головой. Так же бережно старпом прислонил капитана обратно к переборке.

— Безнадежно, джентльмены? — Подступающая к горлу кровь мешала Файндхорну говорить, он был способен лишь на хриплый шепот.

— Достаточно скверно, хотя и не настолько, — ответил старпом, тщательно подбирая слова. — Очень больно, сэр?

— Нет. — Капитан на мгновение прикрыл глаза, затем снова заговорил: — Пожалуйста, ответьте на вопрос. Ранение сквозное?

— Нет, сэр, — невозмутимо, едва ли не холодно произнес Николсон. — Похоже, зацепило легкое и застряло в ребрах на спине. Придется покопаться, сэр.

— Спасибо.

«Зацепило» — это было вопиющее преуменьшение, а провести необходимое хирургическое вмешательство за грудной стенкой можно было лишь в полностью оборудованной операционной, но если Файндхорн и отдавал себе отчет в обоих обстоятельствах, на его интонации и выражении лица это не отразилось. Он мучительно откашлялся и попытался улыбнуться:

— С раскопками придется подождать. Как там «Вирома», мистер Николсон?

— Все кончено, — честно признался тот и указал большим пальцем через плечо. — Уже видно пламя, сэр. У нас от силы пятнадцать минут. Разрешите спускаться к шлюпкам, сэр?

— Конечно, конечно! О чем я только думаю!

Капитан попытался встать на ноги, но Маккиннон удержал его на месте, увещевая своим мягким шотландским голосом и глядя на стар-

пома в ожидании указаний. Однако указания поступили не от начальства, а от нарастающего рева двигателя самолета, глухого стука авиационной пушки и снаряда, с визгом ворвавшегося через разбитое окно над их головами и снесшего верхнюю часть двери в штурманскую. Файндхорн разом оставил попытки подняться, устало откинулся на переборку и слабо улыбнулся боцману. Он хотел что-то сказать Николсону, но тот уже исчез, оставив после себя неистово раскачивающуюся на петлях перекошенную половинку двери в штурманскую.

Старпом быстро спустился по центральной лестнице и со стороны правого борта вошел в столовую. На полу рядом с дверью сидел ван Эффен, целый и невредимый, с неизменным пистолетом в руке.

— Ну и какофония, мистер Николсон! Все закончилось?

— Более или менее. Боюсь, что танкеру конец. Снаружи еще кружит пара-тройка «зеро», вынюхивают последнюю каплю крови. Какие-нибудь сложности возникали?

— С ними-то? — Голландец пренебрежительно повел стволом пистолета в сторону команды «Керри дансер»: пятеро в ужасе сбились в кучу

возле передних скамеек, еще двое растянулись под столами. — Слишком заняты своими драгоценными шкурами.

— Кто-нибудь ранен?

Ван Эффен с сожалением покачал головой:

— Дьявол добр к подобным себе, мистер Николсон.

— Жаль, — отозвался старпом, направляясь к двери по левому борту. — Судно тонет. Долго мы не продержимся. Гоните ваших дружков на палубу выше и дожидайтесь на переходном мостике. Дверей наружу не открывайте…

Он осекся на полуслове и замер. Деревянная створка раздаточного окошка камбуза была продырявлена и разбита в десятке мест, из-за нее доносились жалобные детские всхлипывания.

Николсон выскочил в коридор и через три секунды уже лихорадочно дергал ручку двери камбуза. Ручка вращалась, но далее этого дело не шло, — возможно, дверь была заперта, хотя, скорее всего, ее перекосило и заклинило. По воле Провидения на стене возле каюты пятого механика висел пожарный топор, и старпом принялся неистово бить им по замку. После третьего удара замок отскочил, и дверь распахнулась.

Первыми смутными впечатлениями Николсо-

на были дым, гарь, море разбитой посуды и почти невыносимый запах виски. Но поток свежего воздуха практически мгновенно очистил атмосферу помещения, и тогда он увидел, что на полу, прямо у него под ногами, сидят две медсестры — Лена, малайская девушка, в темных глазах которой застыл ужас, и мисс Драхман, бледная и напряженная, но спокойная. Старпом опустился на колени рядом с ней и выпалил:

— Малыш?

— Не волнуйтесь, с маленьким Питером все в порядке.

Она сдержанно улыбнулась и потянула на себя приоткрытую тяжелую металлическую дверцу гладильного пресса. Из отделения на Николсона круглыми от страха глазами смотрел мальчик, туго завернутый в плотное одеяло. Старпом протянул руку и осторожно взъерошил ему светлые волосики, затем вскочил на ноги и протяжно выдохнул:

— Что ж, поблагодарим Господа хотя бы за это. — Он улыбнулся медсестре. — Вам тоже спасибо, мисс Драхман. Чертовски удачная мысль. Но вынесите его в коридор, пожалуйста, здесь нечем дышать.

Старпом повернулся да так и замер, недоверчи-

во уставившись на живописную сцену: молодой солдат Алекс и мулла лежали бок о бок на полу, и, кажется, оба без сознания. Фарнхолм как раз осматривал голову мусульманского священника. От бригадного генерала разило виски так, словно алкоголем была пропитана его одежда.

— Что здесь произошло, черт побери? — холодно потребовал объяснений Николсон. — Фарнхолм, вы можете хотя бы на пять минут забыть о бутылке?

— Какой вы своенравный молодой человек, молодой человек, — донеслось из угла камбуза. — Не стоит спешить с выводами, особенно с неверными.

Старпом всмотрелся в полумрак — после уничтожения генераторов освещение на танкере отсутствовало, а окон на камбузе не было — и с трудом различил фигуру мисс Плендерлейт, которая сидела возле холодильника, выпрямив спину и глядя на руки. Деловитое постукивание вязальных спиц казалось неестественно громким. Николсон уставился на нее, не веря своим глазам, и недоверчиво спросил сдавленным голосом:

— Что вы делаете, мисс Плендерлейт?

— Вяжу, разумеется. Вы что, никогда в жизни

не видели, как вяжут?

— Вяжете! — благоговейно прошептал старпом. — Вяжете, ну конечно! «Вам два или три кусочка сахара, викарий?» — Он в изумлении покачал головой. — Узнали бы об этом японцы — уже завтра запросили бы перемирия.

— Не говорите чепухи! — отчеканила пожилая дама. — Еще не хватало, чтобы вы тоже сошли с ума!

— Тоже?

— Я об этом несчастном молодом человеке, — указала она на лежащего солдата. — Как только мы сюда пришли, то сразу же загородили раздаточное окошко подносами — оно ведь деревянное. Бригадный генерал подумал, что так можно защититься от пуль. — Мисс Плендерлейт говорила четко и быстро, отложив вязанье в сторону. — После первых же ударов бомб этот молодой человек попытался выбраться отсюда. Бригадный генерал запер дверь, тоже очень быстро сообразил. Тогда солдатик принялся вытаскивать подносы — наверно, хотел вылезти через окошко. А… хм… священник попытался его оттащить, и вот тогда в раздачу ударили пули.

Николсон быстро обернулся и взглянул на Фарнхолма:

— Мои извинения, бригадный генерал. Мертв? — кивнул он на муллу.

— Слава богу, нет. — Фарнхолм выпрямился, на какое-то время забыв о своем протяжном сандхерстском выговоре. — Легкая контузия, должно быть. — Он сердито посмотрел на солдата и покачал головой: — Чертов дуралей!

— А с ним что случилось?

— Уложил его бутылкой виски, — лаконично объяснил бригадный генерал. — Бутылка разбилась. Наверно, бракованная была. Возмутительное расточительство, просто возмутительное.

— Вынесите его наружу, пожалуйста. Остальные тоже выходите. — За спиной у Николсона кто-то вошел на камбуз, и он обернулся. — Уолтерс! Совсем про тебя забыл. С тобой все в порядке?

— Да, сэр. Вот радиорубка, боюсь, малость пострадала. — Уолтерс выглядел бледным и больным, но все таким же целеустремленным.

— Это уже не важно. — Николсон действительно очень обрадовался появлению Уолтерса, человека основательного и компетентного. — Отведи этих людей на шлюпочную палубу — в коридор, а еще лучше в радиорубку или свою каюту. На палубу выходить не позволяй. Если

захотят забрать что-то из своих кают, дай им пару минут.

— Нам предстоит небольшое путешествие, сэр? — усмехнулся радист.

— Совсем скоро. Просто на всякий случай.

Он не стал уточнять, что единственная альтернатива эвакуации — сгореть заживо или разлететься на кусочки при взрыве танкера. Это вряд ли благоприятно отразилось бы на моральном духе пассажиров, а Уолтерс и так уже об этом знал. Николсон быстро вышел из камбуза и тут же пошатнулся и едва не упал, когда чудовищной силы детонация где-то на корме словно бы приподняла ее над водой и конвульсивная взрывная волна сотрясла каждый обшивочный лист и заклепку «Виромы». Старпом машинально уцепился за притолоку, при этом ему удалось подхватить и удержать завалившуюся на него мисс Драхман с Питером. Он быстро повернулся к Уолтерсу:

— Отставить последний приказ! В каюты никому не заходить! Просто отведи их к шлюпочной палубе и проследи, чтобы оставались на месте.

В четыре шага он достиг кормовой двери и осторожно приоткрыл ее. Через несколько секунд он уже стоял перед металлическим трапом,

ведущим вниз, на главную палубу, и смотрел в сторону кормы.

Жар ударил его едва ли не физически, так что от боли выступили слезы на глазах. На этот раз, угрюмо подумал Николсон, жаловаться на то, что он не видит пламени, не приходится. Закручивающиеся клубы маслянистого черного дыма вздымались в небо на сотни футов, с каждой секундой поднимаясь все выше и выше, не истощаясь в какое-то подобие пика, а разрастаясь на вершине огромной черной наковальней, расползающейся над танкером, подобно погребальному покрову. Однако непосредственно на уровне палубы дым практически отсутствовал, лишь нависала сплошная стена огня футов шестидесяти в диаметре, которая на высоте сорока футов распадалась на десяток отдельных огненных колонн — извивающихся гигантских языков пламени, жадно тянущихся вверх и исчезающих трепещущими кончиками в клокочущем мраке дыма. Первой реакцией Николсона было прикрыть не лицо, но уши: даже с расстояния ста пятидесяти футов рев огня оглушал.

Кто-то из японцев промахнулся, с мрачным злорадством заключил он. Предназначенная для машинного отделения бомба взорвалась в

дизельном хранилище, пробив в сторону кормы переборку машинного отделения, а в сторону носа — обе стенки коффердама, за которым располагался танк номер один. Почти наверняка именно он сейчас и полыхал: горение четверти миллиона галлонов мазута вовсю раздувалось неистовым нисходящим потоком воздуха через пробитый коффердам. Даже если бы уцелели противопожарный аппарат и люди для его обслуживания, попытка обуздать этот огненный ад, — ад, что поглотит и уничтожит любого осмелившегося подойти к нему ближе чем на пятьдесят футов, — обернулась бы самоубийственной выходкой конченого идиота. А затем сквозь низкий размеренный рев пламени Николсон расслышал другой звук, куда более смертоносный, — пронзительное завывание авиационного двигателя на максимальном форсаже. Он успел заметить истребитель, несущийся перпендикулярно танкеру на уровне верхушки мачты, и судорожно бросился на пол за открытой дверью. На месте, где он стоял всего две секунды назад, разорвались снаряды.

Проклиная себя за беспечность, старпом поднялся на ноги, захлопнул дверь и огляделся вокруг. На камбузе и в коридоре не было ни души:

радист определенно не терял времени даром. Николсон быстро пересек столовую и оказался у подножия трапа на шлюпочную палубу, где обнаружил Фарнхолма, с трудом затаскивающего молодого солдата вверх по ступенькам, и молча стал ему помогать. Наверху его сменил подоспевший Уолтерс, и старпом посмотрел через коридор в сторону радиорубки:

— Все благополучно в загоне, радист?

— Так точно, сэр. Ждем только мусульманина, и еще мисс Плендерлейт пакует сумку, как будто собирается на курорт на пару недель.

— Да, я заметил. Обо всем-то ей нужно побеспокоиться.

Николсон посмотрел в другую сторону коридора. Возле лестницы к штурманской топтались Сиран и остальные моряки с «Керри дансер», запуганные и жалкие, за исключением самого Сирана. Несмотря на порезы и синяки, его загорелое лицо выражало бесстрастное спокойствие. Старпом бросил взгляд на Уолтерса:

— А где ван Эффен?

— Понятия не имею, сэр. Не видел.

Николсон подошел к Сирану и спросил:

— Где ван Эффен?

Тот лишь пожал плечами, скривил губы в

усмешке и ничего не ответил. Старпом упер ему в солнечное сплетение пистолет, и ухмылки как не бывало.

— Пристрелю тебя с величайшим удовольствием, — почти любезно предупредил Николсон.

— Он пошел наверх. — Бывший работорговец кивнул на лестницу. — С минуту назад.

Старпом повернулся и крикнул через коридор:

— Радист, есть оружие?

— В радиорубке, сэр.

— Иди и возьми его. Ван Эффен не имел права оставлять этих людей без присмотра.

Когда Уолтерс появился снова, Николсон проинструктировал его:

— Чтобы расстрелять эту шайку, особых причин не требуется. Достаточно даже надуманных.

Перескакивая через три ступеньки, он взлетел наверх и через штурманскую бросился в ходовую рубку. Ваньер уже очнулся и был вполне в состоянии помогать Эвансу перевязывать руку, хотя то и дело потряхивал головой, проясняя мысли. Маккиннон по-прежнему сидел рядом с капитаном.

— Боцман, ван Эффена не видел?

— Был здесь минуту назад, сэр. Поднялся наверх.

— Наверх? Боже, и что ему там… — раздраженно начал Николсон и тут же осекся: сейчас было не до того. — Как себя чувствуешь, Эванс?

— Чертовски злым, сэр, — ответил рулевой, и именно так он и выглядел. — Попадись мне только кто-нибудь из этих убийц…

— Хорошо-хорошо, — невольно улыбнулся старпом. — Вижу, что ты жив. Оставайся здесь с капитаном. А вы как, четвертый помощник?

— Теперь в порядке, сэр, — заявил Ваньер, несмотря на бледность. — Всего лишь царапина на голове.

— Прекрасно. Тогда проверьте с боцманом шлюпки. Только номера один и два, на двух других смотреть не на что. — Николсон обернулся к Файндхорну. — Вы что-то сказали, сэр?

— Да. — Голос капитана звучал по-прежнему слабо, однако уже яснее. — Три и четыре выведены из строя?

— Разнесены на куски и сожжены дотла, — деловито и без всякой горечи сообщил старший помощник. — Основательно поработали. На танке номер один пожар, сэр.

Файндхорн покачал головой:

— Есть какая-то надежда, сынок?

— Нет, абсолютно никакой. — Николсон снова

обратился к Ваньеру: — Если обе в пригодном состоянии, обеими и воспользуемся. — Он взглянул на капитана и вскинул брови, ожидая подтверждения. — Мы ведь не хотим оказаться ночью в одной лодке с Сираном и его головорезами?

Файндхорн молча кивнул, и старпом продолжил:

— Одеяла, провизия, вода, оружие и боеприпасы — сколько найдете. И аптечки. Все это в шлюпку получше, нашу. Задача ясна, четвертый помощник?

— Так точно, сэр.

— И еще кое-что. Когда все соберете, принесите сюда тканевые носилки для капитана. И следите, чтоб под пушку не попасть, пару минут назад меня чуть не прикончили. Давайте поторапливайтесь, ради бога! На все — пять минут!

Николсон вышел наружу через дверь с правого борта и остановился, оценивая обстановку. Его обдавало задувавшим вдоль судна потоком раскаленного воздуха, словно прямо перед ним открыли дверцу топки, но на это не стоило обращать внимание. Жар его не убьет, по крайней мере пока, а вот «зеро» — вполне, выдайся им хоть малейший шанс. Однако истребители держались в полумиле от танкера: выстроившись в

линию и кренясь на левое крыло, они кружили вокруг «Виромы», наблюдая и выжидая.

В пять стремительных шагов Николсон оказался у подножия трапа на крышу ходовой рубки. Разом перемахнув через три ступеньки, он вдруг остановился, да так резко, что лишь поспешно подставленная рука смягчила удар, когда он упал вперед, на перекладины. Сверху спускался перепачканный кровью ван Эффен, наполовину подпирая, наполовину неся Фрейзера. Капрал был очень плох и явно отчаянно цеплялся за последние обрывки сознания. Даже под сильным загаром на его искаженном от боли лице различалось, насколько оно обескровлено. Правой рукой раненый поддерживал то, что осталось от его левого предплечья, измочаленного и раскромсанного, — искалечить столь жутко мог только разрыв снаряда авиационной пушки. Крови, впрочем, Фрейзер терял немного, благодаря наложенному голландцем жгуту над локтем.

Николсон встретил их на середине трапа и подхватил капрала, сняв часть полумертвого груза с плеч ван Эффена. И прежде чем он понял, что происходит, весь груз оказался на нем, а ван Эффен помчался обратно на крышу ходовой рубки.

— Эй, вы куда? — заорал старпом через рев

пламени. — Там уже никому не уцелеть! Мы покидаем корабль! Назад!

— Нужно проверить, вдруг есть кто живой! — прокричал в ответ ван Эффен.

Он добавил что-то еще — кажется, про оружие; завывание двух гигантских пожаров заглушало практически все остальные звуки. Внимание Николсона переключилось на кое-что другое: истребители прекратили кружить вокруг танкера. Заложив крутой вираж, оставшиеся три «зеро» выстроились в шеренгу и устремились прямиком на среднюю надстройку. Не требовалось особого воображения, чтобы сообразить, какие соблазнительные и полностью беззащитные мишени представляют собой люди, торчащие на самом верху «Виромы». Николсон покрепче обхватил Фрейзера и махнул свободной рукой в сторону моря.

— У вас нет шансов, идиот! — снова закричал он. — Вы спятили или ослепли?

— Лучше позаботьтесь о себе, друг мой! — отозвался голландец и исчез из виду.

Старпом не стал больше задерживаться — ему действительно нужно было позаботиться, причем не только о себе. До двери в ходовую рубку оставалось каких-то несколько шагов, каких-то

несколько секунд, однако капрал окончательно превратился в ковыляющий, беспомощный груз, повисший у него на руке, а «зеро» понадобится не более шести секунд, чтобы приблизиться на расстояние прицельного огня. Николсон ясно различал тонкое, высокое завывание двигателей, приглушенное, но угрожающее на фоне ровного гула пламени, однако он не осмеливался обернуться и взглянуть, и без того зная, что самолеты уже в двухстах ярдах от них, ловят в прицел его беззащитную спину. Раздвижную дверь заело, и левой рукой ему не удавалось сдвинуть ее, как вдруг она резко открылась, и боцман втащил капрала Фрейзера внутрь, а Николсон прыгнул вперед, на палубу, невольно сжавшись в ожидании смертоносного удара авиационного снаряда в спину. Когда же он стремительно перекатился и ящерицей метнулся в безопасное укрытие, раздался короткий раскат грома, и истребители промчались в нескольких футах над ходовой рубкой. Выстрелов не последовало.

Старпом удивленно покачал головой и медленно поднялся на ноги. Быть может, дым и пламя помешали пилотам разглядеть цель, или же у них закончились боеприпасы — как-никак боекомплект на истребителе не бесконечен. Впрочем,

причина не имела значения. На мостике Николсон увидел Фарнхолма, тот помогал Маккиннону спускать раненого капрала к шлюпкам. Ваньер отсутствовал, но с капитаном сидел Эванс. А затем перекошенная дверь штурманской рубки распахнулась на разбитых петлях, и лицо старпома в очередной раз вытянулось от изумления.

Представший перед ним человек был практически голым, из одежды на нем только и были что обожженные и все еще тлеющие по краям лохмотья, в которых угадывались остатки синих брюк. Брови и волосы у него были опалены, а грудь и руки алели от ожогов. Дышал он часто и неглубоко, как будто на протяжении долгого времени испытывал нехватку кислорода, но с тех пор так и не успел вдохнуть полной грудью. Лицо у него было очень бледным.

— Дженкинс! — Николсон шагнул вперед и схватил матроса за плечи, но тут же отдернул руки, когда тот скривился от боли. — Да как же… Я ведь видел самолеты…

— Кто-то попал… в западню! — перебил его Дженкинс. — В носовом… насосном отделении, — торопливо продолжил он, судорожно выдавливая одно-два слова на выдохе. — Спрыгнул с переходного… мостика… и упал на люк. Я слышал

стук, сэр.

— И ты просто ушел оттуда? — тихо спросил старпом.

— Нет, сэр. Задрайки заклинило. — Матрос устало покачал головой. — Не смог их открыть, сэр.

— Там же труба есть! — в ярости выпалил Николсон. — Тебе это известно не хуже меня!

Дженкинс молча показал ему свои ладони. Старпом поморщился: на них совсем не осталось кожи, лишь краснело голое мясо да кое-где сквозь него просвечивала белая кость.

— Боже мой! — Какое-то мгновение Николсон не мог оторвать взгляда от изувеченных рук, затем посмотрел в полные боли глаза матроса. — Мои извинения, Дженкинс. Спускайся вниз и жди возле радиорубки.

Вдруг кто-то тронул его за плечо, и он обернулся.

— Ван Эффен! Вам известно, что вы не только идиот, но еще и самый везучий человек на свете?

Высокий голландец положил на пол две винтовки, автоматический карабин и боеприпасы.

— Вы были правы, — негромко произнес он, выпрямившись. — Я напрасно потратил время. Все мертвы. — Он кивнул в сторону уходящего

Дженкинса. — Я слышал, что он рассказал. Это ведь небольшая рубка перед мостиком, верно? Я схожу.

Посмотрев в его спокойные серые глаза, старпом кивнул:

— Хорошо, идемте. Возможно, мне потребуется помощь, чтобы вытаскивать людей оттуда.

В коридоре внизу они едва не столкнулись с Ваньером, пошатывающимся под тяжестью груды одеял.

— Как шлюпки, четвертый помощник? — остановился Николсон.

— Замечательно, сэр! Даже не поцарапаны. Как будто японцы их специально не тронули.

— Что, обе? — поразился старпом.

— Так точно, сэр.

— Дареные кони, — пробормотал Николсон. — Ладно, идите, Ваньер. И не забудьте про носилки для капитана.

Внизу на главной палубе жара была почти удушающей; не прошло и десяти секунд, как оба спасателя начали задыхаться и жадно хватать ртом воздух. За последние пять минут пожар в грузовых отсеках с авиационным топливом усилился в два, а то и в три раза, и сквозь рев пламени приглушенно доносился почти беспрерывный

грохот лопающихся от высокой температуры и взрывающихся бочек с горючим. Однако все это старпом отмечал лишь краем сознания. Он стоял в проеме водонепроницаемой металлической двери надстройки над люком и колотил по нему концом двухфутовой трубы, служащей рычагом для задраек. Наклонившись над люком, чтобы услышать возможный отклик, Николсон обратил внимание, что пот со лба течет на крышку практически непрерывной струйкой. Воздух здесь был таким сухим и выгоревшим, а металл таким горячим — жар палубы ощущался даже через подошвы ботинок, — что капельки пота испарялись и исчезали, едва коснувшись палубы… И вдруг — столь внезапно, что мужчины вздрогнули, несмотря на напряженное ожидание, — изнутри раздался ответный стук, очень слабый, но отчетливый, и старпом немедленно принялся вскрывать люк. Задрайки и вправду оказались очень тугими — по-видимому, одной из взрывных волн искорежило или сместило металл, — и потребовалось около десятка мощных ударов кувалдой, чтобы ослабить две из них, зато последняя поддалась с первого же удара.

Из беспросветной глубины насосного отделения хлынул поток горячего зловонного воздуха,

однако Николсон и ван Эффен, не обращая на это внимания, вгляделись во мрак. Голландец включил фонарь, и тогда они увидели заляпанные машинным маслом седые волосы человека, карабкающегося вверх по лестнице. А затем из проема вынырнули две длинные руки, и спустя пару секунд спасенный встал рядом с ними на палубе, машинально прикрывшись предплечьем от безжалостного жара. С головы до ног он был перепачкан маслом, и на измазанном черном лице белки глаз выделялись почти комически.

Всмотревшись в него, Николсон изумленно произнес:

— Уилли!

— Именно так, — возгласил Уиллоби. — И никто другой. Старый добрый Уилли. «Пусть страстью юноши полны — они истлеть равно должны»[8], а вовсе не престарелые вторые механики. Не простые смертные вроде нас. — Он отер рукавом лицо, немного очистив его от грязи. — Так что не сочиняйте похоронных гимнов в честь Уиллоби.

— Но какого черта вы там забыли? Впрочем, ладно, это подождет. Идемте, Уилли. Нужно спешить, мы покидаем корабль.

---

[8] Notes: 8
У. Шекспир. Цимбелин. Перевод А. Соколовского.

Пока они поднимались на мостик, запыхавшийся второй механик объяснил:

— Нырнул туда, чтобы укрыться, сынок. В итоге чуть не погиб в расцвете лет. И куда мы поплывем?

— Как можно дальше от «Виромы», — последовал мрачный ответ. — Танкер в любой момент может взлететь на воздух.

Уиллоби обернулся, прикрывая глаза рукой:

— Это авиационный бензин, Джонни. Всегда есть шанс, что он выгорит сам по себе.

— Танк номер один тоже горит.

— На шлюпки и полным ходом отсюда! — заторопился второй механик. — Старый Уилли предпочитает отступить, чтобы сражаться в другой день[9].

Через пять минут шлюпки были загружены провиантом и подготовлены для посадки. Все уцелевшие, в том числе раненые, ожидали на палубе. Николсон взглянул на капитана:

— По вашей команде, сэр.

Файндхорн слабо улыбнулся, однако даже для этого ему явно потребовались усилия, и улыбка

---

[9] Notes: 9

Отсылка к стихотворению ирландского поэта О. Голдсмита «Искусство поэзии по новому плану».

быстро сменилась гримасой боли.

— Поздновато для такой скромности, мистер Николсон. Теперь вы командуете, мой мальчик. — Он закашлялся и зажмурился, затем приподнялся и озабоченно посмотрел в небо. — Самолеты, мистер Николсон. Они могут искрошить нас в кашу, когда мы будем опускаться на воду.

— Зачем им утруждаться, если проще расстрелять нас в море? — пожал плечами старпом. — Все равно у нас нет выбора, сэр.

— Разумеется. Прошу прощения за дурацкое замечание. — Капитан снова лег и закрыл глаза.

— С самолетами проблем не возникнет, — заговорил вдруг ван Эффен со странной уверенностью. Он улыбнулся Николсону. — Нас с вами уже дважды могли прикончить, но они либо не хотят стрелять, либо не могут. Есть и другие причины, однако время не терпит, мистер Николсон.

— Время не терпит, — кивнул старпом.

И в следующее мгновение сжал кулаки, когда по всему судну разнесся низкий, рокочущий рев. По надстройке «Виромы» пробежала сильная продолжительная дрожь, завершившаяся таким резким креном, что палуба в сторону кормы чуть не провалилась под ногами людей. Николсон выдавил улыбку:

— Действительно не терпит, ван Эффен. Обязательно было демонстрировать это с такой убедительностью? — Он повысил голос: — Внимание! Все по шлюпкам!

Необходимость спешить из насущной переросла в отчаянную. Переборки танка номер два разорвались, и теперь одно из топливных хранилищ — а может, и оба — заполнялось морской водой, из-за чего корабль проседал кормой. Тем не менее старпом полностью отдавал себе отчет, что излишняя спешка и поторапливание лишь ввергнут необученных пассажиров в панику, а в лучшем случае возникнет неразбериха, равным образом замедляющая эвакуацию. Маккиннон и ван Эффен оказывали неоценимую помощь, разводя людей по местам, перенося раненых и располагая их между скамьями — и при этом неизменно сохраняя спокойный и подбадривающий тон. В спущенных шлюпках приходилось кричать, чтобы услышать самих себя через шум пожарища — почти сверхъестественный, ужасающий шум, еще более усугубляемый тоненьким высоким свистом, неимоверно действующим на нервы, и низким непрерывным звуком, похожим на звук рвущегося ситца, только усиленный в тысячу раз.

Жар больше не был неприятным. Он стал невыносимым, и две гигантские завесы пламени начали неумолимо сходиться: бледно-голубая прозрачная кисея, переливающаяся и нереальная, бензинового пожара со стороны носа и кроваво-красные, дымящие языки пламени с кормы. Даже дышать становилось мучительно, так раздирало горло, и более всего доставалось Дженкинсу: раскаленный воздух терзал своим прикосновением его обожженную кожу и ободранные кровоточащие ладони. Маленький Питер Тэллон страдал меньше остальных, поскольку Маккиннон смочил в раковине на камбузе большое ворсистое одеяло и с ног до головы закутал в него мальчика.

Через три минуты после отдачи приказа обе шлюпки оказались на воде. Первой была спущена с левого борта лодка, которую отдали Сирану и его матросам: людей в ней было меньше, а раненых и вовсе не имелось, поэтому посадка прошла быстрее. Однако у Николсона, немного понаблюдавшего за бывшей командой «Керри дансер», прежде чем побежать обратно на правый борт, сложилось впечатление, что для отхода от горящего танкера им потребуется больше времени. У бывших работорговцев возникли сложности

с отдачей шлюпочных талей, хотя старпом и разъяснил, как обращаться с патентованным расцепляющим устройством. Вдобавок двое из них настолько обезумели от страха, что вступили в драку между собой, остальные же размахивали руками и орали во всю глотку. Николсон отвернулся от них с полнейшим безразличием и даже пренебрежением. Пускай сами разбираются. А не получится — что ж, мир станет только чище. Он дал им то, в чем они отказали малышу, — шанс выжить.

Менее чем минуту спустя старпом, покидавший корабль последним, по спасательному лееру с узлами съехал в стоящую на воде шлюпку номер один. Бросив взгляд сверху на забитое пассажирами, снаряжением и провиантом суденышко, он осознал, как трудно будет отчалить от «Виромы» на веслах, особенно при наличии всего лишь трех-четырех мужчин, способных обращаться с веслом. Но едва его ноги коснулись скамьи, как двигатель зачихал, запнулся, снова зачихал, затем шумно завелся и тут же успокоился до мягкого рокота, едва различимого сквозь рев пламени.

За минуту, двигаясь по дуге против часовой стрелки к носу, они отошли от борта «Виромы»

на приличное расстояние. Даже в двухстах футах от полубака жар стоял такой, что щипало глаза и горло, но Николсон, огибая нос, продолжал удерживать шлюпку настолько ближе к танкеру, насколько это было возможно. И тут внезапно открылся левый борт корабля, и они увидели вторую шлюпку. С момента ее спуска на воду прошло не менее трех минут, однако она отошла от «Виромы» едва ли на двадцать ярдов. Посредством зычных приказов и увесистого багра, который он использовал не особо разборчиво, Сиран в конце концов сумел восстановить некое подобие порядка, но, поскольку двое его людей лежали на дне лодки и стонали, а третий прижимал к груди обездвиженную и в данный момент бесполезную руку, на тяжелых веслах у него сидело лишь три человека. Николсон поджал губы и взглянул на Файндхорна. Капитан сразу же понял и кивнул, медленно и неохотно.

Через полминуты Маккиннон ловко метнул бухту троса, свободно растянувшуюся над водой. Сиран лично принял конец и быстро привязал его к мачтовой скамье, и в следующее мгновение моторка натянула буксировочный трос и потащила экипаж «Керри дансер» прочь от борта танкера. На этот раз Николсон не пытался

огибать корабль, а направился в открытое море, намереваясь как можно быстрее и как можно дальше отойти от «Виромы».

Миновало пять минут, позади осталось пятьсот ярдов, но ничего так и не произошло. Моторка со второй шлюпкой на буксире шла на предельной скорости в три с половиной узла, и каждый преодоленный фут приближал людей к безопасности. Истребители по-прежнему носились над головой, но бесцельно. Они не предпринимали попыток атаковать с самого начала посадки и определенно не собирались делать это сейчас.

Еще через две минуты пожар на «Вироме» занялся пуще прежнего. Пламя на корме, не засвечиваемое яркими солнечными лучами, теперь было отчетливо видно: плотный дым от двух кормовых танков накрывал половину квадратной мили моря, и пронзить его кромешную черноту было неспособно даже неистовое тропическое солнце. Под этим темным куполом две исполинские колонны огня сближались все больше и больше, безжалостные и грандиозные в помпезности своего неумолимого продвижения. Верхушки двух чудовищных пожаров клонились друг к другу вследствие какого-то причудливого процесса в перегретой атмосфере, и Файндхорн,

который, извернувшись на носилках, наблюдал за агонией своего судна, с необъяснимой уверенностью вдруг понял, что, как только эти два пламени соприкоснутся, тогда и наступит конец. Так и произошло.

После варварской пышности агонии смерть наступила удивительно сдержанно и совершенно незрелищно. За мостиком вверх взметнулась колонна белого пламени — на двести, триста, четыреста футов — и исчезла так же внезапно, как и возникла. А в следующее мгновение до людей в шлюпках через безмятежность моря донесся низкий, густой и протяжный рокот. Мало-помалу отзвуки рассеялись в пустынной дали, и воцарилась полнейшая тишина. Конец пришел спокойно и без суеты — пожалуй, даже с некоторым изяществом и достоинством. «Вирома» плавно скрылась под поверхностью моря на ровном и устойчивом киле — усталый и чудовищно израненный корабль, уже не способный выдержать чего-то еще и радующийся предстоящему отдыху. Наблюдатели в шлюпках услышали слабое шипение воды, заливающей раскаленные трюмы и танки, успели заметить верхушки двух изящных мачт, вертикально погружающихся в море, затем несколько пузырей — и на этом

все. Ни кусков дерева, ни других обломков в маслянистой воде — абсолютно ничего. Как будто «Виромы» никогда и не существовало.

Файндхорн повернулся к старпому с окаменевшим лицом, с сухими, лишенными всякого выражения глазами. Почти все в шлюпке смотрели на капитана, кто в открытую, кто тайком, но он как будто не замечал этого, погрузившись в пучины безразличия.

— Курс тот же, мистер Николсон, будьте так добры, — проговорил он тихо и хрипло, но только по причине слабости и кровотечения. — Двести градусов, насколько я помню. Наша цель не меняется. Мы должны достигнуть канала Маклсфилд через двенадцать часов.

Глава 8

Шли часы, нескончаемые, напряженные часы под голубым безветренным небом и нещадным тропическим солнцем, а шлюпка номер один по-прежнему монотонно продвигалась на юг и по-прежнему тянула за собой вторую лодку. Как правило, запасов топлива в спасательной шлюпке достаточно лишь на сто миль при скорости около четырех узлов, поэтому двигатель используют исключительно в экстренных случаях, вроде буксировки других плавсредств на безопасное расстояние от тонущего корабля, курсирования в поисках спасшихся на воде, оказания немедленной помощи или удержания шлюпки носом против ветра при сильном волнении на море. Однако Маккиннон предусмотрительно загрузил на борт дополнительные канистры с бензином, так что даже с учетом возможной непогоды горючего у них было достаточно, и даже более чем достаточно, чтобы достичь Лепара, островка размером примерно с английский Шеппи, на правой стороне канала Маклсфилд. Капитан Файндхорн, водивший корабли по Малайскому архипелагу на

протяжении пятнадцати лет, знал, где на Лепаре можно раздобыть топливо, причем в большом количестве. Единственной неизвестной величиной являлись японцы: существовала вероятность, что они уже захватили остров, хотя при столь широком рассредоточении их сухопутных сил, неизбежно обернувшемся нехваткой личного состава, представлялось маловероятным, что у них нашлось время или достаточное основание для взятия под контроль такого незначительного местечка. А с большим запасом горючего и пресной воды, кто знает, как далеко удастся уплыть на шлюпках, — Зондский пролив между Суматрой и Явой был вполне достижимой целью, особенно когда снова задует северо-западный пассат и можно будет поднять паруса.

Однако в данный момент не наблюдалось даже легкого ветерка, что уж говорить о пассатах. Стоял полный штиль, и в удушающей жаре жалкий поток воздуха от медленного продвижения шлюпок по морю являл собой сущую насмешку над прохладой — лучше бы его не было вовсе. Ослепительное солнце уже заходило, скатываясь к горизонту далеко на западе, но зной ничуть не убывал. Ранее по приказу Николсона оба паруса были растянуты в качестве навесов — кливер на

носу, а люгерный парус, рей которого закрепили на середине мачты, прикрывал насколько можно корму. Но даже в этих импровизированных палатках жара стояла угнетающая, около тридцати градусов, и это при относительной влажности воздуха более восьмидесяти пяти процентов. В Ост-Индии температура вообще довольно редко падает ниже двадцати пяти в любое время года. Не доставляло облегчения и окунание за борт при каждом удобном случае: температура воды достигала примерно тех же двадцати пяти градусов. Так что людям только и оставалось, что обессиленно и апатично полулежать или сидеть под тентами, страдать, обливаясь потом, да молиться о заходе солнца.

Пассажиры… Орудуя румпелем на кормовом сиденье, старпом медленно обвел взглядом людей в шлюпке, оценил их состояние, их дремотную безучастность — и поджал губы. Для плавания в открытой шлюпке в тропиках, в сотнях, даже тысячах миль от какой бы то ни было помощи, во вражеском окружении, среди захваченных японцами островов, сложно было бы подобрать пассажиров, менее подготовленных для управления лодкой и с еще более низкими шансами на спасение. Разумеется, имелись исключения

— люди вроде Маккиннона и ван Эффена исключительны при любых обстоятельствах, что же до остальных…

Помимо самого Николсона, на борту находилось семнадцать человек. Из них в плане мореплавания и борьбы за живучесть шлюпки несомненную ценность представляли только двое: Маккиннон, хладнокровный, компетентный, беспредельно изобретательный, один стоивший любых двух человек, и ван Эффен — хотя и полнейшая загадка во всех других отношениях, но уже доказавший свою храбрость и ценность в чрезвычайных ситуациях. Насчет Ваньера сказать было трудно: пока еще совсем мальчишка, возможно, он и выдержит продолжительные тяготы и лишения, но это станет понятно лишь со временем. Уолтерс, по-прежнему выглядевший разбитым и нездоровым, тоже мог принести немалую пользу, но только когда полностью восстановится. На этом, собственно, хорошие новости заканчивались.

Гордон, второй стюард, тип с тонкими чертами лица и слезящимися глазами, неисправимый хитрец и отъявленный вор, очевиднейшим, но необъяснимым образом отсутствовавший на своем боевом посту во время атаки японских

самолетов, не был ни моряком, ни бойцом и не заслуживал доверия абсолютно ни в чем, что не было непосредственно связано с его личной безопасностью и выгодой. Ни мулла, ни обескураживающий, загадочный Фарнхолм — они сидели рядом на одной скамье и о чем-то перешептывались — сегодня тоже никак особенно себя не проявили. Что касается Уиллоби, то человека отзывчивее и доброжелательнее было не сыскать на всем белом свете, но вне машинного отделения и без своих любимых книг, при всем своем весьма умилительном рвении оказывать содействие, второй механик был совершенно бесполезен. Капитан, рулевой Эванс, капрал Фрейзер и старший матрос Дженкинс были слишком тяжело ранены, чтобы их помощь была действительно эффективной, а не символической. Алекс, молодой солдат (Николсон выяснил, что его фамилия Синклер), оставался все таким же нервозным и пугливым, он беспокойно и неустанно обшаривал вытаращенными глазами своих соседей по шлюпке и безостановочно тер ладони о брюки на бедрах, словно отчаянно пытаясь очистить их от какой-то заразы. Оставались лишь три женщины да маленький Питер, и если кому-то подобный контингент покажется недостаточно скверным,

сокрушенно подумал старпом, то всего в двадцати футах всегда можно найти Сирана с шестью его головорезами. В общем, перспективы были весьма неутешительные.

Единственным в обеих шлюпках, кто источал довольство и беззаботность, был Питер Тэллон. Одетый в подвязанные веревкой коротенькие белые штанишки, он как будто совершенно не страдал ни от жары, ни от чего-либо другого и неустанно скакал на кормовом сиденье, да так, что его приходилось по десять раз в минуту спасать от падения за борт. Близость неизменно порождает доверие, и малыш больше не боялся других людей вокруг, хотя пока еще не доверял Николсону безоговорочно. Всякий раз, когда старпом, чье место у румпеля было ближайшим к мальчику, угощал его галетой или кружкой с разбавленной сгущенкой, тот, застенчиво улыбаясь, тянулся за лакомством, хватал его и снова отодвигался, после чего поглощал еду, опустив голову и с подозрением наблюдая за Николсоном из-под опущенных век. Но стоило Николсону протянуть руку, чтобы обезопасить мальчика от падения, как тот стремительно бросался к мисс Драхман, сидевшей с правого борта на кормовом сиденье, и вцеплялся пухлой ручонкой в ее блестящие

черные волосы, зачастую с такой силой, что девушка морщилась и невольно ойкала, а потом поворачивал голову и сосредоточенно разглядывал старпома сквозь растопыренные пальчики левой руки. То был его излюбленный прием — подглядывать сквозь пальцы, словно при этом он воображал себя невидимым. Умиляясь выходкам Питера, Николсон на какое-то время порой даже забывал о войне, о раненых, о почти безнадежном положении, в котором они оказались, но неизменно возвращался в горькую реальность, к еще более глубокому отчаянию и к удвоенным страхам за уготованную мальчику судьбу, когда японцы в конце концов их поймают.

А они их поймают. Николсон знал это, знал без малейшей тени сомнения, и знал, что Файндхорн тоже это знает, несмотря на все его воодушевляющие разговоры о том, как они достигнут острова Лепар и Зондского пролива. Японцам было известно их месторасположение с точностью до нескольких миль, и они запросто найдут их и расстреляют, когда им захочется. Единственной загадкой оставалось, почему они не сделали этого до сих пор. Старпом задавал себе вопрос, понимают ли остальные, что часы их свободы и безопасности сочтены, что кошка всего лишь

играет с мышкой. Если и понимали, то по их поведению и внешнему виду этого нельзя было сказать. Да, беспомощная и во многих отношениях бесполезная компания, балласт для любого, кто надеется достичь на лодке свободы, но в одном достоинстве, перевешивающем все недостатки, Николсон отказать им не мог: за исключением Гордона и контуженного Синклера, моральный дух людей был поразительно крепок.

Без малейшего ропота они как можно компактнее переложили провизию и одеяла, что было не такой уж простой задачей на битком набитой лодке, и, пожертвовав собственным удобством, освободили побольше места для раненых, которые в свою очередь, несмотря на очевидные мучения, не высказывали ни слова жалобы. Все распоряжения Николсона пассажиры выполняли бодро и с готовностью, так же они воспринимали и собственное стесненное положение. Две медсестры, которым весьма умело ассистировал Фарнхолм, почти два часа занимались ранеными, обеспечив им замечательный уход. Никогда еще требование Министерства транспорта об обязательном снабжении спасательных шлюпок многоцелевыми аптечками не выглядело столь оправданным, и мало когда содержимое

таковых оказывалось столь востребованным: нюхательная соль, медицинский опиум, сульфаниламидный антисептик, кодеиновые препараты, перевязочный материал, пластыри, бинты, вата и ожоговая мазь — все это имелось в наличии, и всему нашлось применение. Хирургический набор у мисс Драхман был собственный, и по ее просьбе Маккиннон с помощью шлюпочного топорика и личного ножа за десять минут изготовил из слани — досок днищевого настила — довольно приличные шины для изувеченной руки Фрейзера.

А мисс Плендерлейт была просто чудом. Другого слова для нее и подобрать было невозможно. Пожилая дама обладала подлинным даром смягчать обстановку и положение до утешительной обыденности и вполне могла бы провести в открытой шлюпке хоть всю жизнь. Она принимала вещи такими, какие они есть, извлекала из них как можно больше выгод и пользовалась достаточным уважением, чтобы склонить и других поступать так же. Именно она завернула раненых в одеяла и соорудила им из спасательных поясов подушки, при малейших признаках неповиновения журя их, словно непослушных и упрямых детей, — и распекать кого-либо дважды ей не

приходилось. Именно она взяла на себя руководство снабжением и следила за ранеными, пока они не съедали до последней крошки и не выпивали до последней капли все, что она им давала. Именно мисс Плендерлейт вырвала у Фарнхолма его саквояж и спрятала под своим боковым сиденьем, затем схватила отложенный Маккинноном топорик и с воинственным блеском в глазах известила негодующего бригадного генерала, что его пьянству днями напролет настал конец, а содержимое его сумки, которое он как раз собирался употребить, отныне будет использоваться исключительно в медицинских целях, — и после этого, как ни трудно в это поверить, извлекла из недр своей огромной сумки спицы и шерсть и преспокойно предалась вязанию. И именно она сейчас сидела с доской на коленях и аккуратно нарезала солонину и хлеб, выдавала галеты и леденцы, разбавляла водой сгущенку и отдавала приказы максимально серьезному, старательно прячущему улыбку боцману, которого она задействовала в качестве официанта, как если бы он был одним из ее благонадежных, хотя и не особенно способных учеников. Чудо, думал Николсон, стараясь, подобно Маккиннону, сохранять непроницаемое выражение лица. Настоящее чудо, другого слова

и не подобрать.

Внезапно ее голос сделался резким, повысившись почти на октаву:

— Мистер Маккиннон! Бога ради, что вы такое творите?

Боцман бросил на днище последнюю партию хлеба и солонины и опустился на колени, выглядывая из-под навеса и не обращая внимания на мисс Плендерлейт, когда она повторила вопрос. Она повторила его в третий раз и, вновь оставшись без ответа, поджала губы и с яростью ткнула боцмана под ребра рукояткой ножа. На этот раз он не мог не отреагировать.

— Только посмотрите, что вы натворили, болван неуклюжий! — Женщина рассерженно указала ножом на колено боцмана, которым он придавил к боковому сиденью кусок мяса весом с четверть килограмма, практически расплющив его в лепешку.

— Простите, мисс Плендерлейт, простите. — Маккиннон поднялся, рассеянно стряхнул с брюк приставшие кусочки солонины и повернулся к Николсону. — Самолет на подходе, сэр. Девяносто градусов по правому борту, уже довольно близко.

С прищуром смерив его взглядом, старпом по-

смотрел на запад. Самолет он увидел почти сразу же, не далее чем в двух милях, на высоте около двух тысяч футов. Уолтерс, дозорный на носу, его не заметил, что, впрочем, было вполне объяснимо: летательный аппарат приближался к ним прямо от солнца. По-видимому, чувствительный слух Маккиннона уловил отдаленный гул авиационного двигателя, хотя Николсон не понимал, каким образом боцману удалось расслышать посторонний звук на фоне безостановочной болтовни мисс Плендерлейт и размеренного тарахтения шлюпочного мотора. Сам он даже сейчас не слышал никакого шума.

Вернувшись под навес, старпом взглянул на капитана. Тот лежал на боку, погруженный либо в сон, либо в кому. Времени на выяснение не оставалось.

— Боцман, снимите парус! — принялся отдавать распоряжения Николсон. — Гордон, помогите ему. Поживее! Четвертый помощник!

— Сэр? — Несмотря на бледность, Ваньер выглядел вполне оправившимся и явно жаждал подключиться к общему делу.

— Оружие. По стволу себе, бригадному генералу, боцману, ван Эффену, Уолтерсу и мне. — Старпом повернулся к Фарнхолму. — Сэр, у нас есть

автоматический карабин. Знаете, как с ним обращаться?

— А как же!

В бледно-голубых глазах Фарнхолма заплясал огонек, и он потянулся за оружием, одним натренированным движением руки взвел затвор и взял карабин на изготовку. На приближающийся самолет он смотрел почти с надеждой, точно старый ратный конь, с наслаждением вдыхающий запах битвы. При всей напряженности момента Николсон не мог не подивиться произошедшей с Фарнхолмом полнейшей перемене после атаки на танкер: человек, с благодарностью бросившийся укрываться на камбузе, как будто никогда и не существовал. Это казалось невозможным, но именно так все и выглядело, и где-то в глубине сознания у старпома шевельнулось смутное подозрение, что бригадный генерал, пожалуй, слишком уж последователен в этих своих нестыковках, что в основе его загадочного поведения лежит продуманная, но искусно скрываемая система. Однако это было всего лишь подозрение, Николсон не находил в нем смысла, и, возможно, в странном двойственном образе действий Фарнхолма ему мерещилось то, чего попросту не существовало. Однако сейчас было не до поисков

объяснения, каким бы оно ни было.

— Пока опустите оружие, — приказал Николсон. — Все. И без надобности не размахивайте им. Остальные — распластайтесь на досках, пригнитесь как можно ниже.

Раздался негодующий рев Питера, когда медсестра уложила его рядом с собой, и старпом заставил себя выкинуть из головы все мысли о мальчике. Самолет — странного вида гидроплан, подобных которому он прежде никогда не встречал, — все так же летел прямо к шлюпке и уже находился в полумиле от нее. Постоянно снижаясь, самолет приближался очень медленно, ведь подобные летательные аппараты производятся не ради скорости.

Гидроплан накренился, заходя на круг над лодкой, и Николсон принялся изучать его в бинокль. Поблескивая эмблемой восходящего солнца на фюзеляже, самолет повернул сначала на юг, затем на восток. Неуклюжий, нескладный аппарат, достаточно хороший для тихоходной разведки, и только. А потом Николсон вспомнил тройку «зеро», безразлично круживших во время эвакуации с горящей «Виромы», и пришел к уверенному заключению.

— Можете убрать оружие, — спокойно сказал

он. — А вы поднимайтесь и садитесь. Этот экземпляр не по нашу душу явился. У японцев уйма бомбардировщиков и истребителей, чтобы аккуратно и быстро расправиться с нами. Хотели бы прикончить — не послали бы такое старье, у которого больше шансов быть сбитым нами. Нет, уничтожение поручили бы настоящим боевым машинам.

— А вот я так не думаю! — Кровь у Фарнхорна так и кипела, и он не спешил отказываться от идеи поймать японский самолет в прицел карабина. — Ни капли не верю этим прощелыгам!

— Им никто не верит, — махнул рукой старпом. — Просто я сомневаюсь, что этот парень вооружен чем-то серьезнее пулемета.

Гидроплан продолжал кружить над шлюпкой, благоразумно держась на безопасном расстоянии.

— Что-то мне подсказывает, что мы им нужны, но нужны живыми, бог знает зачем. И этот самолет, образно выражаясь, пасет нас. — Николсон провел на Дальнем Востоке слишком много лет, чтобы не слышать во всех омерзительных подробностях о зверствах и первобытном живодерстве японцев в ходе их войны с Китаем, и потому знал, что для обычных граждан страны, воюющей с

Японией, смерть по сравнению с пленом будет желанным концом. — Почему мы так важны для них, даже гадать не стану. Давайте просто поблагодарим судьбу и поживем еще немного.

— Я согласен со старшим помощником. — Ван Эффен спрятал свою винтовку. — Этот самолет, он… как же это слово… надзирает за нами. Он не тронет нас, бригадный генерал, не беспокойтесь.

— Может, не тронет, а может, и тронет. — Фарнхолм все же предпочел держать карабин в пределах досягаемости. — Но ведь ничто не мешает мне пальнуть в него. Черт побери, как-никак он же наш враг! — Старик тяжело дышал. — Достаточно одной пули ему в двигатель…

— Вы не сделаете ничего подобного, Фостер Фарнхолм! — Голос мисс Плендерлейт прозвучал холодно, резко и властно. — Вы ведете себя как идиот, как безответственный ребенок! Немедленно уберите ружье! — Под ее испепеляющим взглядом и язвительными замечаниями бригадный генерал сник прямо на глазах. — Зачем ворошить осиное гнездо? Ну выстрелите вы в него — так глазом моргнуть не успеете, как он разозлится и перебьет половину из нас. И нет никакой гарантии, знаете ли, что вы окажетесь в уцелевшей половине.

Николсон изо всех сил старался не рассмеяться. Он понятия не имел, когда закончится их плавание, но, пока оно продолжалось, ярая неприязнь между Фарнхолмом и мисс Плендерлейт обещала не оставить их без развлечения: за все время эти двое не обменялись ни единым вежливым словом.

— Послушайте, Констанция… — наполовину воинственно, наполовину примирительно заговорил Фарнхолм. — Вы не имеете никакого права…

— Никакая я вам не Констанция! — последовал ушат ледяной воды от дамы. — Просто уберите свое ружье. Никто из нас не жаждет, чтобы его принесли в жертву на алтарь вашей запоздалой отваги и неуместной воинственности.

Она смерила оппонента холодным немигающим взглядом и демонстративно отвернулась. Тема была закрыта, Фарнхолм разгромлен в пух и прах.

— Вы и бригадный генерал… — осмелился спросить Николсон, — вы уже были знакомы?

Мисс Плендерлейт немедленно перевела на него ледяной взгляд, и старпом испугался, что позволил себе лишнего, однако почтенная леди поджала губы и кивнула:

— Довольно долгое время. По мне, так слишком долгое. У него был собственный полк в Сингапуре, еще за многие годы до войны, вот только я сомневаюсь, что там его вообще когда-нибудь видели. Он практически жил в Бенгальском клубе. Пьянствовал, разумеется. Без продыху!

— Бог мой, мадам! — вскричал бригадный генерал, гневно нахмурив седые косматые брови. — Да будь вы мужчиной…

— Ох, замолчите! — устало перебила его мисс Плендерлейт. — Когда вы слишком часто повторяетесь, Фостер, становится совсем тошно.

Фарнхолм сердито пробурчал что-то себе под нос, но тут внимание остальных внезапно переключилось на незваного гостя в небе. Гул его двигателей усилился, и на какое-то мгновение Николсон даже решил, что гидроплан все-таки устремился в атаку, однако потом стало очевидно, что маневр имел противоположную цель — расширить круг облета. Пилот действительно усилил тягу, но для подъема: продолжая кружить вокруг двух шлюпок, самолет неуклонно, хотя и тяжело набирал высоту. Примерно в пяти тысячах футов над уровнем моря он наконец принял горизонтальное положение, а описываемые им круги стали совсем огромными, от четырех до

пяти миль в диаметре.

— Как вы думаете, для чего он это делает? — Голос Файндхорна звучал гораздо сильнее и отчетливее, нежели за все время после ранения. — Очень любопытно, не правда ли, мистер Николсон?

Старпом улыбнулся ему:

— Я думал, вы спите, сэр. Как вы себя чувствуете?

— Чувствую голод и жажду. Ах, спасибо, мисс Плендерлейт. — Капитан потянулся за чашкой, поморщился от вызванной этим движением острой боли и снова взглянул на Николсона. — Вы не ответили на мой вопрос.

— Прошу прощения, сэр. Трудно сказать. Подозреваю, зазывает каких-то своих дружков поглазеть на нас, вот и поднялся, чтобы служить маркером. Но это лишь догадка, разумеется.

— Ваши догадки имеют досадное обыкновение быть чертовски точными.

С этими словами Файндхорн умолк и впился зубами в бутерброд с солониной.

Прошло полчаса, а гидроплан-разведчик все так же кружил над продвигающимися шлюпками. Его маневры действовали на нервы, у людей начинали ныть шеи от продолжительного на-

блюдения за ним, однако теперь ни у кого не вызывало сомнений, что напрямую самолет им угрозы не представляет.

Миновало еще полчаса, и багряное солнце стремительно и практически вертикально заскользило к краю зеркально-гладкого моря, постепенно затемняющегося в направлении зыбкого горизонта на востоке, на западе же простирающегося во все стороны от заходящего светила неподвижной гигантской пунцовой равниной. Зеркальная гладь алых вод нарушалась парой крохотных островков, которые в горизонтальных лучах солнца вырисовывались черными крапинками, да еще слева, прямо по курсу шлюпки, милях в четырех к юго-юго-западу над безмятежной поверхностью моря едва заметно выдавался низинный остров покрупнее.

Вскоре после появления этого последнего острова в поле зрения гидроплан перестал кружить и начал затяжное пологое снижение к востоку. Ваньер с надеждой взглянул на Николсона:

— Конец смены сторожевой собаки, сэр? Наверное, двинулся домой на ночлег.

— Боюсь, что нет, четвертый помощник. — Николсон кивнул вслед удаляющемуся самолету. — В том направлении лишь сотни миль открытого

моря, а затем Борнео, и дом нашего приятеля уж точно не там. Сто к одному, что он заметил приятеля. — Он повернулся к капитану. — Как вы считаете, сэр?

— Вы наверняка опять правы, черт бы вас побрал. — Улыбка Файндхорна, лишившая слова какого бы то ни было оскорбительного смысла, в следующее мгновение угасла, а его лицо помрачнело, стоило гидроплану на высоте около тысячи футов выровняться и снова начать кружить. — Да, вы совершенно правы, мистер Николсон, — тихо добавил капитан и, явно испытывая сильнейшую боль, повернулся и посмотрел вперед по курсу. — Как далеко, по-вашему, этот остров?

— Две с половиной мили, сэр. Может, три.

— Скорее, три. — Файндхорн перехватил взгляд Уиллоби и кивнул на двигатель. — Второй механик, можете выжать из этой вашей швейной машинки побольше оборотов?

— Смогу добавить узел, сэр, если повезет. — Уиллоби положил руку на трос, тянущийся к шлюпке Сирана. — Два, если обрежу это.

— Не искушайте меня, второй механик. Выжимайте сколько можно, хорошо?

Файндхорн мотнул головой Николсону, и тот передал румпель Ваньеру и перебрался на место

рядом с капитаном.

— Какие у вас предположения, Джонни? — прошептал Файндхорн.

— Что вы имеете в виду, сэр? Какой тип корабля или что произойдет?

— И то и другое.

— Насчет первого остается только гадать: эсминец, торпедный катер, рыбацкая лодка, да что угодно. Насчет второго… Что ж, теперь-то ясно, что им нужны мы, а не наша кровь. — Старпом скривился. — Кровь пустят попозже. Пока же возьмут в плен, потом последуют старые добрые забавы: пытка растущим бамбуком, вырывание ногтей и зубов, утопление, силосные ямы и прочие их изощрения.

Рот Николсона казался белой раной на его лице, а глаза не отрывались от кормового сиденья, где мисс Драхман играла с Питером. Они весело смеялись, девушка словно позабыла про все тревоги. Капитан проследил за взглядом помощника и кивнул:

— Да, Джонни, мне тоже больно. Больно смотреть на них. Они хорошо подходят друг другу. — Он задумчиво потер заросший седой щетиной подбородок. — «Полупрозрачный янтарь», как один писатель где-то выразился о цвете лица

своей героини. Вот же дурак, подумал я тогда. А теперь хотел бы как-нибудь лично принести ему извинения. Просто невероятно, а? — Капитан усмехнулся. — Только представьте себе, какая пробка образуется на Пикадилли, если привести ее туда.

Николсон улыбнулся в ответ:

— Это всего лишь закат, сэр. И ваши воспаленные глаза. — Он был признателен капитану за то, что тот намеренно отвлек его от размышлений, но, вспомнив о реальности, Николсон снова стал серьезным. — Этот ужасный шрам. Наши желтые собратья. Полагаю, им за это воздастся.

Файндхорн неторопливо кивнул:

— Пожалуй, нам следует оттянуть наше пленение. Пускай тиски для пальцев поржавеют подольше. Весьма заманчивая идея, Джонни. — Помолчав, он спокойно добавил: — Кажется, я что-то вижу.

Николсон тут же прильнул к биноклю. В следующее мгновение он различил на горизонте надстройку корабля, поблескивающую в золотистых лучах заходящего солнца. Старпом опустил бинокль, протер глаза и снова принялся изучать неизвестное плавсредство. Через несколько секунд, нисколько не изменившись в лице, он

молча протянул бинокль капитану. Понаблюдав какое-то время, тот вернул прибор Николсону.

— Похоже, удача не желает от нас отворачиваться. Скажите остальным, будьте так добры. Пытаться перекричать этот чертов двигатель — все равно что раздирать горло рыболовными крючками.

Старпом кивнул и повернулся к людям в шлюпке:

— Прошу прощения, но… хм, боюсь, у нас новые неприятности. Это японская подлодка, и она настигает нас, как будто мы стоим на месте. Появись она пятнадцатью минутами позже, мы наверняка успели бы добраться до того острова. — Он кивнул вперед. — К сожалению, они нагонят нас, не пройдем мы и половины пути.

— Как по-вашему, что нас ожидает, мистер Николсон? — Голос мисс Плендерлейт был спокоен, если не сказать равнодушен.

— Капитан Файндхорн полагает — и я с ним полностью согласен, — что японцы, скорее всего, попытаются захватить нас в плен. — Старпом сухо усмехнулся. — И сейчас я могу сказать только, мисс Плендерлейт, что мы постараемся помешать им осуществить их замысел. Хотя это будет нелегко.

— Скорее, невозможно, — холодно отозвался со своего места на носу ван Эффен. — Это ведь подводная лодка. Куда нам с нашими хлопушками против их герметичного корпуса! Пули будут просто отскакивать от него.

— И вы предлагаете нам сдаться? — Николсон не мог отказать голландцу в логике и знал о его бесстрашии, но все же был слегка разочарован.

— Ну не совершать же откровенное самоубийство! А именно это вы и предлагаете. — Для пущей выразительности ван Эффен стукнул кулаком по кромке борта. — Ведь потом может подвернуться шанс сбежать!

— Вы явно не знаете японцев, — устало произнес старпом. — Сейчас у нас не просто самая лучшая возможность — это наша последняя возможность.

— А я утверждаю, что вы несете чушь! — Лицо голландца выражало неприкрытую враждебность. — Давайте проголосуем, мистер Николсон. — Он оглядел людей в шлюпке. — Кто из вас за то, чтобы…

— Замолчите! Что вы как маленький, ей-богу! — грубо перебил его старпом. — Вы не на политическом митинге, ван Эффен! Вы на борту корабля Британского торгового флота, и такие

суда управляются не всякими комитетами, а властью одного-единственного человека — капитана. Капитан Файндхорн объявляет, что мы окажем сопротивление, — и все на этом!

— Капитан тверд в своем решении?

— Абсолютно.

— Приношу свои извинения. — Ван Эффен поклонился. — Подчиняюсь власти капитана.

— Благодарю.

С каким-то смутным чувством Николсон посмотрел на подводную лодку. Она уже отчетливо различалась, вплоть до крупных элементов, и находилась меньше чем в миле от шлюпок. Гидроплан по-прежнему кружил над ними. Старпом поднял на него хмурый взгляд.

— Свалил бы этот чертов шпион домой, — пробормотал он.

— Он действительно несколько осложняет дело, — согласился Файндхорн. — Время на исходе, Джонни. Они нагонят нас через пять минут.

Николсон рассеянно кивнул:

— Мы ведь уже встречали подлодку такого типа, сэр?

— Пожалуй, что и встречали, — медленно проговорил капитан.

— Да, встречали, — более уверенно повторил

старпом. — Легкое зенитное орудие на корме, пулемет на мостике и тяжелое орудие на носу, калибра то ли три и семь десятых дюйма, то ли четыре, точно не помню. Если они хотят взять нас на борт, нам придется подойти непосредственно к корпусу и встать, полагаю, под боевой рубкой. Ни одно из орудий так низко не опускается. — Он закусил губу и уставился вперед. — Через двадцать минут будет совсем темно, а когда они нагонят нас, до острова останется не более полумили. Есть шанс, чертовски маленький, но все же… — Николсон снова поднял бинокль и, осмотрев подводную лодку, покачал головой. — Да, кажется, я вспомнил. Эта четырехдюймовая пушка, или какой там у нее калибр, оснащена большим бронированным щитом для расчета. Скорее всего, на петлях, откидным. — Он умолк и задумчиво побарабанил пальцами по краю планшира. Затем отрешенно посмотрел на капитана. — Несколько осложняет дело, как считаете, сэр?

— Я не понимаю вас, Джонни. — Голос Файндхорна снова зазвучал устало. — Боюсь, моя голова сейчас не в лучшей форме для догадок. Если у вас есть хоть какая-то идея…

— Есть. Безумная, но может сработать.

Николсон быстро объяснил свою задумку, после

чего подозвал Ваньера, который передал румпель боцману и перебрался к начальству.

— Вы ведь не курите, четвертый помощник?

— Не курю, сэр, — воззрился тот на Николсона, как на сумасшедшего.

— Сегодня вечером начнете. — Старпом извлек из кармана плоскую жестяную коробку сигарет «Бэнсон энд Хеджес» и коробок спичек, вручил их Ваньеру и наскоро проинструктировал его. — Прямо на носу, за ван Эффеном. Не забудьте, все зависит от вас. Бригадный генерал, на минутку, будьте так добры!

Фарнхолм удивленно поднял голову, с трудом перелез через скамьи и уселся рядом с ним. Несколько мгновений Николсон внимательно смотрел на него, а затем со всей серьезностью спросил:

— Вы действительно умеете обращаться с автоматическим карабином?

— Бог мой, ну конечно! — фыркнул тот. — Да я практически изобрел эту чертову штуку!

— Насколько метко вы стреляете? — невозмутимо продолжил старпом.

— Бисли, — кратко ответил Фарнхолм, имея в виду Национальный стрелковый центр Великобритании. — Чемпион. Как-то так, мистер

Николсон.

Старпом изумленно вскинул брови:

— Бисли?

— Королевский стрелок, — спокойно продолжил бригадный генерал в тон своему собеседнику, вновь выйдя из привычного образа. — Бросьте пустую банку за борт, и, когда отойдем футов на сто, я вам продемонстрирую. Сделаю из нее сито за две секунды. — Отсутствие и тени хвастовства в его словах, несомненно, придавало им убедительности.

— Никаких демонстраций, — поспешно возразил Николсон, — это последнее, что нам нужно. Ведь наши японские друзья думают, будто у нас даже хлопушек нет. Вот что я хочу, чтобы вы сделали…

Его наставления были быстрыми и краткими, и точно такие же последовали затем для остальных сидящих в шлюпке. Времени разъяснять подробно и убеждаться, что его правильно поняли, уже не оставалось — враг практически настиг их.

Небо на западе пока еще жило, сверкая калейдоскопом красного, оранжевого и желтого цветов и заливая огнем рваные облака на горизонте, однако солнце уже зашло, восток посерел, а на море стремительно опускалась тьма тропиче-

ской ночи. К кормовой части шлюпки под углом приближалась подводная лодка, зловещая, черная и угрожающая в сгущающихся сумерках, с фосфоресцирующей белизной по обе стороны носа, разрывающей зеркальную гладь моря. Рокот ее дизельных двигателей стих до приглушенного урчания, злобный темный зев переднего тяжелого орудия опустился и медленно начал поворачиваться в направлении кормы, по мере того как японцы подстраивались под скорость маленькой лодки, фут за безжалостным футом. А затем из боевой рубки раздался какой-то отрывистый невразумительный приказ. Повинуясь жесту Николсона, Маккиннон заглушил мотор, и металлический корпус вражеского корабля пронзительно заскрежетал о бортик шлюпки.

Старпом задрал голову и быстро оглядел палубу и боевую рубку подлодки. Носовое орудие было направлено на людей в шлюпке, однако, как он и предполагал, поверх их голов, поскольку наклон ствола достиг предельного положения. Легкую зенитку на корме тоже навели на них, и на этот раз под прицел попал самый центр шлюпки. Николсон понял, что здесь он просчитался, и все же у них могло получиться. В рубке находилось три человека, из них вооружены были двое — офицер

с пистолетом и матрос с чем-то вроде пистолета-пулемета. Также у подножия надстройки стояли пять-шесть матросов, из них с оружием был только один. В качестве комитета по организации торжественной встречи все выглядело устрашающе, однако старпом настраивался на отряд побольше. Разрабатывая план, он опасался, что резкий разворот шлюпки влево — маневр с целью оказаться под левым бортом подлодки, чтобы укрыться в надвигающемся с востока сумраке, а японцев выставить силуэтами на фоне закатного послесвечения, — немедленно вызовет подозрения, но подводники, по-видимому, расценили осуществленную в последний момент смену курса просто как отчаянную попытку бегства, панического и бессмысленного. Спасательная шлюпка совершенно не представляла собой угрозы, и капитан субмарины наверняка уже решил, что чересчур перестарался с мерами предосторожности против того жалкого сопротивления, которого можно было бы ожидать от кучки гражданских.

Все три плавсредства продолжали двигаться вперед на скорости около двух узлов, и с палубы подлодки на нос первой шлюпки бросили трос. Ваньер машинально схватил его конец и вопро-

сительно посмотрел на Николсона.

— Почему бы и не пришвартоваться, четвертый помощник, — с обреченностью и горечью в голосе отозвался тот. — Что проку в кулаках да парочке складных ножей против такой махины?

— Благоразумно, очень благоразумно, — самодовольно прокомментировал на хорошем английском офицер, нагнувшийся к ним из рубки. Руки его были скрещены на груди, причем в правой он держал пистолет. На темном пятне лица белели обнаженные в усмешке зубы. — Сопротивление никому из нас не доставило бы удовольствия, не так ли?

— Да пошел ты! — буркнул старпом.

— Какая неучтивость! Впрочем, чего еще можно ожидать от англосаксов. — Офицер сокрушенно покачал головой, от души забавляясь. Внезапно он выпрямился, направил на Николсона пистолет и рявкнул: — Только без глупостей!

Старпом, потянувшийся было к предложенной Уиллоби пачке, медленно продолжил свое движение, демонстрируя намерение не делать глупостей, медленно достал сигарету, так же неторопливо чиркнул спичкой, прикурил сам и поднес огонек второму механику, а затем щелчком отправил спичку за борт.

— А! Ну конечно! — Японец издал презрительный смешок. — Хладнокровный англичанин! Даже если у него стучат зубы от страха, он обязан поддерживать свою репутацию, особенно перед лицом команды. И еще один!

На носу шлюпки зажженная спичка осветила лицо Ваньера, склонившегося прикурить.

— Клянусь богами, трогательно, очень трогательно! — Внезапно тон японца переменился. — Хватит этого… этих глупостей! Живо на борт, все! — Офицер указал дулом пистолета на Николсона. — Ты первый!

Тот поднялся и оперся рукой о корпус подлодки, другую прижимая к боку.

— Как вы собираетесь с нами поступить, черт вас побери? — громко, на грани крика, заговорил он, и искусственная дрожь в его голосе звучала весьма убедительно. — Убить? Замучить? Увезти нас в ваши чертовы концлагеря в Японии?

Николсон разошелся не на шутку, продолжая старательно изображать гнев и страх: спичка Ваньера вовсе не отправилась за борт, и шипение с носа шлюпки раздавалось громче, чем он ожидал.

— Почему, во имя всего святого, вам не расстрелять нас прямо сейчас, вместо того чтобы…

С ошеломляющей внезапностью шипение на носу шлюпки усилилось до пронзительного рева, и над палубой подлодки, немного отклоняясь от вертикали, в темнеющее небо взметнулись две струи искр, дыма и пламени, которые на высоте около тысячи футов расцвели двумя сверкающими огненными шарами, когда обе парашютные сигнальные ракеты вспыхнули практически в одно и то же мгновение. Нужно быть чем-то большим, чем человек, чтобы сдержать невольный порыв взглянуть на разрывающиеся в небе ракеты, а экипаж японской субмарины, несомненно, состоял из людей. Все как один, словно марионетки под управлением кукольника, они обернулись посмотреть, и все как один так и умерли, отвернувшись от шлюпки на полкорпуса и задрав головы к небу.

Стих грохот автоматических карабинов, винтовок и пистолетов, и, пока по зеркальной глади моря в далекую тишину убегало раскатистое эхо, Николсон прокричал, чтобы все легли на дно шлюпки. Не успел он закончить, как по наклонной палубе подлодки скатились два убитых матроса и врезались в корму лодки. Один из трупов едва не припечатал старпома к планширу, а другой, размахивая безжизненными руками

и ногами, полетел прямо на маленького Питера и двух медсестер, однако Маккиннон оказался быстрее. Два звучных всплеска раздались почти одновременно.

Прошла секунда, вторая, третья. Стоя на коленях со сжатыми кулаками, Николсон смотрел вверх, напряженно выжидая. Наконец он расслышал шарканье ног и приглушенную торопливую речь за щитом тяжелого орудия. Миновала еще одна секунда, потом еще. Николсон быстро окинул взглядом палубу подлодки: вдруг остался кто-то живой, вдруг кто-то жаждет триумфально умереть за своего императора, — насчет фанатичной отваги японцев он не питал иллюзий. Но все было тихо, тихо как в могиле. На ограждении мостика подлодки устало висел офицер, мертвой хваткой сжимая в болтающейся руке пистолет, — его уложил Николсон, как и двоих других, которые рухнули внутрь рубки. У подножия рубки гротескной кучей лежали четыре бесформенные фигуры. Два матроса, стоявшие за легкой зениткой, исчезли бесследно: пулями из карабина Фарнхолма их отшвырнуло в море по другую сторону субмарины.

Напряжение становилось невыносимым. Носовое орудие не могло опустить ствол ниже, чтобы

взять на прицел шлюпку, однако Николсон смутно припомнил рассказы военных моряков о том, как людям отрывало головы просто пролетавшими над ними снарядами. Кто знает, может, из-за ударной волны смертельно опасно находиться непосредственно под выстрелом. Внезапно он тихонько чертыхнулся, проклиная себя за глупость, и быстро повернулся к Маккиннону:

— Боцман, запускай мотор. И задний ход, как можно быстрее. Рубка закроет нас от этой пушки, если мы…

Его слова затерялись, сгинули в грохоте выстрелившего орудия. Точнее, не в грохоте, а в глухом мощном хлопке, неистово ударившем по барабанным перепонкам и едва ли не парализовавшем людей. Из зева ствола остервенело вырвался длинный красный язык пламени, лишь немного не достигший самой шлюпки. Снаряд врезался в море, взметнув сноп мелких брызг и выбросив столб воды высотой в пятнадцать футов. А когда шум стих и дым рассеялся, Николсон неистово помотал головой, чтобы прояснить мысли, и увидел, что в шлюпке все живы, а японцы лихорадочно перезаряжают орудие. Он понял, что время настало.

— Внимание, бригадный генерал!

Услышав его, Фарнхолм начал тяжело подниматься на ноги.

— По моей команде!

И тут на носу шлюпки грохнул винтовочный выстрел. Старпом бросил туда быстрый взгляд.

— Черт, промазал! — выругался ван Эффен. — Только что из-за рубки выглянул офицер!

— Следите за ним! — приказал ему Николсон.

Маленький Питер плакал, напуганный до смерти пушечным выстрелом. Лицо малыша исказилось от ужаса, когда старпом прокричал Ваньеру:

— Четвертый помощник! Сигнальный набор! Бросьте пару красных фальшфейеров в надстройку, чтобы их отвлечь.

Все это время он продолжал прислушиваться к возне орудийного расчета.

— Всем внимание! Глаз не спускать с рубки и люков на носу и корме!

Прошло еще секунд пять, и Николсон наконец услышал звук, которого дожидался, — лязг снаряда в казеннике и стук захлопнутого затвора.

— Огонь! — скомандовал он Фарнхолму.

Бригадный генерал даже не удосужился поднять карабин к плечу, а так и выстрелил, держа оружие прикладом под мышкой и, похоже, не

целясь. Ему и не надо было: стрелком он оказался даже более отменным, чем похвалялся. Фарнхолм выпустил пуль пять, не больше, направив их в ствол тяжелого орудия, и камнем рухнул на дно шлюпки, как раз когда последняя пуля врезалась в головной ударный взрыватель снаряда и вызвала детонацию. Довольно сильный по звуку и ударной волне на столь малом удалении, взрыв снаряда в казенной части все же прозвучал на удивление приглушенно, хотя результат оказался весьма зрелищным. Тяжелое орудие целиком оторвалось от основания, и в разные стороны полетели искореженные куски металла, с жутким бряцанием ударяясь о рубку и со свистом рассекая воздух над морем. На краткий момент вокруг подлодки возникло неровное кольцо мощных всплесков. Орудийный расчет, скорее всего, даже не успел ничего понять перед смертью — как-никак на расстоянии вытянутой руки перед ними взорвалось количество тротила, достаточное для уничтожения целого моста.

— Благодарю вас, бригадный генерал. — Николсон снова поднялся на ноги и постарался придать голосу твердость. — Примите мои извинения за все, что я когда-либо говорил в ваш адрес. Полный вперед, боцман.

Два брызжущих багряными искрами фальшфейера устремились вверх по дуге и благополучно приземлились в рубке субмарины, расцветая за чернеющим комингсом алым заревом.

— Прекрасная работа, четвертый помощник. Сегодня вы спасли положение.

— Мистер Николсон…

— Сэр? — Старпом опустил взгляд на капитана.

— Не будет ли лучше немного здесь задержаться? Из люков и рубки пока никто не посмеет высунуться. А через десять-пятнадцать минут совсем стемнеет, и по пути до острова эти паршивцы не станут палить нам в спину почем зря.

— Боюсь, лучше не выйдет, сэр, — извиняющимся тоном отозвался Николсон. — Сейчас моряки, находящиеся внутри, оглушены и шокированы, но совсем скоро кто-то начнет соображать, и тогда на нас обрушится град ручных гранат. Японцам даже носа высовывать не понадобится, чтобы забросать шлюпку. А для шлюпки хватит и одной гранаты.

— Конечно-конечно. — Файндхорн устало опустился на скамью. — Продолжайте, мистер Николсон.

Старпом взялся за румпель, круто развернул обе шлюпки на сто восемьдесят градусов и начал

огибать вытянутую, смахивающую на рыбий хвост корму подлодки, в то время как четверо человек с оружием в руках зорко следили за ее палубой. За мостиком субмарины шлюпки немного замедлились, и Фарнхолм одной точной очередью разбил чувствительный ударный механизм зенитки. Капитан с пониманием кивнул:

— Теперь они остались без осадных орудий. Вы все продумали, мистер Николсон.

— Надеюсь, сэр. — Старпом покачал головой. — Дай-то бог, чтобы действительно все.

Остров находился примерно в полумиле от подлодки. На последней четверти пути старпом остановился, достал один из двух сигнальных буев фирмы «Вессекс», которыми обязательно снабжаются спасательные шлюпки, сорвал с него верхний диск-пломбу и, выдернув отжимную вилку, воспламенил смесь, после чего немедленно бросил устройство подальше в море, за шлюпку Сирана. Едва лишь упав в воду, буй начал испускать густой оранжевый дым, который в безветренных сумерках практически неподвижно повис в воздухе, образовав непроницаемый заслон от врага. Спустя минуту-другую со стороны субмарины полетели пули: рассекая цветное облако, они свистели над головами людей в

шлюпках, плюхались неподалеку в воду, однако ни одна не причинила вреда: японцы в слепой ярости палили наобум. Через четыре минуты после первого буя, к тому времени почти полностью выдохшегося, за борт бросили второй. Когда же выгорел и он, обе шлюпки уже достигли берега, и люди благополучно высадились на остров.

Глава 9

Клочок суши едва ли заслуживал названия острова. Островок, не более. Овальный по форме, он тянулся почти строго по линии восток-запад ярдов триста, ширина же его составляла около ста пятидесяти ярдов. Геометрически овал был не идеальным: примерно в ста ярдах от его вершины море прорезало по обеим сторонам глубокие заливы, практически друг против друга, так что суша оказалась чуть ли не рассеченной пополам. Предусмотрительно обогнув остров перед высадкой, они остановились в южной бухточке, вытащили шлюпки на отмель и пришвартовали их к валунам.

Узкая оконечность островка к востоку от бухт была низменной, каменистой и пустынной, в западной же части имелась кое-какая растительность — кустарники да чахлая трава аланг-аланг, — и местность здесь представляла собой продолговатый холм футов пятидесяти высотой. Посередине южного склона возвышенности некогда образовалась небольшая впадина, всего лишь неглубокий уступ, и именно туда старпом

направил пассажиров сразу после высадки. Капитана и капрала Фрейзера пришлось нести, но расстояние было столь незначительным, что уже через десять минут после прибытия вся группа укрылась в ложбине вместе с припасами воды и провизии и всем переносным снаряжением, включая весла и носилки.

С заходом солнца поднялся легкий ветерок, и с северо-востока неспешно надвинулись облака, затянув появившиеся звезды, однако пока еще было довольно светло, и Николсон воспользовался биноклем. Он изучал море почти две минуты, затем отложил прибор и потер глаза. Даже не оглядываясь, он знал, что все с тревогой смотрят на него, — все, за исключением малыша, который уже заснул, закутанный в одеяло.

— Ну? — нарушил общее молчание Файндхорн.

— Они обходят западную оконечность острова, сэр. Держатся близко к берегу.

— Что-то я их не слышу.

— Похоже, идут на аккумуляторах. Хотя непонятно, с какой целью. Если они нас не видят, это не значит, что и мы их не видим. Пока не так уж и темно.

Ван Эффен прочистил горло и поинтересо-

вался:

— Как вы думаете, мистер Николсон, что они предпримут теперь?

— Понятия не имею. Боюсь, только японцы и могут ответить на ваш вопрос. Останься у них в строю хотя бы одно орудие, они бы нас за пару минут вымели отсюда. — Старпом указал на невысокий вал, окаймляющий ложбину с юга и едва различимый в сумерках даже с шести футов. — Если повезет, этот выступ защитит нас от винтовочных пуль.

— А если не повезет?

— Если не повезет, успеем побеспокоиться, когда настанет время, — коротко ответил Николсон. — Возможно, японцы попробуют высадиться в нескольких местах и окружить нас. Или же пойдут в лобовую атаку. — Он вновь принялся наблюдать в бинокль. — В любом случае они не могут просто вернуться домой и сказать, что оставили нас здесь, — им тогда голов не сносить, причем в буквальном смысле слова. Либо это, либо харакири всей командой.

— Домой они не уйдут, — уверенно заявил капитан Файндхорн. — Слишком много их товарищей погибло.

Уже какое-то время у них за спиной слышался

приглушенный шепот, но теперь голоса стихли, и Сиран осторожно позвал:

— Мистер Николсон?

Тот опустил бинокль и обернулся через плечо:

— Чего тебе?

— Я со своими матросами обсудил кое-что. У нас к вам предложение.

— Ну так обращайся к капитану. Он у нас главный.

Старпом резко отвернулся и снова прильнул к биноклю.

— Как скажете. Дело в следующем, капитан Файндхорн. Совершенно очевидно — прискорбно очевидно, с позволения сказать, — что вы нам не доверяете. Вы заставили нас плыть в другой лодке, и, сдается мне, совсем не по той причине, что мы не принимаем ванну дважды в день. Вы считаете — ошибочно, уверяю вас, — что нас нужно постоянно держать под надзором. Мы для вас тяжелая… хм, обуза, балласт, так сказать. И мы хотели бы, с вашего позволения, избавить вас от этого бремени.

— Ради бога, ближе к делу! — раздраженно бросил Файндхорн.

— Как скажете. Я предлагаю вам отпустить нас, чтобы избавиться от лишних хлопот. Мы предпо-

читаем японский плен.

— Что?! — гневно вскричал ван Эффен. — Ей-богу, сэр, да я бы скорее их всех перестрелял!

— Угомонитесь! — Капитан отмахнулся от него и с любопытством посмотрел на Сирана, но было слишком темно, чтобы разглядеть выражение его лица. — Просто ради интереса, как вы собираетесь сдаться? Спуститесь с холма на берег, и все?

— В общем, да.

— А с чего вы взяли, что японцы не застрелят вас, как только увидят? Или не убьют вас в плену, не станут пытать?

— Не отпускайте их, сэр! — вновь взволнованно вмешался голландец.

— Да не переживайте вы так, — сухо сказал Файндхорн. — У меня и в мыслях не было удовлетворять его нелепую просьбу. Вы остаетесь, Сиран, хотя, бог свидетель, нам и без вас проблем хватает. Пожалуйста, не держите нас за дураков.

— Мистер Николсон! — не спешил сдаваться Сиран. — Уж вы-то могли бы…

— Заткнись! — оборвал его старпом. — Ты слышал, что сказал капитан. Ты и вправду думаешь, будто мы такие наивные и тупоголовые? Ни один из вас не стал бы рисковать своей драгоценной шкурой, будь хоть малейший шанс, что японцы

застрелят вас или начнут пытать. Сто к одному…

— Уверяю вас… — попытался вставить слово опальный капитан.

— Вот только не надо, — вновь осадил его Николсон. — Думаешь, тебе здесь кто-нибудь верит? — с презрением продолжал он. — Разумеется, вы в сговоре с японцами, тем или иным образом. А у нас и без того положение незавидное, чтобы самим себе создавать еще семь лишних противников. — Николсон замолчал, затем задумчиво продолжил: — Жаль, что вы пообещали сохранить этого человека для виселицы, капитан Файндхорн. Сдается мне, что ван Эффен высказал весьма здравую мысль, когда предложил пристрелить их прямо сейчас. Этим мы сильно облегчим себе жизнь. Тем более что позже нам все равно придется так поступить, хотим мы того или нет.

Воцарилось продолжительное молчание, которое в конце концов прервал Файндхорн:

— Ну, Сиран, что ж вы умолкли? Неужто просчитались? Последний промах, а? Благодарите судьбу, капитан Сиран, что мы не бездушные убийцы вроде вас. И не забывайте, ради вашего же блага, что для выполнения только что озвученного предложения сгодится самый незначительный повод.

— А теперь отойдите! — подхватил Николсон. — Да подальше, вон в тот конец. И пожалуй, не помешает проверить содержимое ваших карманов.

— Уже проверили, мистер Николсон, — заверил его капитан. — Мы изъяли у них целый арсенал, когда прошлым вечером вы покинули столовую… Подлодку все еще видно?

— Сейчас она почти точно к югу от нас, сэр. Ярдах в двухстах от берега.

Вдруг он резко опустил бинокль и бросился на дно ложбины: на рубке подводной лодки включили прожектор, и его ослепляющий белый луч заскользил по скалистому берегу острова. Почти сразу же он обнаружил бухточку, где высадились спасшиеся с «Виромы», и, задержавшись на ней на пару секунд, медленно двинулся вверх по склону холма, прямо к укрытию беглецов.

— Бригадный генерал! — выпалил Николсон.

— С удовольствием, — хмыкнул Фарнхолм.

Одним быстрым плавным движением он выкинул вперед карабин, упер его в плечо, прицелился и выстрелил. Это был одиночный выстрел, но его оказалось достаточно: сквозь стихающее эхо грохота донесся отдаленный звон стекла, и белое сияние моментально поблекло до слабого крас-

ного свечения, которое тут же погасло совсем.

— Не хотите задержаться у нас на пару денечков? — усмехнулся Файндхорн. — Вы нам определенно еще понадобитесь… Не очень умно было с их стороны, да, мистер Николсон? Должны были уже понять, на что способен наш стрелок.

— Наоборот, вполне умно, — возразил старпом. — Пошли на сознательный риск, который полностью себя оправдал. Японцы обнаружили наши шлюпки, а по вспышке карабина вычислили наше местонахождение — десантному отряду на выяснение двух этих фактов понадобилось бы какое-то время и несколько жизней. Хотя главной их заботой были шлюпки, а не мы сами. Лишив нас возможности покинуть остров, они смогут неспешно разобраться с нами при свете дня.

— Боюсь, вынужден согласиться с вами, — уныло проговорил Файндхорн. — Значит, теперь они займутся шлюпками. Потопят с подлодки, как полагаете? Здесь мы им помешать не сможем.

— Не с подлодки, — покачал головой Николсон. — В темноте шлюпок не видно, и у них уйдет вся ночь, чтобы изрешетить их беспорядочным огнем — выстрелов сто понадобится, не меньше. Поэтому я бы поставил на десант, который пробьет днища и воздушные ящики лодок или

выведет их в море на буксире или на веслах.

— Но… Но как они доберутся сюда? — спросил Ваньер.

— Вплавь, если понадобится. Но не понадобится: как правило, субмарины снабжены разборными или надувными лодками. А уж для подлодки, которая действует в прибрежных водах и почти наверняка находится в контакте с войсками на десятках различных островов, подобное плавсредство и вовсе обязательно.

Несколько минут все молчали, лишь маленький Питер бормотал во сне, да в дальнем конце ложбины о чем-то перешептывались Сиран и его матросы. Наконец Уиллоби откашлялся, чтобы привлечь к себе внимание, и продекламировал:

— «Ток времен, без колебанья, течет вперед…»[10], ну и так далее. У меня есть идея.

— Осторожнее, Уилли, — улыбнулся в темноте Николсон.

— «Зависть ненавидит всякое превосходство, которого она не может достичь»[11], — надменно произнес второй механик. — Простота моего плана граничит с гениальностью. Давайте уплывем.

---

[10] Notes: 10

П. Б. Шелли. Возмущение Ислама. Перевод К. Бальмонта.

[11] Notes: 11

Высказывание английского поэта Дж. Томпсона.

— И вправду блестяще, — не скрывая насмешки, отозвался старпом. — На обмотанных веслах при свете луны. И как далеко, по-вашему, нам удастся уйти?

— Ну-ну, вы меня недооцениваете! Уиллоби парит в сферах чистой мысли, в то время как наш достойный старший помощник продирается через болото. Разумеется, мы воспользуемся двигателем!

— Ах, ну конечно! Но как же нам убедить наших японских друзей засунуть себе в уши затычки?

— Никак. Дайте мне часок повозиться с выхлопной трубой и дефлекторами, и я гарантирую, что мотор в ста ярдах будет не услышать. Конечно, потеряем в скорости, но немного. А даже если японцы и услышат, вам ли не знать, как трудно ночью в море определить направление по слабому звуку. Свобода зовет, джентльмены. Так не будем же тянуть!

— Уилли, — мягко заговорил Николсон, — у меня для вас новость. При определении направления ночью действительно не стоит полагаться на человеческое ухо, и японцы не станут этого делать. Они воспользуются гидрофонами, которые очень точны и которым совершенно безразлично, заглушаете вы выхлоп или нет: шума винта в

воде им более чем достаточно.

— Черт бы их побрал! — с чувством отозвался второй механик. Помолчав немного, он заговорил вновь: — Но не падайте духом, Уиллоби придумает что-нибудь еще!

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — дружелюбно кивнул старпом. — Не забывайте, что северо-западный муссон продержится только пару следующих месяцев, так что было бы сподручнее, если бы… На землю! Все на землю!

Пули с чавканьем вонзались в землю вокруг, со зловещим воем рикошетили от камней и остервенело свистели над головой: с палубы подлодки на них обрушился настоящий шквал огня. Корабль подошел гораздо ближе к берегу, и, судя по какофонии, японцы стреляли одновременно из десятка стволов различных видов оружия, включая по меньшей мере два пулемета. Кто-то на борту подводной лодки оказался достаточно проворным, чтобы успеть засечь направление по вспышке карабина Фарнхолма: точность огня соответствовала его массированности.

— Кто-нибудь пострадал? Зацепило кого-нибудь?

Тихий, хриплый голос капитана с трудом пробился сквозь грохот выстрелов. Никто не

отреагировал, и Николсон ответил за всех:

— Не думаю, сэр. Я единственный был не в укрытии, когда началась пальба.

— Уже хорошо. Не отвечайте на огонь! — предупредил Файндхорн. — Незачем рисковать головой! — Явно почувствовав облегчение, он понизил голос: — Мистер Николсон, я совершенно озадачен. «Зеро» не тронули нас, когда мы покидали «Вирому», подлодка не пыталась нас потопить, и даже гидроплан не беспокоил нас после того, как мы отметелили его дружков. А теперь они из кожи вон лезут, чтобы перебить нас. Ничего не понимаю.

— Я тоже, — признал старпом и невольно поморщился, когда в двух футах над его головой в землю врезалась пуля. — Но мы не можем просто сидеть и прятаться здесь, сэр. Наверняка это прикрытие вылазки против шлюпок. Другого смысла так палить я не вижу.

Капитан медленно кивнул:

— Что вы хотите предпринять? Боюсь, Джонни, я всего лишь мертвый груз.

— Пока вы не совсем мертвы, — мрачно отозвался Николсон. — Прошу разрешения спуститься к берегу с несколькими людьми. Японский десант нужно остановить.

— Знаю, знаю… Удачи, сынок.

Через несколько секунд, воспользовавшись кратким затишьем в ураганном огне, старпом и еще шесть человек скользнули через выступ и двинулись вниз. Они не прошли и пяти шагов, как Николсон прошептал что-то на ухо Ваньеру, подхватил бригадного генерала под руку, и вдвоем они вернулись к восточному концу ложбины, где залегли и стали вглядываться во тьму. Старпом тихонько проговорил Фарнхолму:

— Помните, играем всерьез.

Он почувствовал, как Фарнхолм кивнул в темноте.

Долго ждать им не пришлось. Через пятнадцать секунд послышалось первое тихое, осторожное шуршание, вслед за которым немедленно прозвучал хриплый оклик капитана Файндхорна. Ответа не последовало, лишь повторилась подозрительная возня, и затем раздался быстрый топот ног. Внезапно щелкнул фонарь Николсона, на мгновение высветивший три бегущие пригнувшись фигуры с поднятыми руками, и тут же раздалась краткая очередь из карабина, после чего донесся глухой звук падения тел. И снова воцарилась тишина, снова все объяла темнота.

— Ну и дурак же я! Совсем о них позабыл. —

Прикрывая стекло фонаря, Николсон прополз вдоль ложбины и вырвал оружие из мертвых рук. На мгновение он осветил свою добычу. — Топорики из шлюпки номер два, сэр. В ближнем бою ими можно натворить дел.

Он направил луч в противоположный конец укрытия. Бывший капитан «Керри дансер» сидел на месте с привычным непроницаемым выражением лица. Николсон знал, что Сиран виновен, виновен как легион чертей, что он послал трех своих людей на кровавое дело, а сам остался отсиживаться в безопасности. Но было ясно, что это непостижимое, непроницаемое лицо не изменится ни на йоту, когда его обладатель станет отрицать, что знал о готовившемся нападении; мертвые не болтают, а все трое предателей были мертвы. Тратить время было незачем.

— Сиран, иди-ка сюда. — Тон Николсона был лишен всякого выражения, как и лицо капитана «Керри дансер». — Остальные не причинят беспокойства, сэр.

Сиран поднялся, сделал несколько шагов вперед и повалился на землю, словно срубленное дерево, когда старпом рукояткой своего флотского кольта нанес ему неистовый удар за ухом. Вложенной силы хватило бы, чтобы раскроить

череп, и, судя по звуку, так и произошло, но Николсон с Фарнхолмом снова устремились вниз, еще прежде чем Сиран упал на землю. Весь эпизод от начала до конца не продлился и тридцати секунд.

Они мчались во весь опор, не разбирая дороги, спотыкаясь и поскальзываясь, восстанавливая равновесие и вновь разгоняясь. Им оставалось тридцать ярдов до берега, когда воздух внезапно огласили беспорядочные выстрелы, крики боли, ругательства, тонкие голоса, вопящие какую-то безумную тарабарщину, и снова выстрелы, за которыми последовали звуки ударов, борьбы и бурных всплесков, свидетельствующие о начавшейся рукопашной. Ярдах в десяти от кромки берега, значительно оторвавшись от Фарнхолма и по-прежнему не сбавляя скорости, Николсон включил фонарь. В высвеченной сумбурной картине яростной стычки на мелководье вокруг шлюпок его взгляд выхватил японского офицера, который замахнулся мечом или штыком, чтоб обезглавить упавшего Маккиннона, и Николсон не раздумывая прыгнул вперед. На лету обхватив рукой офицера за горло, старпом выстрелил ему в спину и только после этого мягко приземлился на ноги. Луч его фонаря снова метнулся по дерю-

щимся людям и на мгновение замер на Уолтерсе и японском матросе, которые перекатывались во взбаламученной воде, поднимая тучи брызг. Здесь Николсон ничем не мог помочь, рискуя застрелить не того, кого надо. Он опять повел фонарем и высветил следующую сцену.

Одна из шлюпок, севшая на мель, лежала почти параллельно берегу. В ярком луче около ее кормы четко различались два японских моряка, стоящие по колено в воде. Один из них наклонился, другой же стоял, выпрямившись в полный рост и отведя правую руку за голову. Опешив от внезапного света, японцы зажмурились и на мгновение замерли в своих позах, невольно изобразив странное па из какого-то кошмарного балета, а затем с поразительной согласованностью сменили свою окаменелую неподвижность на судорожную деятельность. Первый моряк выпрямился, сжимая в правой руке что-то извлеченное из сетчатого мешка на поясе, второй же резко подался вперед, опустив левое плечо и выкинув другую руку в броске. Уже поднимая кольт и напрягая палец на спусковом крючке, Николсон понял, что слишком поздно.

Слишком поздно для него, слишком поздно для японских моряков. На мгновение они вновь

застыли, внезапно остановленные яростным ударом невидимой руки, а потом возобновили движение вперед, но медленно, очень медленно, словно бы нащупывая под собой дно немощными, налившимися свинцом ногами. Фонарь уже погас, и грохот карабина Фарнхолма напоминал о себе лишь эхом, когда оба завалились лицом вниз — один плашмя в воду, а другой сложившись пополам через планшир шлюпки и рухнув на кормовое сиденье. Звук падения последнего затерялся в глухом хлопке и взметнувшемся белом языке от разорвавшейся гранаты, которую он так и не выпустил из руки.

После яркой вспышки стало как будто еще темнее, нежели было до нее. Тьма воцарилась повсюду — на суше, на море и в небе, полнейшая и на какое-то мгновение непроницаемая. Вдали на юго-западе слабо мерцали на ярко-синем небе последние несколько звездочек, но и они исчезали, одна за другой заволакиваемые незримой облачностью, надвигающейся на горизонт. Тьма и полная тишина — не различалось ни звука, ни единого движения.

Старпом рискнул провести перед собой лучом фонаря и тут же его выключил. Все его люди стояли на ногах, враги же перестали быть таковыми,

превратившись в неподвижно лежащих в темноте мертвых человечков. У японцев практически не было шансов: они не ожидали нападения, пребывая в уверенности, что заградительный огонь с подлодки удержит команду «Виромы» в ложбине. Кроме того, они вырисовывались силуэтами на фоне моря, которое ночью неизменно светлее суши. Наконец, их застали врасплох в самый невыгодный момент, когда они выбирались из надувных лодок в воду.

— Кто-нибудь ранен? — негромко спросил Николсон.

— Уолтерс, сэр, — так же тихо отозвался Ваньер. — Боюсь, серьезно.

— Дайте взглянуть.

Двинувшись на голос, старпом прикрыл стекло фонаря и щелкнул выключателем. Четвертый помощник держал левое запястье раненого, почти рассеченное пополам под основанием большого пальца. Несмотря на серьезность увечья, благодаря наложенному жгуту из носового платка кровь из раны текла довольно вяло. Николсон выключил фонарь:

— Нож?

— Штык. — Голос Уолтерса звучал гораздо тверже, нежели у Ваньера. Он пнул носком нечто

бесформенное, неподвижно распростершееся в воде. — Его работа.

— Я так и понял, — усмехнулся старпом. — Беда у вас с запястьем. Что ж, мисс Драхман подлатает. Но, боюсь, пользоваться этой рукой вы сможете не скоро.

А вернее, никогда, с горечью добавил он про себя. Сухожилия рассечены, и лучевой нерв почти наверняка тоже. Паралич в любом случае.

— Все лучше, чем сердце, — бодро отозвался радист. — Без него-то точно не выжить.

— Возвращайтесь как можно быстрее. Остальные идите с ним — и не забудьте назваться. Вдруг капитан решит, что мы проиграли, и воспользуется пистолетом. Боцман, вы остаетесь со мной… — Николсон осекся, встревоженный всплеском рядом со шлюпкой. — Кто здесь?

— Это я, Фарнхолм. Изучаю обстановку, дружище. Их тут десятки, целые десятки!

— О чем вы, черт побери? — нахмурился старпом.

— О гранатах. Полные сумки. Этот парень был ходячим арсеналом!

— Прихватите их, хорошо? Вполне возможно, они нам понадобятся. Попросите кого-нибудь помочь.

Дождавшись, когда все ушли, Николсон и Маккиннон побрели к ближайшей шлюпке. Едва они дошли до нее, как из темноты со стороны моря по ним открыли огонь из двух пулеметов. Белые дорожки трассирующих пуль обрывались неистовыми всплесками и брызгами на отмели, то и дело одна из пуль случайно рикошетила от воды и с тоненьким визгом уносилась во мрак. Пускай и реже, но некоторые все же ударялись с глухим стуком в шлюпки.

Растянувшись за лодкой и подняв над водой только голову, боцман тронул старпома за плечо:

— Ради чего это все, сэр? — В мягком шотландском выговоре угадывалась озадаченность, беспокойство же отсутствовало напрочь.

Николсон усмехнулся в темноте:

— Кто ж его знает, боцман. Скорее всего, десант должен был просигналить, фонарем или как-то еще, что высадка прошла благополучно. Наши приятели на подлодке услышали шум стычки на берегу и теперь лезут на стенку от неопределенности. Даже стрелять начали, а сигнала все нет.

— Раз они так ждут сигнал, почему бы нам его не послать?

Старпом на мгновение уставился на боцмана,

затем тихонько рассмеялся:

— Гениально, Маккиннон, просто гениально! Если они там сходят с ума и если они думают, что их товарищи на берегу в таком же состоянии, то вполне может прокатить любой сигнал.

Так и оказалось. Николсон поднял фонарик над планширом, беспорядочно помигал светом и поспешно опустил руку. Для пулеметчика, изготовившегося стрелять, цель в виде огонька послужила бы ответом на его молитву, однако ничего подобного не случилось. Оба пулемета резко прекратили огонь, и в ночи вновь установились тишина и покой. Суша и море были пустынны и безжизненны, даже размытый силуэт неподвижной субмарины казался лишь тенью, иллюзорной и совершенно нереальной — скорее воображаемой, нежели различимой.

Таиться теперь было не только излишне, но и опасно. Николсон и Маккиннон неспешно поднялись и при свете фонаря осмотрели лодки. Шлюпка номер два, в которой плыли Сиран и его люди, получила пробоины в нескольких местах, но все выше ватерлинии, и, похоже, течь была совсем несущественная. Несколько воздушных ящиков оказались пробиты, однако количество неповрежденных должно было обеспечивать

вполне приемлемый запас прочности.

С номером один, моторной шлюпкой команды «Виромы», ситуация была совершенно иная. Хотя пуль в ее корпус угодило заметно меньше, она уже значительно осела на мелководье, и воды в нее натекло столько, что полностью залило днищевый настил. Вода внутри была сплошь в подтеках и разводах крови из ужасающе изуродованного трупа японского моряка. Тело по-прежнему висело на планшире, и именно под этими неописуемыми человеческими останками Николсон обнаружил причину затопления лодки. Та самая граната, что оторвала японцу руку и большую часть его лица, также пробила сквозную дыру в днище, расщепив восемнадцать дюймов шпунтового пояса обшивки и смежных планок до самого стрингера на правом борту. Старпом медленно выпрямился, взглянул на Маккиннона, слабо освещаемого отраженным от воды светом, и пробормотал:

— Пробоина. Да такая, что через нее пролезть можно. Нам понадобится несколько дней, чтобы ее залатать.

Боцман как будто и не слышал его. Николсон повел лучом фонаря и понял, что Маккиннон смотрит внутрь шлюпки. Наконец боцман глухо

произнес:

— Черт с ней, с пробоиной, сэр. Двигатель разбит. — Помолчав, он тихо добавил: — Генератор, сэр. Похоже, граната прямо под ним и рванула.

— О боже, нет! Генератор? Может, второй механик…

— Боюсь, это уже никто не сможет починить, сэр, — спокойно перебил его боцман. — Никто.

— Понятно, — медленно кивнул старпом, уставившись на искореженный генератор. Внезапно ему стал очевиден весь ужас ситуации. — Тут и чинить-то нечего, верно?

Маккиннон вздрогнул.

— Кто-то ходит по моей могиле, — пожаловался он. Затем покачал головой, не сводя взгляда с мотора, хотя фонарик был уже выключен, и легонько тронул Николсона за плечо: — Знаете что, сэр? Грести до Дарвина очень и очень долго.

Ее звали Гудрун, Гудрун Йоргенсен Драхман. Имя Йоргенсен досталось ей от деда по материнской линии. Датчанка на три четверти, двадцати трех лет от роду, родилась в Оденсе в день окончания Первой мировой войны, 11 ноября 1918 года. Помимо двух кратких посещений Малайи, она жила только в Оденсе, пока не выучилась на медсестру и в августе 1939 года не переехала на

отцовские плантации на Пинанге.

Николсон лежал на скате ложбины, закинув руки за голову, невидяще смотрел на темный балдахин облаков и ждал, когда девушка продолжит. Ждал, когда она начнет сначала, и надеялся, что она начнет сначала. Какую же цитату старый Уиллоби — безнадежный, закоренелый холостяк, каких еще поискать надо, — частенько твердил ему в прошлом? «Милый, тихий голос…» Да, точно. «Король Лир». «У ней был нежный, милый, тихий голос…»[12] Дежурное оправдание Уиллоби, почему он всячески избегает треклятой западни (его собственные слова) священных уз брака, заключалось в том, что он так и не повстречал женщины (это слово второй механик всегда произносил с насмешкой) с нежным, милым, тихим голосом. Но если бы Уиллоби сейчас оказался на месте Николсона — тот пришел сюда проведать мальчика двадцать минут назад, сразу же после отчета капитану, — то он почти наверняка передумал бы.

Прошло две минуты, три, а девушка так и не произнесла ни слова. Наконец старпом сдался и повернулся к ней:

---

[12] Notes: 12
У. Шекспир. Король Лир. Перевод А. Дружинина.

— Вы так далеко от дома, мисс Драхман. Дания… вам там нравилось?

Он спросил, просто чтобы не молчать, и его удивила горячность ответа.

— Я любила ее.

В ее голосе прозвучала необратимость, с какой говорят о чем-то безвозвратно утраченном. «Черт бы побрал этих японцев, черт бы побрал эту подлодку!» — с ожесточением подумал Николсон и поспешно сменил тему:

— А Малайя? Навряд ли вы о ней такого же высокого мнения?

— Малайя? — Ее тон изменился, и она безразлично пожала плечами. — В Пинанге, пожалуй, было не так уж плохо. Но только не в Сингапуре. Сингапур я… Сингапур я ненавидела! — Это снова прозвучало со всей страстью, но, по-видимому, девушка тут же поняла, что демонстрировать глубину своих чувств излишне, поскольку снова сменила интонацию и тему разговора. Она тронула старпома за плечо. — Я бы тоже не отказалась от сигаретки. Или мистер Николсон не одобряет?

— Боюсь, мистеру Николсону досадным образом недостает старомодной вежливости.

Николсон протянул ей пачку сигарет и чиркнул спичкой. Мисс Драхман склонилась к огоньку

прикурить, и, прежде чем она отстранилась обратно во тьму, Николсон вновь уловил слабый аромат сандала и приятный запах ее волос. Воткнув спичку в землю, он осторожно поинтересовался:

— А почему вы ненавидите Сингапур?

Прошло почти полминуты, прежде чем медсестра ответила:

— Вам не кажется, что такой вопрос может быть очень личным?

— Вполне возможно. — Чуть помолчав, Николсон тихо добавил: — Но какое это имеет значение теперь?

Она немедленно поняла его:

— Да, конечно, вы правы. Даже если вы спрашиваете из праздного любопытства, какое это имеет значение теперь? Забавно, но я вовсе не против рассказать вам. Наверно, потому что уверена, что не в вашем духе изливать напускное сочувствие, чего я терпеть не могу. — Девушка умолкла, и в темноте ярко вспыхнул огонек ее сигареты. — Это правда, я действительно ненавижу Сингапур. Ненавижу, потому что у меня есть гордость, личная гордость, потому что у меня есть жалость к себе и потому что я очень не люблю оказываться в изгоях. Сомневаюсь, что вам что-либо из этого

знакомо, мистер Николсон.

— Как много вы обо мне знаете, — усмехнулся старпом. — Но продолжайте же.

— Думаю, вы понимаете, что я имею в виду, — медленно проговорила мисс Драхман. — Я — европейка, родилась в Европе, выросла и получила образование в Европе и считаю себя датчанкой, как и все датчане вокруг меня. В Оденсе меня с радостью принимали в любом доме. А в Сингапуре, мистер Николсон, меня ни разу не пригласили ни в один европейский дом. — Ей стоило усилий, чтобы сохранять спокойный тон. — Неходовой товар на социальном рынке, так сказать. Люди избегали оказываться в моем обществе. Не очень весело слышать про себя что-нибудь вроде: «Дружище, да она же с примесью желтизны!» — и это даже не удосуживаясь понизить голос. Все на тебя смотрят, и отныне в это место вход тебе заказан. Да, мать моей матери была малайкой, но она чудесная старушка, и…

— Успокойтесь, прошу вас, успокойтесь. Я понимаю, как паршиво вам было. И англичане были хуже всех, не так ли?

— О да, хуже всех. — Поколебавшись, девушка поинтересовалась: — Откуда вы знаете?

— По части колониализма и создания империй

мы самые лучшие — и одновременно самые худшие. Сингапур — это настоящий рай для худших, а наши худшие — это нечто удивительное. Богоизбранный народ с двумя жизненными целями: посадить печень за невероятно короткий срок и следить, чтобы неизбранные никогда не забывали своего положения: сыны Хама «будут рубить дрова и черпать воду для всего общества»[13] до конца дней своих. Все они добрые христиане, разумеется, краеугольный камень и прочая, и прочая, все прилежные прихожане — если успеют протрезветь к воскресной службе. Они не все такие, даже в Сингапуре, просто вам не повезло встретиться с другими.

— Не ожидала услышать от вас такое, — удивленно произнесла мисс Драхман.

— Почему же? Ведь так оно и есть.

— Я не это имею в виду. Не ожидала услышать, что вы выражаетесь прямо как… Ах, ладно, забудьте. — Она смущенно рассмеялась. — Цвет моей кожи не так уж и важен.

— Давайте продолжайте. Побольше соли на рану. — Николсон затоптал окурок ботинком. Говорил он намеренно резко, едва ли не со зло-

---

[13] Notes: 13
Книга Иисуса Навина, 9: 21.

стью. — Цвет вашей кожи чертовски важен для вас, хотя и не должен быть таким. Сингапур — это же не весь мир. Вы нам нравитесь, и нам плевать, будь вы хоть лилового цвета.

— А вот вашему молодому помощнику, мистеру Ваньеру, не плевать, — пробормотала девушка.

— Не говорите глупостей. Будьте снисходительны к нему. Его шокировал ваш шрам, которого он до этого не замечал, и ему до сих пор стыдно за свое поведение. Он очень молод, только и всего. А капитан считает, что вы потрясающая. «Полупрозрачный янтарь» — так он выразился о вашей коже. — Старпом тихонько поцокал языком. — Вот же престарелый повеса.

— Вовсе нет. Он очень-очень милый и очень мне нравится. — Ни с того ни с сего она добавила: — А из-за вас он чувствует себя старым.

— Чушь! — грубо отрезал Николсон. — Из-за пули в легких кто угодно почувствует себя старым. — Вдруг он покачал головой. — Боже, опять я за свое. Простите меня, простите, вовсе не хотел огрызаться. Мир, мисс Драхман?

— Гудрун. — Одно слово послужило и ответом, и предложением, без малейшего намека на кокетство.

— Гудрун? Мне нравится ваше имя, оно вам

очень идет.

— А сами вы, хм… не собираетесь ответить тем же? — В ее хриплом голосе угадывалось озорство. — Я слышала, как капитан называет вас Джонни. Звучит мило, — задумчиво произнесла она. — В Дании так называли бы маленького мальчика. Надеюсь, у меня получится привыкнуть к этому имени.

— Не сомневаюсь, — нервно проговорил Николсон. — Но видите ли…

— О, ну конечно! — Девушка откровенно потешалась над ним, Николсон понимал это и чувствовал себя еще более неловко. — «Джонни» перед всей вашей командой… просто немыслимо! Что ж, тогда пусть остается «мистер Николсон», — с притворной скромностью заключила медсестра. — Или вы считаете, что «сэр» будет лучше?

— Да боже мой!.. — начал было старпом, но тут же осекся, а в следующее мгновение поймал себя на том, что вторит едва слышному смеху Гудрун. — Называйте меня как хотите. Скорее всего, это будет заслуженно.

Он поднялся и подошел к мулле, несущему дозор на выступе ложбины. Кратко переговорив с ним, спустился по склону к уцелевшей шлюпке,

которую караулил ван Эффен. Старпом пообщался с голландцем несколько минут, гадая про себя, есть ли вообще смысл охранять лодку, и вернулся в укрытие. Гудрун Драхман все еще бодрствовала, присматривая за спящим малышом, и Николсон тихонько подсел к ней.

— Собираетесь всю ночь не смыкать глаз? — мягко спросил он. — С Питером ничего не случится. Ложитесь спать.

— Скажите правду, — очень тихо отозвалась девушка. — Какие у нас шансы?

— Нулевые.

— Что ж, честно и без обиняков, — вздохнула она. — Сколько у нас времени?

— До завтрашнего полудня, не больше. Почти наверняка подлодка сначала высадит десант, по крайней мере попытается. Затем они вызовут помощь. Но скорее всего, еще на рассвете появятся самолеты.

— Возможно, достаточно будет моряков с подлодки. Возможно, помощь им и не понадобится. Сколько…

— Их-то одних мы в клочья порвем, — невозмутимо перебил ее Николсон. — Помощь им понадобится, можете не сомневаться. И они ее получат. И тогда нам конец. А если нас не при-

кончат бомбами или снарядами, вас, Лену и мисс Плендерлейт могут взять в плен. Надеюсь, этого не случится.

— Мне довелось повстречаться с ними в Кота-Бару. — Мисс Драхман поежилась при этом воспоминании. — Я тоже надеюсь, что до плена дело не дойдет. А как же маленький Питер?

— Да, Питер. Просто еще одно имя в списке потерь. — В словах Николсона прозвучала неподдельная горечь. — Кого волнует двухлетний малыш?

Но он знал, что его волнует. Постепенно он привязывался к мальчугану больше, чем позволял себе привязываться к кому-либо за всю свою жизнь, и в один прекрасный день, будь Кэролайн жива…

— И мы ничего не можем предпринять? — вырвал его из задумчивости голос девушки.

— Боюсь, что нет. Остается только ждать.

— Но… Разве нельзя подобраться к подлодке и… и что-нибудь сделать?

— О да, конечно. Ножи в зубы, захватываем ее и с триумфом возвращаемся домой. Не те книжки вы читали, леди. — Прежде чем она успела ответить, Николсон взял ее за руку. — Это плохой план. Мне жаль, но японцы только и молятся,

чтобы мы откололи подобную глупость.

— А нельзя незаметно уплыть на шлюпке?

— Дорогая моя, этот вариант мы рассматривали первым. Безнадежно. Может, нам и удастся отплыть, но далеко мы не уйдем. На рассвете нас настигнут — не подлодка, так самолеты. И кто не погибнет сразу же, тот утонет. Забавно, что ван Эффен тоже всерьез увлекся этим замыслом. Но это всего лишь скорейший путь к самоубийству, — резко закончил старпом.

Гудрун задумалась, затем спросила:

— Тем не менее вы считаете, что уйти отсюда незаметно все-таки возможно?

Николсон улыбнулся:

— Ох уж эта настырность молодых, а? Да, возможно, особенно если каким-то образом переключить их внимание на другое место на острове. А что?

— Тогда единственный выход — заставить японцев думать, будто мы ушли. Что, если двое-трое из вас уведут шлюпку — например, на какой-нибудь из тех маленьких островков, что мы видели вчера, — пока мы будем отвлекать их внимание? — Девушка говорила быстро, с жаром. — И когда на субмарине увидят, что вы уплыли, они тоже уйдут и…

— И двинутся прямиком к этим островкам — а куда же еще здесь можно уплыть? И там японцы обнаружат, что нас жалкая горстка, всех перебьют, утопят шлюпку, вернутся сюда и разделаются со всеми вами.

— Ах! — тут же поникла девушка. — Об этом я не подумала.

— Вы — нет, но японцы обязательно подумают. Послушайте, мисс Драхман…

— Гудрун. Мы же заключили мир, забыли?

— Простите. Гудрун. Перестаньте биться головой о стену. Только головную боль и заработаете. Мы перебрали уже все варианты, но так ни к чему и не пришли. А теперь, если не возражаете, я попытаюсь поспать. Скоро мне сменять ван Эффена.

Только он начал засыпать, как вновь раздался ее голос:

— Джонни…

— О боже, — простонал Николсон. — Неужели еще один приступ вдохновения?

— Знаете, я тут подумала, и…

— Да уж, упорства вам не занимать. — Он обреченно вздохнул и уселся. — И что же вы надумали?

— Нам же не станет хуже, если мы будем оста-

ваться здесь до тех пор, пока подлодка не уйдет?

— К чему вы клоните?

— Ответьте, пожалуйста, Джонни.

— Нет, не станет. И даже наоборот, так было бы лучше. Если бы нам удалось, не вызывая подозрений, спрятаться на денек-другой, японцы наверняка свернули бы поиски. По крайней мере, в этом районе. А как вы предлагаете подвести их к мысли, будто мы сбежали? Заявиться на подлодку и загипнотизировать команду?

— Вот нисколько не смешно, — спокойно парировала Гудрун. — Итак, если на рассвете они увидят, что наша лодка исчезла — целая, я имею в виду, — то решат, будто мы уплыли на ней, так ведь?

— Разумеется. Как и любой другой на их месте.

— И они ничего не заподозрят и не станут обыскивать остров?

— Черт побери, да к чему это?

— Пожалуйста, Джонни.

— Хорошо, — прорычал Николсон. — Ох, простите, простите еще раз. Нет, я не думаю, что они станут утруждать себя прочесыванием острова. Так что у вас на уме, Гудрун?

— Надо заставить их поверить, что мы сбежали! — выпалила девушка. — Спрятать лодку!

— Нет, вы только послушайте, «спрятать лодку»! Но на берегах этого островка нет ни одного места, где японцы не высмотрели бы ее за полчаса. На суше спрятать тоже не получится: шлюпка слишком тяжелая, чтобы ее тащить, да и шуму от этого будет столько, что они перестреляют всех нас даже в темноте, прежде чем мы успеем переместить ее на хоть десять футов. А даже если бы мы и смогли ее отволочь, на здешней гальке не растут достаточно большие кусты, чтобы в них можно было укрыть даже обычную лодку, не говоря уже о двадцатичетырехфутовой спасательной шлюпке. Извините и все такое, но ваша идея неосуществима. Лодку просто негде спрятать — ни на суше, ни на море. Японцы везде отыщут ее с закрытыми глазами.

— Все это были ваши предложения, а не мои, — невозмутимо ответила Гудрун. — Невозможно спрятать на острове и на берегу, согласна. Но я предлагаю спрятать шлюпку под водой.

— Что-о? — Николсон повернулся и воззрился на девушку.

— Поднимем шум на одном конце острова, — принялась торопливо объяснять Гудрун, — а тем временем проведем шлюпку с другой стороны острова в бухту на севере. Наполним ее камнями,

выдернем пробку, или как там она называется, и затопим на достаточной глубине, а когда японцы уйдут…

— Ну конечно! — прошептал старпом, лихорадочно обдумывая сказанное. — Ну конечно, это может сработать! Бог мой, Гудрун, какая же вы молодчина, какая молодчина! — воскликнул он, стремительно заключил протестующую и смеющуюся девушку в крепкие объятия неподдельной радости и вновь вспыхнувшей надежды, затем вскочил на ноги и помчался на другой конец ложбины. — Капитан! Четвертый помощник! Боцман! Просыпайтесь, просыпайтесь немедленно!

Наконец-то удача не отвернулась от них, и все прошло без сучка без задоринки. Небольшой спор возник касательно отвлекающего маневра. Некоторые считали, что капитан подводной лодки или тот, кто занял эту должность после его гибели, обязательно заподозрит неладное в поднятом шуме, однако Николсон возразил, что человеку, которому хватило глупости высадить десант прямо на месте стоянки шлюпок, а не предпринять обходную атаку, навряд ли достанет сообразительности не поддаться на уловку, — и скептики вняли такому доводу. Кроме того, весомости его

аргументу придал ветер, ранее сменившийся на северный, и дальнейшее развитие событий подтвердило его правоту.

Ваньер играл роль приманки и свою задачу выполнил безукоризненно, идеально уложившись в отведенное время. Минут десять четвертый помощник бродил по берегу в юго-западной части острова, то и дело мигая фонарем, якобы случайно. У него имелся бинокль ночного видения, полученный от Николсона, и как только он заметил, что подводная лодка бесшумно, на аккумуляторах, двинулась вперед, то отложил фонарь и спрятался за валуном. Спустя две минуты субмарина оказалась прямо напротив него, не далее как в ста ярдах от берега, и тогда Ваньер поднялся, выдернул отжимную вилку сигнального буя со шлюпки номер два и швырнул его как можно дальше в море. Уже через полминуты северный бриз донес до подлодки густой оранжевый дым, который вызвал у моряков удушливый кашель и лишил их возможности что-либо разглядеть.

Обычно сигнальный буй выгорает за четыре-пять минут, и этого времени оказалось более чем достаточно. Еще за минуту до того, как баллон начал со слабым шипением затухать, четверо мужчин, гребя обмотанными веслами, успели

обогнуть оконечность острова и двинулись вдоль северного берега острова. Подлодка по-прежнему оставалась на месте. Николсон бесшумно провел шлюпку над обрывистым шельфом в глубокую северную бухту, где их встретили Фарнхолм, мулла Ахмед, Уиллоби и Гордон, заготовившие огромную кучу небольших валунов.

Уиллоби настоял на снятии воздушных ящиков, его инженерную душу ранила одна лишь мысль о проделывании в них дырок. Ввиду ограниченного количества инструментов на руках выполнение задачи требовало дополнительного времени, равно как и подсветки, и неизбежно вызвало бы шум, а капитану субмарины в любой момент могло бы прийти в голову быстро обойти вокруг острова, попутно запуская световые ракеты. Однако на риск все же решили пойти.

Из шпунтового пояса обшивки быстро вытащили шлюпочные пробки, и мужчины, работая с бешеной скоростью и практически не обмениваясь ни словом, принялись сгружать на днищевый настил передаваемые с берега камни, внимательно следя за тем, чтобы не заблокировать фонтанирующие водоотливные отверстия. Через две минуты Николсон тихонько переговорил с Фарнхолмом, тот побежал на вершину холма и

уже спустя несколько секунд начал с вымеренными интервалами стрелять в сторону подлодки. Глухие раскаты выстрелов карабина более или менее заглушали металлический звон с северной стороны острова, раздающийся при демонтаже крепежа и извлечении воздушных ящиков — желтых металлических емкостей. Для обеспечения надежной положительной плавучести шлюпки несколько ящиков оставили на месте.

В лодку продолжали накладывать камни, вода через отверстия все поступала, и в конце концов уровни внутри и снаружи сравнялись, так что над поверхностью остался только планшир. Еще несколько камней — и шлюпка, поддерживаемая с помощью носового и кормового фалиней, полностью скрылась в водах бухточки, ровно осев на галечное дно на глубине пятнадцати футов. Едва лишь отряд вернулся в ложбину на холме, с восточной оконечности острова в небо в северо-восточном направлении взметнулась парашютная ракета. Ваньер точно подгадал с запуском, и если бы подлодка решила обследовать ту часть острова, то обнаружила бы ее такой же безлюдной, как и противоположную оконечность. Ракета была призвана окончательно сбить японцев с толку и вызвать у них противоречивые

подозрения, с тем чтобы на рассвете они пришли к очевидному выводу, что спасшиеся с «Виромы» обхитрили их и под покровом ночи сбежали с острова.

Именно к такому выводу подводники, несомненно, и пришли с наступлением утра, выдавшегося серым и облачным, ветреным и бессолнечным. Как только полностью рассвело, наблюдатели на острове, тщательно укрывающиеся в густых кустах, увидели, как фигурки на рубке подводной лодки подносят к глазам бинокли — за ночь она удалилась от острова — и принимаются бурно жестикулировать. Вскоре зашумели ожившие дизельные двигатели, и корабль быстро двинулся вокруг острова. Напротив оставшейся шлюпки субмарина снова остановилась и открыла по ней огонь из зенитного орудия, — по-видимому, техники за ночь починили поврежденный ударный механизм. Было произведено лишь шесть выстрелов, однако их оказалось достаточно, чтобы превратить лодку в груду издырявленных и расщепленных обломков. Стоило последнему снаряду разорваться на отмели, как двигатели взревели снова, и подлодка на большой скорости поплыла на запад, где японцы обследовали два маленьких островка.

А уже через полчаса корабль и вовсе скрылся за южным горизонтом.

Глава 10

Шлюпка, неподвижная и мертвая, покоилась на неподвижном зеркале моря. Ничто не двигалось, ничто не шевелилось, ни малейший намек на рябь не тревожил сверкающую синевато-стальную поверхность океана, со строгой и безжалостной точностью отражающую проклепанные борта суденышка вплоть до мельчайших деталей. Мертвая лодка на мертвом море, в мертвом и пустом мире. Пустое море, огромная переливающаяся долина полнейшего ничто, бесконечно тянущаяся во все стороны, лишь где-то вдали размывающаяся в дымчатую кайму огромного и пустого неба. В поле зрения ни облачка, как и на протяжении трех прошедших дней. Пустое и жуткое небо, величественное в своем жестоком безразличии и еще более пустое из-за слепящего солнца, которое, словно открытая топка, выжигало изнемогающее море внизу.

Лодка тоже казалась мертвой, но не пустой. Напротив, она казалась полной и даже забитой до отказа, но это впечатление было обманчивым. В жалкой тени, которую могли предоставить

истрепанные остатки паруса, мужчины и женщины лежали, вытянувшись в полный рост на скамьях и досках пола, невыразимо изнуренные и обессилевшие от жары, кто-то без сознания, кто-то — забывшись в кошмарном сне, остальные в полудреме, абсолютно неподвижные, заботливо сберегающие ту искру жизни, что все еще тлела в них, и волю поддерживать ее горение. Они ждали захода солнца.

Из всех этих изможденных, дочерна загоревших пассажиров шлюпки лишь двое демонстрировали явные признаки жизни. Вид у них был таким же скверным, как и у остальных: впалые щеки, ввалившиеся глаза, потрескавшиеся и побагровевшие губы, уродливые гноеточивые красные волдыри под прорехами на сопревшей от зноя и морской воды одежде, где лишенная загара кожа нещадно опалялась солнцем. Эти двое мужчин сидели на кормовой скамье, и жизнь в них угадывалась лишь по прямой осанке — с такой неподвижностью они вполне могли сойти за мертвых или высеченных из камня. Один опирался рукой на румпель, хотя уже почти четыре дня не было ни ветра, способного наполнять изорванные паруса, ни людей, у которых хватало бы сил грести; другой держал в руке пистолет,

непоколебимый, как скала, и только по его глазам было видно, что он жив.

Всего в шлюпке находилось двадцать человек. Было двадцать два, когда шесть дней назад они отплыли с островка в Южно-Китайском море, но теперь осталось двадцать. Двое умерли. Для капрала Фрейзера надежды не оставалось и без нынешних тягот: силы его были подорваны ранением и изнурительной лихорадкой задолго до того, как снарядом из пушки «зеро» ему практически оторвало левую руку, когда на крыше ходовой рубки «Виромы» он героически отстреливался от атакующего истребителя из никудышной винтовки. Перевязочные материалы и обезболивающие препараты полностью закончились, однако капрал цеплялся за жизнь еще четыре дня и умер всего лишь сорок восемь часов назад — с улыбкой и в страшных мучениях, с почерневшей до самого плеча рукой. Капитан Файндхорн провел панихиду, с трудом припоминая подобающие слова, и это оказалось едва ли не последним сознательным его действием, после чего он впал в беспокойное, бредовое беспамятство, выйти из которого ему навряд ли было суждено.

Другой — один из трех остававшихся членов команды Сирана — умер накануне. Умер он на-

сильственной смертью, поскольку превратно истолковал расслабленную улыбку Маккиннона и его мягкий шотландский выговор. Вскоре после смерти Фрейзера боцман, которого Николсон назначил ответственным за запасы пресной воды, обнаружил, что прошлой ночью один из баков получил повреждение — вероятно, был пробит, хотя сказать с уверенностью было нельзя. Что бы ни послужило причиной, емкость оказалась пустой, и у беглецов осталось всего лишь около пятнадцати литров в другом баке. Старпом немедленно предложил ограничить норму потребления пятьюдесятью граммами дважды в день — для распределения имелся мерный стаканчик, входящий в стандартную комплектацию спасательных шлюпок. Но малышу, оговорил он, будет позволено пить столько, сколько ему захочется. Один или два человека возроптали было, однако Николсон попросту не обратил на них внимания. На следующий день, когда Маккиннон передал мисс Драхман порцию для мальчика, уже третью за день, двое сирановских матросов двинулись со своих мест на носу к корме, оба вооруженные тяжелыми металлическими подпорками. Боцман бросил взгляд на старпома — тот спал, почти всю прошлую ночь простояв на

вахте, — и невозмутимо попросил бунтовщиков вернуться на место, подкрепив требование взмахом револьвера. Один из них остановился, другой же со звериным рычанием бросился вперед, и подпорка, описав страшную дугу, размозжила бы череп боцмана, как гнилую дыню, если бы попала в цель, но Маккиннон метнулся в сторону, одновременно нажав на спусковой крючок, и сирановский головорез по инерции пролетел головой вперед за корму. Он умер прежде, чем врезался в воду. Затем Маккиннон молча направил кольт на второго смутьяна, хотя надобность в этом уже отпала. Бывший матрос «Керри дансер» с искаженной от ужаса физиономией уставился на сизый дымок, вьющийся тонкой струйкой из ствола, быстро развернулся и на нетвердых ногах вернулся на нос. После этого инцидента споров из-за воды больше не возникало.

В самом начале, шесть дней назад, все шло гладко. Моральный дух был высоким, надежды и вовсе огромными, и даже Сиран, все еще не оправившийся от сотрясения мозга, проявлял сговорчивость настолько, насколько от него можно было ожидать, и следил, чтобы его люди вели себя соответственно, — он был отнюдь не дурак и, как и все остальные, понимал, что спасение находя-

щихся в шлюпке всецело зависит от совместных, объединенных усилий. Разумеется, подобный вынужденный союз был лишь временным.

Они выждали тридцать шесть часов после ухода подлодки и двадцать четыре часа после пролета над островком самолета-разведчика, так и не обнаружившего на клочке суши каких-либо признаков жизни. Отплыли на закате, с попутным легким накатом волн и устойчивым северным муссоном. Всю ночь и почти весь следующий день шли полным ветром, и на протяжении этого времени никаких летательных аппаратов на небе не появлялось, а единственное замеченное ими судно было парусным малайским проа далеко на востоке. Вечером, когда на красно-золотистом горизонте замаячила восточная оконечность острова Банка, не более чем в двух милях от них всплыла подводная лодка и без промедления двинулась на север. Возможно, японцы их не увидели, поскольку шлюпка вполне могла затеряться на фоне меркнущего моря и неба на востоке, а предательские оранжевые паруса — люгерный так и вовсе с обличающей надписью «Вирома» — Николсон велел спустить, едва лишь над волнами показалась рубка вражеского корабля. Как бы то ни было, никаких

подозрений у подлодки не возникло, и она исчезла из виду еще до наступления полной темноты.

Той же ночью они прошли по каналу Маклсфилд. Маневр этот изначально представлялся самым опасным и сложным на всем пути: если бы ветер стих или поменялся на противоположный хотя бы на несколько градусов в любом направлении, проплыть пролив за ночь они не успели бы и утром их засекли бы с берега. Однако пассат неизменно дул с севера, и вскоре после полуночи шлюпка миновала Лиат слева по борту, а остров Лепар остался позади задолго до рассвета. И только в полдень удача в конце концов оставила спасшихся с «Виромы».

Ветер стих, внезапно и полностью, и весь день они штилевали не далее чем в двадцати пяти милях от Лепара. Ближе к вечеру с запада медленно и неуклюже прилетел гидроплан — вполне возможно, тот же самый, что они видели ранее; он кружил над шлюпкой около часа, а потом удалился, так и не предприняв попытки атаковать. Солнце уже заходило, и начал подниматься ветерок, вновь северный, когда показался еще один самолет, опять же с запада. Он летел на высоте примерно трех тысяч футов прямо к ним, и это был не гидроплан, а «зеро», явно не распо-

ложенный тратить время на прелюдии. Менее чем в миле от лодки истребитель свалился на нос и с завыванием устремился вниз, посылая в сгущающиеся сумерки алые кинжалы из спаренной пушки у основания крыльев. Снаряды вышивали параллельные узоры всплесков и разлетающихся брызг на безмятежной поверхности моря прямо перед беззащитной шлюпкой, а потом заколотили по ней самой и по воде позади. Впрочем, лодка оказалась не такой уж беззащитной, и после ответного огня бригадного генерала из автоматического карабина истребитель сразу же заложил крутой вираж и двинулся обратно на запад, в направлении Суматры, но теперь элегантный фюзеляж самолета был расчерчен черными линиями хлещущего машинного масла. Менее чем в двух милях истребитель встретился с возвращающимся гидропланом, и обе машины растворились в бледно-золотистом отсвете заката. Шлюпка получила две довольно опасные пробоины, однако из людей, как ни поразительно, пострадал лишь один человек: острый осколок шрапнели глубоко вспорол ван Эффену бедро.

Спустя час порывы ветра усилились до шести-семи баллов, и не успели люди в лодке осознать происходящее, как на них обрушился свирепый

тропический шторм. Буря продолжалась десять часов, десять бесконечных часов неистового ветра, тьмы и холодного ливня, десять бесконечных часов рыскания и килевой качки, на протяжении которых люди выбивались из сил, ради спасения своей жизни вычерпывая воду: всю ночь кормовые волны перехлестывали через борта, к тому же вода беспрестанно поступала через временные заплатки на днище — запас деревянных заглушек в ремонтном комплекте оказался недостаточным. Николсон вел шлюпку по ветру на юг с убранным кливером и под люгером, зарифленным до размера, обеспечивающего минимальный управляемый ход, не более. Каждая пройденная на юг миля приближала беглецов к Зондскому проливу, но Николсон мог только отдаться на волю шторма: из-за пробитого корпуса шлюпка оседала задней частью, и отданный кормовой плавучий якорь погружал бы корму еще глубже, в то время как с носовым было бы совершенно невозможно держаться против волн. С другой стороны, для лавирования против ветра требовалась значительно бóльшая парусность, чреватая рисками сноса мачты или опрокидывания шлюпки при поворотах, в то время как совсем без парусов неповоротливую, подзатопленную

лодку попросту развернуло бы боком к волнам, вследствие чего она бы не смогла выйти из их впадин и быстро утонула. Долгая ночная пытка закончилась так же внезапно, как и началась, — и вот тогда-то началась настоящая пытка.

И теперь Николсон, сидя рядом с Маккинноном, вооруженным и по-прежнему не утратившим бдительности, и опираясь на бесполезный румпель, пытался отвлечься от назойливой, всеохватывающей боли — от жажды в распухшем языке и растрескавшихся губах и от солнечных ожогов на спине — и оценить причиненный ущерб и текущее положение, кардинально изменившееся за ужасные дни, прошедшие после окончания шторма, за эти бесконечные, изуверские часы под безжалостно палящим солнцем, одновременно чудовищно безразличным и непостижимо враждебным, солнцем, что становилось все более и более невыносимым и неумолимо подталкивало беспомощных и безучастных людей на грань упадка и краха — как физического, так и психического и морального.

Былой дух товарищества развеялся, исчез напрочь, словно его никогда и не бывало. Если прежде каждый стремился помочь ближнему, то теперь большинство заботилось лишь

о себе, и их равнодушие к состоянию соседей было полнейшим. Когда кто-либо получал свою жалкую порцию воды, или сгущенного молока, или леденец (галеты закончились два дня назад), за каждым движением его исхудалых рук и потрескавшихся губ следил с десяток пар жадных, недобрых глаз, желающих воочию убедиться, что тому выделили точно назначенную порцию и ни каплей, ни крошкой больше. Хищность, лютый голод в налитых кровью глазах и костлявые кулаки, стиснутые до побеления костяшек на загорелой коже, особенно ужасно было наблюдать всякий раз, когда маленькому Питеру давали дополнительную порцию воды и несколько капель стекали по его подбородку, падали на разгоряченную скамью и испарялись, едва лишь успев ее коснуться. Люди достигли той стадии, когда смерть представлялась чуть ли не заманчивой альтернативой невыносимой пытке жаждой. И Маккиннон сидел с пистолетом в руке не просто так.

Еще серьезнее морального упадка было ухудшение физического состояния раненых. Капитан Файндхорн погрузился в глубокое беспамятство, беспокойное, наполненное болью, и Николсон из предосторожности неплотно привязал его к

планширу и одной из скамей. Так же поступили и с Дженкинсом, хотя он оставался в сознании. В сознании, но в личном аду неописуемых мучений, поскольку для ужасных ожогов, что он получил перед самой эвакуацией с «Виромы», уже не осталось бинтов и лекарственных препаратов, к тому же ослепительное солнце поджаривало каждый квадратный дюйм незащищенных участков кожи, и в конце концов матрос попросту помешался от боли. Под ногтями у него чернела запекшаяся кровь от неистового раздирания ран. Несчастному стянули запястья, привязав веревку к скамье — не столько с целью помешать ему терзать ожоги, сколько не дать ему броситься за борт, на что он покушался уже дважды. Бывало, посидев долгое время без малейшего движения, матрос внезапно напрягал все свои силы и пытался разорвать путы на окровавленных запястьях, хрипя и задыхаясь от боли. Николсон не раз спрашивал себя: а не лучше ли будет освободить мученика? Спрашивал себя, какое моральное право он имеет обрекать Дженкинса на длительную смерть в адских муках, вместо того чтобы позволить ему прекратить страдания, прекратить быстро и чисто, в столь соблазнительной воде за бортом. На бедняге все равно уже лежала печать смерти.

Раны на предплечье Эванса и варварски рассеченном запястье Уолтерса тоже неуклонно демонстрировали признаки ухудшения. Из-за отсутствия медикаментов и почти полного истощения организма, а также из-за попадания соленой морской воды на истрепавшиеся бинты открытые раны воспалились. Что до ван Эффена, его состояние было получше, но и ранение он получил совсем недавно, вдобавок от рождения обладал незаурядной выносливостью и запасом жизненных сил. Он неподвижно лежал часами напролет на днищевом настиле, опираясь спиной на скамью, и пристально смотрел вперед, словно сон ему был уже не нужен.

Но хуже всего дело обстояло с психическим состоянием людей. Ваньер и пожилой второй механик еще не соскользнули за грань здравого рассудка, но оба выказывали одни и те же признаки все возрастающего ухода от реальности: одни и те же продолжительные периоды отрешенного и унылого молчания, одни и те же спорадические беспредметные бормотания себе под нос, мимолетные извинительные улыбки, если вдруг понимали, что их услышали соседи, и снова погружение в меланхоличное молчание. Поведение Лены, юной медсестры-малайки,

отличалось лишь подавленностью и полным отсутствием интереса к чему-либо, а разговаривать она не разговаривала вовсе — ни с другими, ни сама с собой. Мулла, напротив, не проявлял ни уныния, ни каких-либо других эмоций, но тоже постоянно молчал. Впрочем, он и раньше не отличался словоохотливостью, так что относить его замкнутость на счет нервного нарушения не стоило. Невозможно было однозначно трактовать и поведение Гордона: то он сидел с широкой улыбкой и невидящим взглядом, то замирал, как изваяние, в глубоком отчаянии. Николсон, абсолютно не доверявший расчетливому и хитрому стюарду и в прошлом не единожды пытавшийся, к сожалению безуспешно, уговорить Файндхорна избавиться от ненадежного работника, незаметно наблюдал за ним: симптомы вполне могли быть неподдельными, но могли быть и спектаклем, как если бы Гордон некогда изучил псевдомедицинскую статью о маниакально-депрессивном психозе, да только не совсем ее понял. Зато насчет молодого солдата Синклера, увы, никаких сомнений не возникало: парень бесповоротно сошел с ума, полностью утратив связь с реальностью и проявляя все классические симптомы острого шизофренического

расстройства.

И все же упадок, физический и психический, затронул не всех пассажиров шлюпки. Помимо самого старпома, еще двое человек практически не поддались слабости, сомнениям и отчаянию: боцман и бригадный генерал. Маккиннон так и оставался старым добрым Маккинноном, эдакой несокрушимой глыбой, со своей расслабленной улыбкой, мягким выговором и неизменным пистолетом в руке. Что до Фарнхолма, Николсон то и дело поглядывал на него и покачивал головой в неосознанном изумлении. Бригадный генерал был великолепен. Чем больше ситуация усугублялась, скатывалась в безнадежную, тем лучше он себя проявлял. Когда раненым требовалось облегчить боль, устроить их поудобнее или прикрыть от солнца, вычерпать из шлюпки воду (теперь днище почти постоянно скрывалось под водой, а ручной насос был разбит еще на острове шальной пулей), этот человек всегда оказывался рядом: помогал, ободрял, улыбался и трудился без всяких сетований и ожиданий благодарности или награды. Для человека его возраста — а Фарнхолму уже перевалило за шестьдесят — подобная активность была просто невероятной. Старпом наблюдал за ним с недоуменным

восхищением. Вспыльчивый и бестолковый карикатурный вояка старой закалки, которого Николсон повстречал на борту тонущей «Керри дансер», словно бы никогда и не существовал. Странным образом начисто исчез и жеманный сандхерстский выговор, так что Николсону оставалось только гадать: а не померещилась ли ему вообще эта манера растягивать слова? Тем не менее армейские выражения и старомодные ругательства, что всего неделю назад столь обильно пересыпали речь бригадного генерала, по-прежнему звучали, но крайне редко, да и то словно бы вырываясь лишь по случайности. Пожалуй, самым убедительным доказательством преображения Фарнхолма — если это слово вообще было уместно — служило то обстоятельство, что он не только зарыл топор войны с мисс Плендерлейт, но и сидел рядом с ней большую часть времени, что-то нашептывая ей на ухо. Она была очень слаба, хотя язык ее отнюдь не утратил способности к колким и едким замечаниям, и снисходительно принимала бесчисленные мелкие услуги, оказываемые ей Фарнхолмом. Теперь они только вместе и держались, и Николсон, глядя на них с бесстрастным лицом, про себя от души забавлялся. Будь старики лет на тридцать моложе, он

мог бы побиться о заклад, что Фарнхолм имеет виды на мисс Плендерлейт. Виды исключительно благородные, разумеется.

Старпом опустил взгляд, ощутив движение возле колена. На нижней поперечной скамье вот уже почти три дня сидела Гудрун Драхман: придерживала мальчика, когда он скакал на скамье перед ней (благодаря щедрым угощениям едой и водой от мисс Плендерлейт и Маккиннона Питер Тэллон был единственным на шлюпке, кому необходимо было высвобождать излишки энергии), и часами качала его на руках, когда он спал. Девушку, несомненно, изводили мышечные спазмы от неподвижности, но она ни разу не пожаловалась. За прошедшие дни лицо у нее осунулось, скулы обозначились еще острее, а жуткий шрам на левой щеке с каждым часом становился все бледнее и уродливее, по мере того как кожа вокруг все темнела под палящим солнцем. Гудрун улыбнулась Николсону слабой вымученной улыбкой на растрескавшихся губах, а затем посмотрела в сторону и кивнула на малыша. Ее взгляд перехватил боцман и, моментально поняв, улыбнулся в ответ и опустил черпак в бак, где оставалось уже совсем немного теплой солоноватой воды. Словно по команде с десяток человек вскинули

головы и принялись наблюдать за каждым движением черпака, пока Маккиннон осторожно наполнял кружку, а затем за малышом, когда он радостно схватил своими пухлыми ручонками кружку и жадно ее осушил. Отвернувшись от мальчика и опустевшей емкости, все уставились налитыми кровью, помутневшими от страдания и ненависти глазами на боцмана. Но тот лишь расслабленно и терпеливо улыбнулся, а его рука с пистолетом даже не дрогнула.

Ночь, когда она наконец наступила, принесла облегчение, хотя и весьма ограниченного характера. Обжигающий зной унялся, но воздух оставался горячим, спертым и душным, а жалкая порция воды, полученная людьми с заходом солнца, лишь распалила их аппетит, еще более обострив и без того мучительную жажду. Часа два-три после заката пассажиры беспокойно ерзали на местах, некоторые даже пытались общаться с другими, но с пересохшим горлом и распухшим ртом разговоры не клеились, да к тому же в глубине души каждый был уверен, что, если не произойдет какого-нибудь чуда, некоторым из них будет уже не суждено встретить следующий день. Однако природа милосердно взяла свое, и люди, физически и психически изнуренные

голодом, жаждой и убийственным пеклом на протяжении всего дня, один за другим почти все погрузились в зыбкий беспокойный сон.

Николсон и Маккиннон тоже заснули. Это не входило в их намерения — они собирались нести ночную вахту, — но изнеможение взяло над ними верх, как и над всеми остальными, и периодически они отключались, уронив голову на грудь, а через какое-то время просыпались как от толчка. В одно из таких пробуждений Николсону показалось, будто он слышит какое-то движение на шлюпке, и он тихо спросил, что случилось. Ответа не последовало, он спросил еще раз, с тем же результатом, и тогда он достал из-под скамьи фонарь. Батарейка в нем почти села, однако тусклого желтого луча оказалось достаточно, чтобы разглядеть, что все спокойно, никто не покинул своего места и все бесформенные тени, безжизненно раскинувшиеся на скамьях или досках пола, чернеют практически там же, где и на закате. Через какое-то время Николсон вновь задремал, и он готов был поклясться, что отчетливо услышал какой-то всплеск, донесшийся до него сквозь дурманящий туман сна. Он снова включил фонарь, однако и на этот раз никто не передвигался по шлюпке — никто вообще не ше-

велился. Николсон пересчитал все съежившиеся тени: все верно, девятнадцать, не считая его.

Весь остаток ночи он бодрствовал, отчаянно борясь с неодолимой усталостью, не давая свинцовым векам сомкнуться, а мыслям окончательно спутаться, игнорируя требования саднящего горла и сухого распухшего языка, чтобы он прекратил сопротивление, закрыл глаза и на несколько часов предался забвению. Нечто в глубине сознания убеждало его не сдаваться, напоминало, что от него зависит сохранность шлюпки и жизни двадцати человек, а когда стало ослабевать действие и таких доводов, Николсон подумал о маленьком мальчике, спящем совсем рядом с ним, и сон с него как рукой сняло. Так бесконечно и тянулась эта ночь, венец всех бессонных ночей, что ему довелось пережить, пока долгое, очень долгое время спустя на восточном горизонте не забрезжила первая прожилка бледного света.

Текли минуты, и старпом начал различать четкий силуэт мачты на фоне посеревшего неба, затем линию планширa и наконец отдельные очертания людей по всей шлюпке. Первым делом он взглянул на мальчика. Лицо Питера белело в темноте размытым пятном: завернутый в одеяло,

он мирно спал на кормовом сиденье рядом с Николсоном, положив голову вместо подушки на согнутую в локте руку Гудрун Драхман. Сама девушка так и сидела на нижней поперечной скамье, неудобно изогнувшись и положив голову на кормовое сиденье. Склонившись к ней поближе, Николсон заметил, что она переместилась во сне и край доски врезался ей в правую щеку. Он осторожно приподнял голову Гудрун и подложил на сиденье сложенный пополам уголок одеяла, а затем, поддавшись необъяснимому побуждению, нежно убрал упавшую ей на лицо прядь иссиня-черных волос, скрывавшую длинный рваный шрам. На мгновение его рука задержалась на волосах девушки, почти невесомо, а потом он заметил блеск ее глаз в сумерках и понял, что она не спит. Совершенно не испытывая неловкости или чувства вины, Николсон молча улыбнулся ей. Должно быть, она увидела, как блеснули зубы на его загорелом лице, потому что улыбнулась в ответ, дважды нежно потерлась о его руку изуродованной шрамом щекой и медленно выпрямилась, стараясь не разбудить спящего малыша.

Шлюпка между тем продолжала оседать, уровень воды внутри достиг уже двух-трех дюймов

над днищевым настилом, и ее давно пора было вычерпывать. Однако процесс этот был довольно шумным, и Николсон рассудил, что незачем спешить с возвращением людей из сонного забвения в суровую реальность нового дня, ведь поступающая вода не будет представлять угрозы по меньшей мере еще целый час. Пускай многим она уже доходила до щиколотки, а каждый второй и вовсе в ней сидел, это было лишь мелким неудобством по сравнению со страданиями, предстоящими им до следующего захода солнца.

И вдруг старпом заметил нечто, разом разогнавшее все его мысли о праздности и сне. Он быстро разбудил Маккиннона (ему пришлось это сделать, потому что привалившийся к нему боцман попросту упал бы, если бы Николсон встал без предупреждения), поднялся, перешагнул через скамью и опустился на колени у следующей скамьи. Дженкинс, матрос с сильными ожогами, лежал в весьма странной позе, скрючившись, полупривстав на колени, его окровавленные запястья все еще были привязаны к скамье, а голова прижата к воздушному ящику. Николсон нагнулся и потряс раненого за плечо, но тот завалился на бок еще сильнее, никак не реагируя. Тогда старпом потряс его снова, окликнул по

имени — но Дженкинсу уже не суждено было ни проснуться, ни отозваться. По случайности или же с умыслом — скорее всего, с умыслом, несмотря на ограничивавшие его свободу веревки, — ночью он соскользнул со скамьи и утонул, утопился в нескольких дюймах набравшейся в лодку воды.

Николсон выпрямился и взглянул на Маккиннона. Тот сразу же все понял и кивнул. Людям с подорванным моральным духом не пойдет на пользу, если они проснутся и обнаружат среди себя мертвеца. Придется тихонько перекинуть его за борт, даже без мизерной заупокойной службы, — впрочем, это представлялось не слишком высокой ценой за сохранение и без того уже помутившегося рассудка тех нескольких человек, которые могут лишиться его окончательно, проснувшись и увидев то, что в конечном счете обязательно произойдет со всеми ими.

Однако Дженкинс оказался тяжелее, чем можно было подумать, вдобавок его тело неуклюже застряло между скамьями. К тому времени, когда Маккиннон перерезал своим складным ножом путы и помог Николсону подтащить труп к боковому сиденью, проснулась по меньшей мере половина пассажиров лодки, и теперь они

наблюдали за действиями двух мужчин с необъяснимым недоумением в тусклых глазах, хотя прекрасно понимали, что матрос мертв. Никто не произнес ни слова, и старпом с боцманом уже понадеялись, что им удастся предать тело воде без истерик и паники, когда с носа лодки внезапно раздался высокий пронзительный крик, почти вопль, так что даже самые усталые и апатичные резко обернулись и уставились в ту сторону. Николсон и Маккиннон, вздрогнув от неожиданности, выронили тело и тоже повернулись. В полнейшей тишине тропического рассвета крик прозвучал неестественно громко.

Вопил молоденький солдат, Синклер, вот только смотрел он не на Дженкинса. Паренек стоял на коленях на досках пола, плавно раскачиваясь взад-вперед, и неотрывно смотрел на кого-то, распростертого перед ним на спине. Потом он завалился на бок, положил руки на планшир и уронил на них голову, продолжая тихонько подвывать.

Через три секунды Николсон оказался рядом с солдатом и уставился на человека, лежащего на дне шлюпки. Впрочем, на досках пола покоилось не все тело: ноги зацепились за скамью внутренними сгибами коленей и нелепо торчали

вверх. Человек явно упал со скамьи спиной назад, и теперь его затылок полностью скрывался под водой на дне шлюпки. Это оказался Ахмед, странный молчаливый приятель Фарнхолма, и он был мертв.

Николсон склонился над муллой, быстро сунул руку под его черный балахон, чтобы пощупать сердце, и так же быстро ее вытащил. Плоть была холодной и липкой: смерть наступила несколько часов назад.

Старпом в замешательстве покачал головой, озадаченно посмотрел на Маккиннона и увидел на его лице отражение собственных чувств. Он снова склонился над трупом и попытался поднять его за голову и плечи, и вот тут его удивление переросло в потрясение. Тело удалось сдвинуть только на два дюйма. Николсон сделал еще попытку, и опять безрезультатно. По его знаку Маккиннон слегка повернул муллу на бок, а сам Николсон опустился на колени так низко, что лицом почти окунулся в воду, и лишь тогда обнаружил причину, из-за которой труп не получалось поднять. Между лопаток Ахмеда торчал складной нож, вонзенный в плоть по самую рукоятку, и вот она-то и застряла между досками пола.

Глава 11

Николсон медленно встал и отер пот со лба. Для раннего утра было уже жарко, хотя адское пекло еще не наступило. В правой руке, свободно свисающей вдоль тела, Николсон крепко сжимал рукоятку кольта. Он даже не помнил, как достал оружие из-за ремня. Указав на лежащее тело, он произнес:

— Этот человек мертв. — В полной тишине его тихий голос прозвучал очень отчетливо. — У него нож в спине. И убийца среди нас.

— Мертв? Вы сказали, мертв? Нож в спине? — Лицо Фарнхолма нельзя было назвать приятным, когда он, пробравшись на нос, опустился на колени возле муллы. Через мгновение он вскочил на ноги, его губы превратились в тонкую белую линию на темном лице. — В самом деле мертв! Николсон, дайте мне ваш пистолет! Я знаю, кто это сделал!

— Никаких пистолетов! — Старший помощник твердо уперся рукой в грудь Фарнхолма, удерживая его на месте. — Прошу прощения, бригадный генерал, но, пока капитану нездоровится, на

шлюпке главный — я. И я не допущу самочинных расправ. Так кто, по-вашему, это сделал?

— Разумеется, Сиран! — Фарнхолм немного успокоился, но глаза у него по-прежнему сверкали холодной яростью. — Вы только посмотрите на этого убийцу и подонка: сидит себе и ухмыляется!

— «С ножом под епанчою льстец проворный»[14], — нараспев произнес Уиллоби.

Голос у него был слабым и хриплым, однако он был спокоен и уже походил на себя прежнего: ночной сон определенно оказал на него благотворное воздействие.

— Он вовсе не у кого-то под епанчой, — заметил Николсон, — а торчит из спины Ахмеда. И все из-за моей чертовой преступной беспечности, — добавил он с горечью, внезапно осознав собственный промах. — Совсем забыл про складной нож в снаряжении второй шлюпки, так же как и про два топорика… Но почему именно Сиран, бригадный генерал?

— Да боже мой, кто же еще-то? — Картинным жестом Фарнхолм указал на труп. — Мы ведь ищем хладнокровного убийцу, а? И кто это может

---

[14] Notes: 14
Дж.Чосер. Кентерберийские рассказы. Перевод О. Румера.

быть, кроме Сирана?

— А что еще, бригадный генерал? — пристально посмотрел на него старпом.

— Что значит, «что еще»?

— Вы все прекрасно понимаете. Если нам придется пристрелить Сирана, плакать о нем я буду не больше вашего, но для обвинения потребуются хоть какие-то улики.

— Какие еще улики вам нужны? Ахмед сидел лицом к корме, так? И его закололи в спину. Значит, это сделал кто-то, кто находился на носу, а за Ахмедом только три человека и сидели: Сиран и двое его головорезов!

— У нашего приятеля нервный срыв. — Тон Сирана был таким же спокойным и невозмутимым, как и выражение лица. — Слишком долгое плавание в открытой шлюпке в тропических морях может сотворить с человеком ужасные вещи.

Сжав кулаки, Фарнхолм ринулся было на него, но Николсон и Маккиннон тут же схватили его за руки.

— Не глупите! — резко сказал старший помощник. — Насилием ничего не решить, а в нашей тесноте нам только драки и не хватало. — Он отпустил Фарнхолма и внимательно посмотрел на бывшего капитана «Керри дансер». — Воз-

можно, вы правы, бригадный генерал. Ночью я действительно слышал какое-то движение на носу и что-то похожее на стук. А потом всплеск. Но я проверял место, где сидел мулла.

— Его сумка пропала, Николсон. Догадываетесь, где она сейчас?

— Я же видел ее, — спокойно отозвался старпом. — Парусиновая и очень легкая, такая ни за что не утонет.

— Боюсь, сэр, что она все-таки утонула. — Маккиннон кивнул на нос. — Якорь исчез.

— Использовали в качестве груза, да, боцман? Тогда, само собой, утонула.

— Ну вот вам и объяснение, — нетерпеливо подхватил Фарнхолм. — Они убили Ахмеда и выбросили его сумку за борт. Вы два раза осматривали шлюпку после какого-то шума и оба раза видели, что Ахмед сидит прямо. Наверное, его кто-то держал — за рукоятку ножа, что вонзили ему в спину. А чтобы проделать такое, нужно находиться у него за спиной, то есть на носу, где только трое этих чертовых убийц и сидят. — Он тяжело дышал, по-прежнему крепко сжимая кулаки и сверля Сирана взглядом.

— Звучит вполне убедительно, — признал Николсон. — Как насчет остального?

— Какого еще «остального»?

— Бросьте. Не могли же они убить его лишь затем, чтобы немного размяться. Какой у них был мотив?

— Откуда, черт побери, мне знать их мотив?

— Послушайте, бригадный генерал, — вздохнул старпом, — мы ведь не полные идиоты. Конечно же, мотив вам известен. Вы обвинили Сирана в преступлении, даже не раздумывая. Вас не удивило исчезновение сумки Ахмеда. И он был вашим другом.

На какое-то мгновение в глазах Фарнхолма что-то промелькнуло, какая-то слабая тень, которая отразилась во внезапном напряжении, с которым Сиран сжал губы, как будто эти двое обменялись настороженными взглядами. Однако солнце еще не взошло, и потому Николсон решил, что это переглядывание ему просто-напросто померещилось, а кроме того, одна лишь мысль о каком-либо сговоре между двумя этими мужчинами противоречила здравому смыслу. Доберись Фарнхолм до оружия — и от Сирана останется лишь воспоминание.

— Что ж, полагаю, вы имеете право знать. — Бригадный генерал сохранял невозмутимый вид, но его мозг лихорадочно работал, сочиняя доста-

точно правдоподобную историю. — Теперь-то это никому не причинит вреда. — Он наконец перестал испепелять Сирана взглядом и посмотрел на мертвое тело. Выражение его лица и тон голоса разом смягчились. — Вы сказали, что Ахмед был моим другом. Да, был, но совсем недолго, да и то лишь потому, что ему отчаянно требовался товарищ. Его звали Ян Беккер, и он был соотечественником нашего ван Эффена. Ян много лет прожил на Борнео, в голландской части острова, под Самариндой, где представлял интересы одной крупной амстердамской фирмы и руководил сетью речных каучуковых плантаций. Помимо кое-чего другого.

Тут Фарнхолм умолк, и Николсону пришлось подстегнуть его:

— А конкретнее?

— Я не совсем уверен, но, судя по всему, Ян работал на голландское правительство. Точно знаю, что несколько недель назад он выявил и разоблачил глубоко законспирированную сеть пособников Японии в Восточном Борнео, и несколько десятков предателей были арестованы и без проволочек расстреляны. Также ему удалось заполучить полный список всех японских агентов и пособников в Индии, Бирме, Малайе и

Ост-Индии. Как раз в той сумке он его и хранил, и для союзников эти сведения были бесценны. Японцы проведали, что Ян завладел списком их шпионов, и назначили за него — живого или мертвого — огромную награду, и столько же за возвращение или уничтожение секретных данных. Он сам мне это рассказал. Каким-то образом Сирану стала известна вся эта история, и с тех пор он охотился за денежками. Что ж, он их заработал, но, клянусь Богом, их ему не получить!

— И поэтому Беккер, или как там его звали, рядился в муллу?

— Это была моя идея, — со вздохом признался Фарнхолм. — Тогда она показалась мне верхом хитрости. Мусульманские священники ничем не отличаются от любых других священников в мире: священник-ренегат, пьющий виски, становится объектом презрения, и все его избегают. Я как мог изображал забулдыгу — а кто еще стал бы собутыльником такого изгоя? Но похоже, наш спектакль оказался недостаточно убедительным. Хотя вряд ли у нас вообще имелись шансы. Беккера объявили в розыск по всей Ост-Индии.

— Ему еще очень повезло, что удалось столько продержаться, — согласился Николсон. — Так вот почему японцы приложили столько усилий,

чтобы остановить нас?

— Господи, ну конечно! Теперь-то это должно быть очевидно! — Фарнхолм нетерпеливо покачал головой и снова уставился на Сирана. Гнев в его глазах уступил место холодной, неумолимой целеустремленности. — Я скорее выпущу в шлюпку королевскую кобру, чем позволю оставаться с нами этой кровожадной скотине. Николсон, вам не стоит пачкать руки. Дайте мне пистолет!

— Как все удобно получается, — пробормотал Сиран. — Мои поздравления, Фарнхолм. Салютую вам.

Если ему чего и не хватало, то уж точно не храбрости. Николсон с любопытством посмотрел на капитана «Керри дансер», затем перевел взгляд на бригадного генерала:

— О чем это он?

— Откуда мне знать, черт побери! Мы просто теряем время. Дайте пистолет!

— Нет.

— Ради всего святого, почему нет? Бросьте, старпом! Да я и гроша ломаного не дам за жизнь любого из нас, пока этот тип остается на шлюпке!

— Скорее всего, вы правы, — кивнул Николсон. — Но подозрение, каким бы серьезным оно

ни было, еще не доказательство. Даже Сиран заслуживает суда.

— Господи боже мой! — взорвался Фарнхолм. — Неужели вы не понимаете, что все эти старомодные англосаксонские представления о честной игре и справедливости хороши только в надлежащее время и в надлежащем месте? А сейчас для них не подходит ни время, ни место! На кону наше выживание!

— Я знаю, — ответил Николсон. — Сирану все это чуждо, он не узнал бы крикетную биту, даже если бы увидел. Вернитесь на место, бригадный генерал, будьте так добры. Мне вовсе не плевать на безопасность людей на шлюпке. Боцман, разрежь бросательный трос на три части и займись этими типами. Если узлы окажутся чересчур тугими, ничего страшного.

— Вот как? — Бывший капитан «Керри дансер» вскинул брови. — А если мы откажемся подчиниться такому обращению?

— Да и пожалуйста, — безразлично пожал плечами Николсон. — Я передам пистолет бригадному генералу.

К задаче по обеспечению неподвижности Сирана и двух его матросов Маккиннон подошел весьма ответственно и не отказал себе в мрачном

удовольствии связать веревки как можно крепче. Когда он закончил, у всех троих руки и ноги были стянуты настолько, что они не могли даже пошевелиться, а в качестве дополнительной меры предосторожности боцман привязал концы веревок к кольцевому болту на носу. Фарнхолм больше не бушевал, однако ни от кого не укрылось, что, вернувшись на свое место рядом с мисс Плендерлейт, он устроился между ней и кормой. Так он одновременно мог видеть свою подругу и следить за носом лодки. Карабин он положил на сиденье рядом с собой.

Покончив с делом, Маккиннон вернулся на корму и сел возле Николсона. Достав черпак и мерный стаканчик, он приготовился к раздаче утренней порции воды, но вдруг повернулся к старпому. Несколько пассажиров пока еще переговаривались меж собой — после подъема солнца над горизонтом желание поболтать у всех отобьет напрочь, — так что тихий голос боцмана не был слышен уже с двух футов.

— До Дарвина очень далеко, сэр, — начал он исподволь.

Николсон вяло пожал плечами и улыбнулся, хотя с лица его не сходила хмурая озабоченность.

— И ты, боцман? Возможно, мое решение оши-

бочно. Нисколько не сомневаюсь, что Сиран так и не предстанет перед судом. Но убить его я не могу, пока еще нет.

— Он просто выжидает удобного случая, сэр. — Маккиннон тоже был озабочен. — Он убийца. Вы слышали рассказ бригадного генерала.

— В том-то и дело, что слышал. — Старпом мрачно кивнул, взглянул на Фарнхолма, затем на боцмана и уставился на свои руки. — Я не поверил ни единому его слову. Он врал от начала до конца.

Солнце катилось по восточному горизонту, подобно огромному пылающему шару. В течение часа разговоры полностью смолкли, и люди вновь замкнулись в скорлупе отстраненного равнодушия, каждый в своем личном аду жажды и боли. Один бесконечный час сменял другой, раскаленное светило поднималось все выше и выше в пустую блеклую синеву безветренного неба, а шлюпка оставалась такой же неподвижной, как и на протяжении предыдущих дней. Николсон, впрочем, понимал, что за это время они на много миль продвинулись к югу благодаря существующему одиннадцать месяцев в году южному течению от пролива Банка до Зондского, пускай даже человеческий глаз и не замечал какого-либо

движения относительно окружающей водной поверхности.

Равным образом не наблюдалось движения и на борту шлюпки. Солнце стремительно приближалось к зениту, и теперь даже малейшее напряжение сил изнуряло людей до крайней степени, их тяжелое дыхание с пронзительным свистом вырывалось через совершенно высохший рот и растрескавшиеся, покрытые волдырями губы. Питер поначалу вертелся и разговаривал сам с собой на одному лишь ему понятном языке, однако по мере того, как зной и влажный воздух становились все более мучительными и удушливыми, его активность и болтливость убывали, и в конце концов малыш угомонился. Он неподвижно лежал на коленях у Гудрун, глубокомысленно созерцая ее ясные голубые глаза. Постепенно веки у него налились свинцом, и он заснул. Николсон протянул руки, предлагая девушке передать ему мальчика и самой немного отдохнуть, но она лишь улыбнулась и покачала головой. Внезапно старпом осознал, чуть ли не с благоговением, что она улыбается почти всегда, когда говорит. Ладно, пусть не всегда, вот только он никогда не слышал от нее жалоб и не видел на ее лице недовольного выражения. Мужчина заметил, что

Гудрун как-то странно на него смотрит, выдавил ответную улыбку и отвернулся.

То и дело с боковых сидений по правому борту доносились приглушенные голоса. О чем могли разговаривать бригадный генерал и мисс Плендерлейт, оставалось только гадать, но темы для бесед они находили, и предостаточно. В паузах между разговорами они просто сидели и смотрели друг другу в глаза, и Фарнхолм неизменно держал Плендерлейт за тонкую исхудалую руку. Два-три дня назад их поведение казалось Николсону немного забавным, он мысленно представлял себе бригадного генерала в дни давным-давно минувшей молодости, безупречно одетого во фрак с гвоздикой в петлице, с волосами и усами смоляно-черными настолько же, насколько сейчас они были снежно-белыми, и как его дожидается кеб, пока сам он стоит возле служебного входа в какой-нибудь театр. Но теперь Николсон больше не находил в этом ничего смешного. Картина выглядела безмятежной и трогательной: эдакие преданные друг другу пожилые супруги, смиренно встречающие конец, но при этом совершенно не испытывающие страха.

Николсон медленно обвел взглядом лодку. Со

вчерашнего дня практически ничего не изменилось, разве что пассажиры выглядели гораздо слабее, гораздо изнуреннее прежнего — они даже не находили сил перебраться в хоть какое-то подобие тени, которое можно было отыскать на шлюпке. Люди достигли предела. И для понимания, что большинство из них от безучастности до безжизненности действительно отделяет лишь самая малость, не надо было обладать какими-либо медицинскими познаниями. Некоторые настолько увязли в своем апатичном состоянии, что им пришлось заставлять себя подниматься для получения полуденной порции воды, а один-двое и вовсе проглотили ее с трудом. Еще сорок восемь часов — и большинство пассажиров будут мертвы. У Николсона все еще имелся секстант, и потому он мог довольно точно определять координаты шлюпки: сейчас они находились недалеко от маяка Нордвахтер, милях в пятидесяти строго к востоку от Суматры. Если в течение следующих суток не поднимется ветер или не пойдет дождь, то потом будет уже не важно, изменится как-то погода или нет.

Но имелась и хорошая новость, хоть и единственная, — о здоровье капитана. Сразу же после рассвета Файндхорн пришел в сознание и теперь,

сидя на поперечном сиденье, зажатый между двумя скамьями, определенно был полон решимости оставаться в ясном уме. Файндхорн даже мог внятно говорить, насколько это вообще возможно с пересохшей от жажды гортанью, и совсем не кашлял кровью. Хотя за прошедшую неделю он сильно сбавил в весе, вид у него был куда здоровее, нежели за все время после ранения. Если бы Николсон не видел своими глазами, он ни за что не поверил бы, что человек с пулей, засевшей в легком или грудной стенке, способен пережить тяготы миновавшей недели, да еще без медицинского ухода и лекарств. Однако в способность капитана полностью восстановиться собственными силами ему не верилось. Как-никак Файндхорн почти достиг пенсионного возраста, и у него, насколько знал старпом, не оставалось ни жены, ни семьи — абсолютно ничего, ради чего стоило жить. Тем поразительнее казалось выздоровление капитана и его мужество. И тем печальнее было видеть это, поскольку, несмотря на всю его титаническую волю, он по-прежнему оставался очень больным человеком, конец которого наверняка уже близок. Возможно, его поддерживало чувство долга, а может, что-то еще. Сложно сказать, что именно, а

то и вовсе невозможно. Николсон и сам слишком устал, чтобы о чем-то размышлять. Все это уже не имеет значения. Он закрыл глаза, давая им отдых от неистового искрящегося блеска моря, и тихо заснул под полуденным солнцем.

Проснулся он оттого, что кто-то пил воду, но не ту жалкую порцию нагревшейся солоноватой жидкости, которую Маккиннон выдавал трижды в день, — нет, это были судорожные, жадные глотки в полный рот, с бульканьем и плеском, словно пили из ведра. Сначала Николсон решил, что кто-то прикончил оставшиеся запасы, но тут же увидел, что это не так. На скамье возле мачты сидел Синклер с ковшом в руках. Сосуд этот был довольно большой, восемь дюймов высотой, и воды в него вмещалось много. Запрокинув голову, молодой солдат как раз вливал в себя последние капли.

Старпом одеревенело поднялся на ноги, осторожно пробрался между распростертыми на скамьях телами и забрал у паренька ковш. Тот даже не сопротивлялся. Николсон поднял ковш над головой, дождался, пока в рот ему не стечет пара ленивых капель, и поморщился, почувствовав едкий соленый вкус. Морская вода. Не то чтобы он сомневался в этом изначально. Солдат уставился

на него округлившимися безумными глазами, демонстрируя жалкое подобие неповиновения. За ними с выражением осоловелого безразличия наблюдали с полдесятка человек. Им было плевать. Кто-то из них наверняка видел, как Синклер зачерпывает ковшом из моря и потом пьет, но никто не потрудился его остановить. Какое там, даже окликнуть не потрудились. А может, они вообще решили, что идея не так уж плоха. Николсон покачал головой и посмотрел на паренька.

— Синклер, это была морская вода, да?

Солдат молчал. Рот у него скривился в попытке выдавить какие-то слова, но из этого ничего не получилось. Паренек не мигая таращился на старпома выпученными глазами, сумасшедшими и пустыми.

— Ты выпил полный ковш? — не отставал от него Николсон, и на этот раз солдат все-таки ответил — выдал дрожащим голосом на грани визга пространную матерную тираду.

Какое-то время старпом лишь молча взирал на него сверху вниз, затем устало пожал плечами и отвернулся. Синклер привстал с банки и потянулся за ковшом, но Николсон с легкостью его оттолкнул. Парень грузно плюхнулся обратно на сиденье, спрятал лицо в руках, оперевшись

локтями на колени, и медленно покачал головой. Поколебавшись, старпом вернулся на свое место на корме.

Миновал полдень, солнце прошло зенит, и жара усилилась еще больше. На шлюпке воцарилась полная тишина, мертвая тишина; даже Фарнхолм и мисс Плендерлейт прекратили перешептываться и погрузились в беспокойный сон. А потом, в самом начале четвертого, когда, наверно, даже самые стойкие решили, что никогда им уже не выбраться из этого бесконечного преддверия ада, неожиданно произошла перемена.

Сама по себе не очень большая, перемена эта была настолько же кардинальной, насколько и внезапной — и все же столь слабой, что изнуренный рассудок поначалу ее даже не уловил или же не понял всей ее значимости. Первым это изменение заметил Маккиннон, заметил и осознал его смысл. Он резко выпрямился на сиденье и, зажмурившись от яркого солнечного света, отраженного морем, осмотрел горизонт с севера на восток. А затем потряс Николсона за плечо.

— В чем дело, боцман? — спросил старпом, едва раскрыв глаза. — Что случилось?

Маккиннон ничего не ответил, он просто сидел и смотрел, лишь его растрескавшиеся, изъязв-

ленные губы растянулись в счастливой улыбке. Николсон непонимающе уставился на него: поначалу ему показалось, что в конце концов Маккиннон тоже тронулся умом, но потом он понял.

— Ветер! — выдавил он слабым, надтреснутым шепотом, однако по его лицу, уже ощущающему первые робкие порывы ветра чуть прохладнее недавнего удушающего зноя, было понятно, что он чувствует. Как и Маккиннон, старпом немедленно окинул взглядом север и восток, после чего в первый и последний раз в своей жизни хлопнул улыбающегося боцмана по спине. — Ветер, Маккиннон! И облака! Видишь? — Он указал на северо-восток, где из-за горизонта уже показался край синевато-фиолетовой тучи.

— Вижу, сэр. Даже сомневаться не стоит. И уж точно они идут в нашу сторону.

— А ветер постоянно усиливается. Чувствуешь? — Николсон потряс спящую медсестру за плечо. — Гудрун! Просыпайтесь! Просыпайтесь!

Девушка пошевелилась и открыла глаза:

— Что случилось, Джонни?

— Для вас — мистер Николсон, — произнес он с напускной строгостью, но тут же радостно улыбнулся. — Хотите увидеть самое чудесное

зрелище в жизни?

В ясных голубых глазах мисс Драхман отразилось смятение, и Николсон снова улыбнулся, без труда угадав ход ее мыслей.

— Туча, дурочка вы эдакая! Чудесная-расчудесная туча! Разбудите капитана, пожалуйста!

На пассажиров шлюпки новость произвела поразительное воздействие, преобразив их до невероятности. Через пару минут все уже бодрствовали, вертелись на местах, с предвкушением поглядывали на северо-восток и оживленно переговаривались. Впрочем, не все: Синклер демонстрировал полнейшее безразличие, лишь сидел да таращился на дне лодки. Но он был единственным исключением. Остальные же ощущали себя так, словно получили помилование после вынесения смертного приговора, — и это было не так уж далеко от истины. Файндхорн распорядился выдать всем дополнительную порцию воды. Между тем длинная полоса туч заметно приблизилась. Ветер еще более усилился и обдавал прохладой лица пассажиров. К ним снова вернулась надежда, жизнь снова стоила того, чтобы жить. Николсон смутно осознавал, что царящее возбуждение и всплеск физической активности были исключительно нервными и психологиче-

скими по своей природе и что люди, сами того не понимая, растрачивали последние остатки сил — и любое разочарование, если внезапная удача опять отвернется от них, будет равнозначно новому смертному приговору. Однако подобный поворот событий представлялся маловероятным.

— Ну как, долго нам еще ждать? — поинтересовался бригадный генерал.

— Сложно сказать. — Старший помощник вгляделся в небо на северо-востоке. — Может, часа через полтора, может, даже раньше, если ветер покрепчает. — Он посмотрел на капитана. — А вы что думаете, сэр?

— Раньше, — кивнул Файндхорн. — Ветер определенно усиливается.

— «Прохладу дождей… я несу истомленным цветам»[15], — торжественно продекламировал второй механик и довольно потер руки. — Вместо «цветов» подставляем «Уиллоби». Дождь, дождь, славный дождь!

— Пока еще рановато считать цыплят, Уилли, — предупредил его Николсон.

— Что вы имеете в виду? — обеспокоенно вскинулся Фарнхолм.

---

[15] Notes: 15
П. Б. Шелли. Облако. Перевод К. Бальмонта.

— Лишь то, что тучи необязательно означают дождь, — как можно мягче ответил старпом. — То есть не сразу.

— Уж не хотите ли вы сказать, молодой человек, что лучше нам не станет?

Только один пассажир на шлюпке называл Николсона «молодым человеком».

— Разумеется, нет, мисс Плендерлейт. Облака выглядят густыми и плотными, так что как минимум мы получим укрытие от солнца. Но что нас с капитаном по-настоящему интересует, так это ветер. Если он усилится и не будет меняться, то уже ночью мы достигнем Зондского пролива.

— Тогда почему вы не поднимаете паруса? — продолжал волноваться Фарнхолм.

— Потому что я думаю, что дождь, скорее всего, будет, — терпеливо объяснил старпом. — Нам потребуется какое-то средство для сбора и переливания воды в чашки, ковш и во все остальное, что только можно использовать. К тому же ветер пока слабый, мы и двух футов в минуту на таком не будем делать.

После этого почти целый час никто не заговаривал. С осознанием того, что спасение не наступит немедленно, как решили было многие, отчасти вернулась прежняя апатия. Но лишь отчасти.

Надежда возродилась, и отказываться от нее люди не намеревались. Никто и не думал засыпать или хотя бы закрывать глаза — все взгляды были обращены на облака, которые уверенно надвигались на правый борт, все более темнея и увеличиваясь в размерах. Наблюдение за тучами всецело увлекло пассажиров, и, возможно, именно поэтому они не обращали внимания на Синклера, пока не стало слишком поздно.

Первой его состояние заметила Гудрун Драхман. Она торопливо, насколько позволяли силы, поднялась и двинулась к пареньку. Глаза у него закатились так, что остались одни белки, зубы стучали как в лихорадке, лицо побелело как мел, и его всего конвульсивно трясло. Когда девушка подошла к нему и мягко, почти умоляюще позвала его по имени, солдат вскочил на ноги и оттолкнул ее. Споткнувшись, Гудрун повалилась на бригадного генерала. Прежде чем кто-либо опомнился и успел что-то сделать, Синклер разорвал на себе рубашку, швырнул ее в приближающегося Николсона и выпрыгнул за борт. В воду он врезался плашмя, и взметнувшейся тучей брызг окатило всю шлюпку.

На протяжении нескольких секунд никто даже не шелохнулся. Все произошло так стремительно,

так неожиданно, как будто только померещилось. Однако опустевшая скамья в лодке и разбегающаяся рябь на стеклянной поверхности моря отнюдь не были плодом воображения. Николсон замер на месте, сжимая в руке порванную рубашку. Гудрун так и осталась сидеть возле Фарнхолма, снова и снова бессмысленно повторяя: «Алекс, Алекс…» А затем справа от кормы раздался еще один всплеск, на этот раз не такой громкий: за пареньком нырнул боцман.

Этот звук разом вывел Николсона из оцепенения. Схватив багор, он быстро повернулся в сторону борта, встав коленом на скамью. Свободной рукой он почти машинально достал из-за пояса пистолет. Багор предназначался для Маккиннона, пистолет — для солдата. Паническая хватка утопающего — штука сама по себе скверная, а уж чего можно ожидать от тонущего безумца, одному лишь богу известно.

Синклер бултыхался футах в двадцати от шлюпки, а Маккиннон, только что показавшийся на поверхности воды, плыл к нему решительно, но неуклюже (поскольку плавание не входило в число его достоинств, как и у большинства шотландцев), когда Николсон заметил нечто, от чего его охватила ледяная дрожь. Он тут же

с размаху выкинул вперед багор, ударив им по воде в нескольких дюймах от плеча боцмана, и тот инстинктивно схватился за древко и повернулся с выражением полнейшего непонимания на загорелом лице.

— Назад, назад! — закричал старпом. Даже в этом состоянии, близком к панике, он поразился, насколько охрип его голос. — Ради бога, живее!

Маккиннон неспешно двинулся обратно к шлюпке, однако не по собственному желанию: он по-прежнему держался за багор, который Николсон лихорадочно подтягивал к себе. Все с той же едва ли не комической недоуменной миной на лице боцман обернулся через плечо на барахтающегося в воде паренька, уже удалившегося на тридцать футов от шлюпки, снова посмотрел на старпома и открыл было рот, как вдруг пронзительно завопил от боли. Через мгновение он снова вскрикнул, а затем, загадочным образом подстегнутый к сумасшедшей активности, неистово устремился к лодке. Ему понадобилось всего пять исступленных гребков, чтобы достичь борта, и с полдюжины рук немедленно втащили его в лодку головой вперед. Маккиннон врезался лицом в поперечное сиденье, и едва лишь его ноги поднялись над водой, как от икры отцепи-

лась какая-то змееобразная тварь и бесшумно скользнула обратно в море.

— Что… Господи, что это было? — дрожащим голосом спросила Гудрун, успевшая заметить ужасные зубы на зловещей голове гадины.

— Барракуда, — бесстрастно ответил Николсон, старательно избегая смотреть на девушку.

— Барракуда! — с ужасом прошептала та. Ей явно доводилось слышать об этих самых прожорливых морских убийцах. — Но Алекс! Алекс! Он же там! Мы должны помочь ему, немедленно!

— Мы ничего не можем поделать. — Николсон не хотел отвечать так резко, но осознание собственной беспомощности уязвляло его гораздо сильнее, нежели он думал. — И никто уже не может помочь ему.

Не успел он закончить, как до них донесся надрывный вопль Синклера. Страшный крик, получеловеческий, полузвериный, затем еще один, и еще, исполненный какого-то дикого, необъяснимого ужаса. Солдат конвульсивно бился в море, то выпрыгивая над поверхностью всем туловищем, то изгибаясь спиной назад так, что едва не касался затылком воды, вспененной от его неистовых ударов кулаками по незримому врагу. Кольт в руке Николсона грохнул шесть раз под-

ряд, взбивая фонтанчики и облако брызг вокруг паренька, — быстрые неприцельные выстрелы, по видимости совершенно бессмысленные. Их даже можно было бы назвать небрежными, все, кроме самого первого: в том выстреле небрежность отсутствовала напрочь, поскольку он попал Синклеру прямо в голову. Южный ветер еще не успел развеять запах пороха и сизые струйки дыма, а волнение на воде уже полностью улеглось, и солдат бесследно исчез, скрывшись под синевато-стальным зеркалом моря.

Двадцать минут спустя синеву эту сменила молочно-белая пена, взбиваемая потоками растянувшегося от горизонта до горизонта тропического ливня.

Прошло около трех часов, и наступило время заката. Солнце полностью скрылось за тучами, невозможно было даже угадать его точное местонахождение, поскольку шквалистые порывы так и продолжали налетать, принося одну сплошную стену дождя за другой, и в сумерках небо по всем сторонам света оставалось свинцово-серым. Ливень не прекращался и продолжал хлестать по незащищенной лодке, однако никого это не беспокоило. Промокшие до нитки, так что тонкая одежда облепляла все тело, дрожащие под холод-

ными струями, люди были счастливы. Несмотря на страшное потрясение от внезапной гибели Синклера, несмотря на осознание трагической бессмысленности его смерти перед самым спасительным дождем, несмотря на все это, они были счастливы. Они были счастливы, потому что инстинкт самосохранения выше всего остального. Они были счастливы, потому что утолили ужасную жажду и вволю напились, потому что дождь охладил их ожоги и покрытую волдырями кожу, потому что им удалось набрать в один из баков почти двадцать литров свежей дождевой воды. Они были счастливы, потому что шлюпка, подгоняемая бризом, уже на многие мили удалилась от места их штилевания и уверенно приближалась к побережью Западной Явы. И они были безумно счастливы — счастливее, чем даже могли себе позволить помечтать ранее, — потому что спасение было не за горами, потому что чудеса все еще случаются, а их мучения наконец-то закончились.

Как всегда, Маккиннон первым разглядел продолговатый низкий силуэт в отдаленном разрыве между шквалами ливня, в двух милях от них. Опасаться приходилось только худшего, неизбежно худшего, поэтому людям потребовались

считаные секунды, чтобы опустить изорванные люгер и кливер, выбить штифт из мачтового бугеля, снять саму мачту и вжаться в дно лодки, чтобы даже с близкого расстояния она казалась пустой дрейфующей спасательной шлюпкой, которую трудно разглядеть в тумане проливного дождя, если вообще кто-нибудь ее заметит. Однако ее заметили, поскольку длинная серая тень изменила курс на перехват шлюпки — и теперь они могли поблагодарить Бога за это изменение курса, поблагодарить зорких наблюдателей, которые каким-то чудом разглядели серую лодчонку на бескрайнем сером фоне.

Первым, не веря своим глазам, силуэт опознал Николсон, а потом и Файндхорн, и Маккиннон, Ваньер, Эванс и Уолтерс. Подобные корабли они встречали не раз, и потому ошибка исключалась. Это оказался американский торпедный катер, и его невозможно было спутать ни с одним другим судном: вытянутый широкий нос, семидесятифутовый корпус из бакелизированной фанеры, приводимый в движение тремя высокооборотными морскими электродвигателями, счетверенные торпедные аппараты и пулеметы пятидесятого калибра. Взметая высокие гребни вспененной воды, катер приближался на скорости не меньше

тридцати узлов, далеко не максимальной для него. Флага на корабле вывешено не было, однако, словно бы с целью окончательно развеять последние сомнения людей в шлюпке, матрос на катере поднял большое знамя, которое тут же полностью развернулось и забилось на ветру. Даже в сгущающихся сумерках ошибиться было невозможно: как-никак звезды и полосы известны всему миру.

Теперь в шлюпке все сидели не таясь, а двое даже встали и принялись махать катеру. Оттуда им помахали в ответ — один человек с рубки, другой с носовой орудийной башни. Пассажиры уже собирали свои жалкие пожитки, готовясь перебраться на американский корабль, а мисс Плендерлейт накрепко пришпиливала шляпку к волосам, когда катер резко сбавил обороты своих мощных паккардовских моторов, переключил их на задний ход и плавно заскользил буквально в футе от шлюпки, сразу же показавшейся совсем крохотной по сравнению с ним. Еще до полной остановки корабля с него через разделяющую полосу воды перелетели два перебросных троса, аккуратно упав на носу и корме лодки. Подобная скоординированная точность, как и само управление катером, однозначно свидетельствовали

о высококвалифицированной команде. Но вот суда сошлись вплотную, и Николсон взялся рукой за борт катера, другую подняв в приветствии, адресованном появившемуся из-за рубки коренастому мужчине.

— Привет! — широко улыбнулся старший помощник, не опуская руки. — Как же мы рады вас видеть!

— А уж мы-то как вам рады! — На загорелом лице моряка блеснули в улыбке зубы, а затем он сделал едва уловимый жест левой рукой, и три матроса на палубе из любопытствующих наблюдателей разом превратились в предельно настороженных, предельно бдительных стражей, твердо сжимающих в руках невесть откуда взявшиеся пистолеты-пулеметы. В руке коротышки тоже появился пистолет. — Боюсь только, что ваша радость может оказаться гораздо короче нашей. Никому не двигаться, всем понятно?

Николсон почувствовал себя так, будто его ударили под дых. С какой-то отстраненностью он обнаружил, что его рука уже не лежит на борту катера свободно, но напряжена до предела, так что на тыльной стороне руки очерчивается каждое сухожилие. Несмотря на всю выпитую воду, во рту у него вдруг стало сухо, как в печи. Однако

голос его не дрогнул, когда он спросил:

— Это что за шутки?

— Понимаю, понимаю. — Мужчина слегка подался вперед, и Николсон впервые различил явно узкий разрез его глаз, натянутую кожу в их уголках. — Вам-то совсем не до смеха. Ну-ка взгляните.

Он взмахнул свободной рукой, и Николсон посмотрел в указанном направлении. Звездно-полосатый флаг исчез, вместо него поднимался стяг с символом восходящего солнца.

— Какое возмутительное коварство, а? — продолжал японец, забавляясь от души. — Американский катер, и, увы, более или менее англосаксонская внешность его команды. И хотя благодаря последнему обстоятельству нас всех и отобрали для этой миссии, уверяю вас, особой гордости у нас это не вызывает. Но все это так, к слову. — Его произношение было безупречным, с ярко выраженным американским акцентом, и, похоже, ему доставляло удовольствие говорить на английском. — Прошедшая неделя выдалась очень жаркой, да и бурь хватало. Мы переживали, удастся ли вам спастись, и очень долго вас ждали. Потому-то мы так вам рады.

Японец вдруг умолк и, оскалившись, направил

пистолет на Фарнхолма, который с поразительной для человека его возраста стремительностью вскочил на ноги, замахиваясь пустой бутылкой из-под виски. Палец офицера на спусковом крючке непроизвольно напрягся, но затем постепенно расслабился, как только стало очевидно, что удар предназначался вовсе не ему, а ван Эффену. Ощутивший угрозу голландец успел обернуться, но не успел защититься от удара. Импровизированное орудие обрушилось ему прямо над ухом, и он свалился со скамьи словно подстреленный. Японский офицер уставился на Фарнхолма:

— Еще одна подобная выходка, старик, и ты умрешь. Ты рехнулся?

— Нет, это он рехнулся, и из-за него мы все погибли бы. Он тянулся за оружием. — Бригадный генерал гневно взглянул на поверженного ван Эффена. — Я слишком многое пережил, чтобы умереть вот так, с тремя нацеленными на меня пулеметами.

— Ты мудрый старик, — вкрадчиво проговорил японец. — Вы и вправду ничего не можете поделать.

Ничего нельзя поделать, беспомощно осознал Николсон, абсолютно ничего. Его переполняла горечь — до такой степени, что даже чувствова-

лась во рту. Стоило столько пережить, столько преодолеть — преодолеть невозможное, ценой жизни пятерых человек, — чтобы в итоге все вот так закончилось. Старший помощник обернулся, услышав за спиной лопотание Питера. Мальчик стоял на корме и смотрел на японского офицера сквозь решетку из пальцев, не особенно напуганный, скорее смущенный и любопытный. Николсона вновь захлестнула волна горечи, возмущения и отчаяния. С крушением надежд еще можно было бы смириться, но в присутствии малыша поражение ощущалось совершенно нестерпимым.

По сторонам от него сидели медсестры: в округлившихся темных глазах Лены застыл ужас, в голубых глазах Гудрун отражались печаль и отчаяние — в точности его чувства. Страха на лице мисс Драхман не было, однако над виском, где шрам исчезал под волосами, часто пульсировала жилка. Старпом невольно окинул взглядом остальных в шлюпке — все они испытывали те же эмоции: страх, отчаяние, ошеломление, крушение надежд. Впрочем, не все. Сиран, как обычно, сохранял невозмутимость. Зато глаза Маккиннона бегали из стороны в сторону — по шлюпке, затем по катеру и снова по шлюпке,

оценивая, как догадался Николсон, их самоубийственные шансы на сопротивление. Бригадный генерал казался неестественно безучастным: обняв мисс Плендерлейт за худенькие плечи, он что-то шептал ей на ухо.

— Какая трогательная и умилительная сцена! — Японский офицер в притворном сожалении покачал головой. — Увы, джентльмены, увы зыбкости человеческих надежд. Смотрю на вас и сам готов расплакаться. Чего я делать, разумеется, не буду. И без того вот-вот хлынет как из ведра. — Он бросил взгляд на гряду туч, накатывающую с северо-востока, и плотную завесу дождя, не далее чем в полумиле растянувшуюся над темнеющим морем. — И мне решительно не хочется промокнуть до нитки, тем более что в этом нет никакой необходимости. Потому я предлагаю…

— Хватит уже предложений! Думаете, я буду торчать в этой чертовой шлюпке всю ночь? — раздался за спиной у Николсона низкий раздраженный голос.

Старший помощник резко повернулся, и его глазам предстал Фарнхолм, стоящий в полный рост с тяжелым саквояжем в руке.

— Что… Что вы делаете? — нахмурился старший помощник.

Бригадный генерал бросил на него взгляд, но ничего не ответил, лишь скривил верхнюю губу под седыми усами в вялом презрении — усмешка, надо признать, получилась настоящим шедевром. Затем он повернулся к японцу и, ткнув большим пальцем в сторону Николсона, проговорил:

— Если этот идиот попробует отколоть какую-нибудь глупость или как-то помешать мне, пристрелите его.

Старший помощник недоверчиво посмотрел на него и перевел взгляд на японского офицера. Вот у того на лице не было заметно не то что недоверия, но даже и тени удивления, лишь довольная ухмылка. Он что-то затараторил на языке, Николсону совершенно непонятном, и Фарнхолм бегло ответил ему на том же языке. И не успел старпом толком осмыслить происходящее, как бригадный генерал достал из саквояжа пистолет и двинулся к борту шлюпки с сумкой в одной руке и оружием в другой.

— Этот джентльмен сказал, что они нам рады, — снова усмехнулся он, глядя на Николсона. — Боюсь только, что он подразумевал меня одного. Желанного и, как видите, почетного гостя. — Фарнхолм повернулся к японцу: — Блестящая работа!

И награда за нее будет достойной.

Он опять перешел на непонятный язык, видимо японский, и их разговор затянулся на пару минут. Затем Фарнхолм вновь повернулся к Николсону. По палубе торпедного катера застучали первые тяжелые капли шквального ливня.

— Мой друг предлагает вам подняться на борт в качестве пленных. Но мне удалось убедить его, что вы слишком опасны и вас следует расстрелять на месте. Мы с ним спустимся вниз, чтобы в комфортных условиях обсудить способ вашего устранения. — Следующие его слова предназначались японскому офицеру: — Пришвартуйте шлюпку за кормой. С их безрассудством я бы не советовал держать их у борта. Идемте же, друг мой, укроемся от дождя. Ах, одну секунду, где же мои манеры! — Он насмешливо поклонился. — Капитан Файндхорн, мистер Николсон, мое почтение! Спасибо, что подбросили. Вы оказали мне неоценимую услугу, столь точно доставив меня к месту встречи со старыми друзьями.

— Чертов предатель! — разгневанно выпалил старпом.

— О, юный голосок наивного патриотизма прорезался. — Фарнхолм досадливо покачал головой. — Мир жесток и безжалостен, сынок. Как-то

нужно зарабатывать себе на жизнь. — Он издевательски помахал рукой. — Au revoir! Приятно было с вами пообщаться.

Мгновение спустя он скрылся из виду, и дождь хлынул ослепляющей пеленой.

Глава 12

На протяжении долгого времени никто из пассажиров ничего не говорил и даже не шевелился, не считая слабого покачивания на волнах вместе со шлюпкой. Словно не замечая начавшегося холодного дождя, люди непонимающе, тупо смотрели на то место, где только что стоял Фарнхолм.

Впрочем, долгим это время могло лишь показаться, и, возможно, на самом деле после ухода бригадного генерала прошло всего несколько секунд, когда Николсон вдруг осознал, что мисс Плендерлейт обращается к нему по имени и что-то говорит. Однако шипение дождя на поверхности моря и исступленный стук капель по палубе торпедного катера заглушали голос пожилой дамы до невразумительного шепота. Николсон нагнулся к ней поближе, и ее вид немедленно завладел всем его вниманием, несмотря на потрясение от предательства Фарнхолма. Мисс Плендерлейт сидела на скамье по правому борту с чопорной осанкой, чинно сложив руки на коленях, со спокойнейшим выражением лица — с таким видом она могла бы восседать в гостиной

своего дома, если бы не одно обстоятельство: глаза ее были полны слез, и две из них прямо сейчас медленно скатились по морщинистым щекам и упали ей на руки.

— Что такое, мисс Плендерлейт? — мягко спросил старший помощник. — В чем дело?

— Отгоните лодку подальше назад, — повторила старушка, невидяще глядя вперед, как будто обращаясь вовсе не к Николсону. — Как он и сказал. Назад, немедленно.

— Не понимаю. — Николсон покачал головой. — Зачем нам…

Он осекся на полуслове, ощутив весьма болезненный удар по затылку чем-то твердым и холодным. Повернувшись, старпом увидел поблескивающее под дождем гладкое желтое лицо японца, ткнувшего его стволом автомата.

— Молчать, англичанин! — Этот тип говорил на английском несравнимо хуже своего офицера и выглядел по-настоящему опасным, только и выжидающим малейшего повода пустить в ход оружие, что слегка покачивалось у него в руках. — Молчать всем! Я вам не верю. Убью!

— Вы слышали, что я сказала. — Голос мисс Плендерлейт прозвучал твердо и четко, без малейших признаков дрожи. — Пожалуйста.

Японец повел автоматом, прицелившись ей в голову, и десяток пар глаз уставились на указательный палец его правой руки, побелевший от напряжения. Губы японца растянулись в мерзкой улыбочке. Николсон знал, что большинству его соотечественников для убийства потребовался бы куда меньший повод. Однако мисс Плендерлейт лишь смотрела на пулеметчика без всякого выражения — впрочем, почти наверняка она его и не видела, — и тот вдруг, что-то раздосадованно вскрикнув, опустил оружие и шагнул назад. Затем он привлек внимание другого вооруженного моряка — третьего с собой вниз увел офицер — и жестом дал ему понять, что закрепленный на носу шлюпки швартов нужно перенести на корму катера. Николсон и Маккиннон вытравили трос, и шлюпка начала смещаться вдоль борта корабля назад и очень скоро оказалась у него за кормой, на буксире длиной в два фатома. Оба японских моряка встали бок о бок на полуюте с автоматами на изготовку. Глаза их жадно перебегали с одного пленника на другого, выискивая малейший подвох — хоть что-нибудь, способное послужить им предлогом открыть огонь.

Между тем катер вновь пришел в движение, двигатели были запущены на самый малый, од-

нако этого оказалось достаточно, чтобы придать ему скорость в три-четыре узла. Корабль взял курс на северо-восток, против волн и прямо в стену дождя, столь плотную, что в сумраке нос катера был уже практически не виден со шлюпки. Сама шлюпка на натянутом тросе уже начинала испытывать килевую качку, пока не сильную.

Мисс Плендерлейт сидела спиной к дождю и конвоирам. Даже если она по-прежнему плакала, определить это было сложно, поскольку поля ее соломенной шляпки успели насквозь пропитаться дождем, и теперь мокрым у нее было все лицо. Однако глаза старушки прояснились, и направлены они были прямо на Николсона. Он посмотрел на нее, и тогда она скосила взгляд на карабин, лежащий там, где его оставил Фарнхолм, потом снова подняла глаза на старпома и прошептала:

— Не смотрите и не обращайте на меня внимания. Им меня слышно?

Николсон хмуро уставился вперед на катер и покачал головой, едва заметно, а для японских моряков и вовсе неуловимо.

— Вы видите оружие? За моей сумкой?

Николсон скользнул рассеянным взглядом по ее скамье и снова отвернулся. Из-за холщово-кожаной сумки, в которой пожилая дама

хранила вязанье и прочее свое добро, торчала пятка приклада карабина. Оружие Фарнхолма, которое он столь эффективно использовал против… Старшего помощника вдруг захлестнула волна воспоминаний обо всех случаях, когда бригадный генерал стрелял из этого карабина, обо всех пораженных им целях: как он взорвал орудие на подводной лодке, как отбил атаку «зеро», поливающего огнем шлюпку, как он спас его, Николсона, жизнь на берегу островка. И ему тут же стало ясно, что дезертирство и предательство Фарнхолма абсолютно со всем этим не вяжутся, что не может человек так внезапно и полностью измениться…

— Так вы видите? — настойчиво повторила мисс Плендерлейт.

Ее слова вывели старшего помощника из задумчивости, и он тут же взял себя в руки и медленно, очень осторожно кивнул. Приклад находился всего в футе от его руки.

— Карабин взведен, — спокойно продолжила мисс Плендерлейт. — Фостер сказал, из него сразу можно стрелять.

На этот раз Николсон не смог сдержаться и изумленно посмотрел на нее. Он поморгал под потоками ливня, чтобы попытаться разглядеть

выражение лица почтенной леди, а уже в следующее мгновение напрочь позабыл о ее существовании и приподнялся с сиденья, уставившись вперед, в то время как рука его машинально метнулась к оружию.

Даже с расстояния около пятидесяти футов взрыв прогремел оглушительно, а воздушная волна ощутилась как удар невидимой руки по лицу. Из огромной дыры в правом борту торпедного катера вырвались языки пламени и повалили клубы дыма, и пожар немедленно охватил всю среднюю часть корабля. Японские моряки, которым теперь стало не до пленников, стремительно развернулись к огню, но один из них потерял равновесие из-за ударной волны и споткнулся. Он отчаянно замахал руками, пытаясь устоять на палубе, и выронил оружие, а потом и вовсе свалился за корму в море. Второй успел сделать пару шагов вперед да так и рухнул ничком, сраженный насмерть выстрелом Николсона. Его тело еще не коснулось палубного настила, а Маккиннон с топором в руке уже бросился к носу лодки и одним яростным ударом по планширу перерубил туго натянутый буксирный трос. Не мешкая, старший помощник что есть силы толкнул румпель на правый борт, и шлюпка медленно развернулась

на запад, в то время как торпедный катер продолжал идти против волн в северо-восточном направлении и уже через полминуты полностью скрылся в пелене дождя и быстро сгущающейся темноте — исчезло даже высоко взметнувшееся над мостиком пламя.

Быстро, в странном молчаливом единодушии моряки поставили мачту и подняли люгер и кливер, и шлюпка понеслась через ливень и полумрак со всей скоростью, какую только можно было выжать из дырявых парусов, едва не зачерпывая через левый планширь воду. Николсон держал курс норд-тень-вест: когда на торпедном катере оправятся от потрясения и потушат пожар — все-таки даже столь мощный взрыв вряд ли мог полностью вывести из строя корабль подобных размеров, — они бросятся на поиски лодки, но искать почти наверняка будут на юго-западе, в направлении, куда дует ветер, где находится Зондский пролив и где беглецов ждет свобода.

Прошло пятнадцать долгих минут — пятнадцать минут, на протяжении которых лишь бились о корпус волны, хлопали на ветру потрепанные паруса, скрипели блоки да постукивала рея о мачту. Время от времени кто-нибудь собирался заговорить, порассуждать о причине

взрыва на борту торпедного катера, однако один лишь вид фигурки с прямой как жердь спиной и в нелепой соломенной шляпке, пришпиленной к узлу седых волос, сразу отбивал желание к дискуссии. Было нечто в атмосфере, нечто в самой фигурке, ее осанке, безразличии к холоду и дождю, нечто в ее пылкой гордости и полнейшей беспомощности, что пресекало досужую болтовню, пресекало вообще любые разговоры.

Мужество сделать первый шаг, равно как и такт не уязвить пожилую женщину, нашлись у Гудрун Драхман. Держа на руках завернутого в одеяло мальчика, она осторожно встала и по перекошенным доскам настила перебралась к пустующему месту рядом с мисс Плендерлейт — к месту, которое ранее занимал бригадный генерал. Николсон наблюдал за девушкой, невольно затаив дыхание. Уж лучше бы она не вмешивалась. В такой ситуации запросто можно было допустить ошибку, да почти невозможно было не допустить. Однако Гудрун действовала безупречно.

Минуту-другую они просто сидели, девушка и старуха, сидели неподвижно и молча. А потом Питер, еще толком не проснувшись, вытянул из намокшего одеяла пухленькую ручку и коснулся влажной щеки мисс Плендерлейт. Та вздрогну-

ла и полуобернулась. Улыбнувшись, она взяла мальчугана за руку, а в следующее мгновение, наверное даже не отдавая отчета в своих действиях, пересадила его к себе на колени и обняла своими тонкими руками. Обняла крепко, однако малыш, как будто уловив что-то неладное в общем настроении, лишь сонно пошевелился и сосредоточенно посмотрел на нее из-под полуопущенных век. Затем улыбнулся ей, так же сосредоточенно, и старушка снова стиснула его в объятиях, еще даже крепче, и снова улыбнулась. То была улыбка надломленной души, но все же улыбка.

— Почему ты села рядом со мной? — спросила мисс Плендерлейт. — Ты и малыш — почему? — Голос ее звучал очень тихо.

— Не знаю. — Гудрун покачала головой, словно бы впервые задумавшись о своем мотиве. — Просто не знаю.

— Ничего, зато я знаю. — Почтенная леди взяла мисс Драхман за руку и улыбнулась ей. — Это очень любопытно, это действительно очень любопытно… То, что ты это уловила, я имею в виду. Ведь он сделал это ради тебя — тебя и малыша.

— Вы хотите сказать…

— Фостер Неустрашимый. — Несмотря на несу-

разность этих слов, мисс Плендерлейт произнесла их, словно молитву. — Фостер Неустрашимый Фарнхолм. Так мы его называли. Еще когда учились в школе. Он не боялся ничего, что существует на земле.

— Вы знали его так давно, мисс Плендерлейт?

— Он говорил, что ты лучшая из всех нас. — Мисс Плендерлейт даже не услышала вопроса. Она задумчиво покачала головой, и глаза ее потеплели при воспоминании. — Днем он все подначивал меня насчет тебя. Говорил, что не понимает, куда смотрят молодые люди нынешнего поколения, и что, будь он лет на тридцать моложе, уже давным-давно отвел бы тебя к алтарю.

— Очень мило с его стороны. — Гудрун улыбнулась без тени смущения. — Но ведь он меня почти не знал.

— Так он и сказал, именно так и сказал. — Мисс Плендерлейт осторожно вытащила большой палец мальчика у него изо рта: малыш снова засыпал. — Фостер всегда говорил, что образование, конечно же, очень важно, но в действительности особой роли не играет, потому что ум гораздо важнее. Но и ум значит не так уж много, потому что важнее всего все-таки здравый смысл. И он сказал, что понятия не имеет, есть ли у тебя обра-

зование, ум или здравый смысл, да и ерунда все это, потому что даже слепой увидит, что у тебя доброе сердце, а важнее доброго сердца в нашем мире ничего нет. — Старушка вновь улыбнулась, и ее скорбь несколько развеялась в ностальгических воспоминаниях. — Фостер частенько сетовал, что добросердечных людей вроде него уже почти не осталось.

— Бригадный генерал Фарнхолм был очень добрым, — прошептала Гудрун.

— Бригадный генерал Фарнхолм был очень умным человеком, — мягко поправила ее мисс Плендерлейт. — Достаточно умным, чтобы… Впрочем, ладно. Ты и малыш. Мальчика он тоже очень любил.

— «А в ореоле славы мы идем из мест святых, где был наш дом!»[16] — пробормотал Уиллоби.

— Что-что? — удивленно посмотрела на него пожилая дама. — Что вы сказали?

— Ничего, мисс Плендерлейт, просто в голову пришло.

Она улыбнулась ему, а потом лишь сидела и смотрела на мальчугана. Вновь воцарилось молчание, но на этот раз сочувственное. В конце

---

[16] Notes: 16

У. Вордсворт. Отголоски бессмертия по воспоминаниям раннего детства. Перевод Г. Кружкова.

концов его нарушил капитан Файндхорн, заговорив впервые за долгое время и озвучив тот самый вопрос, ответ на который всем так хотелось узнать:

— Если нам и суждено вернуться домой, то этим мы все будем обязаны бригадному генералу Фарнхолму. Уверен, никто из нас этого не забудет. Вы сказали нам, почему он это сделал, мисс Плендерлейт. И вы, похоже, знали его лучше любого из нас. Можете рассказать, как он это сделал?

— Расскажу, — кивнула мисс Плендерлейт. — Все очень просто, потому что Фостер был очень простым и прямым человеком. Вы же видели кожаный саквояж у него в руке?

— Разумеется, — улыбнулся капитан. — Тот самый, в котором он держал свои… хм, свои припасы.

— Совершенно верно, виски. Кстати говоря, алкоголь Фостер не переносил и использовал его только для маскировки. Как бы то ни было, он оставил все бутылки и прочее содержимое сумки на том маленьком острове, в углублении в скале, если не ошибаюсь. А потом он…

— Что? Что вы сказали? — подал голос ван Эффен, еще не совсем пришедший в себя после удара по голове. Слишком сильно наклонившись

вперед на скамье, он поморщился от боли в раненой ноге. — Бригадный генерал оставил… свои вещи на острове?

— Именно это я и сказала. Что тут удивительного, мистер ван Эффен?

— Нет-нет, ничего удивительного. — Голландец отодвинулся назад и улыбнулся: — Продолжайте, пожалуйста.

— На этом, собственно, все. Той ночью он нашел на берегу уйму японских гранат и штук пятнадцать положил в свой саквояж.

— В саквояж? — Николсон похлопал по сиденью рядом с собой. — Но они лежат под этой скамьей, мисс Плендерлейт.

— Фостер нашел больше, чем показал вам. — Ее голос звучал совсем тихо. — И все эти гранаты он взял с собой на катер. С его знанием японского языка ему не составило труда убедить японцев, будто списки Яна Беккера попали к нему. И когда они потребовали показать документы, Фостер просто сунул руку в саквояж и выдернул из гранаты чеку. Он сказал, что это займет всего четыре секунды.

Той ночью на небе не было ни луны, ни звезд — лишь темные, несущиеся сплошной массой тучи, и Николсон час за часом вел шлюпку

исключительно по наитию. Ранее на корпусе компаса треснуло стекло, вследствие чего почти весь спирт испарился, и картушка вертелась столь неудержимо, что разобрать деления на ней в слабеющем луче фонаря представлялось совершенно невозможным. Поэтому старший помощник шел в бейдевинд, чтобы ветер всегда задувал слева по корме, делая при этом ставку на постоянство пассата или, по крайней мере, на незначительность его возможного изменения. Но даже с этим допущением управление шлюпкой требовало усилий, поскольку через расщепленные планки на корме поступало все больше и больше воды, и из-за проседания суденышко то и дело отклонялось на юг.

В течение ночи тревога и напряжение Никольсона возрастали, и это напряжение передавалось большинству остальных пассажиров, из которых спали лишь очень немногие. Вскоре после полуночи, даже по грубой прикидке, шлюпка должна была находиться в десяти-двенадцати милях от Зондского пролива, не дальше, а скорее, гораздо ближе, быть может, и вовсе в пяти милях. И тревога старпома была отнюдь не безосновательной. Имеющаяся у них карта Восточного архипелага практически пришла в негодность,

покрывшись солевыми пятнами и сопрев, однако он более чем отчетливо помнил скалы, рифы и отмели близ юго-восточного побережья Суматры. Но их координаты в его памяти не отложились, да и о точном местонахождении шлюпки оставалось только гадать, — вполне возможно, его широтные расчеты были настолько ошибочны, что они вообще промахнутся мимо Зондского пролива. Шансы вспороть днище о какой-нибудь прибрежный риф нисколько не уступали шансам благополучно приблизиться к берегу, а пассажиры были так больны, измотаны и изранены, что, если их угораздит разбиться хотя бы в полумиле от суши, половине из них на спасение нечего будет и надеяться. А если даже удастся избежать все подстерегающие опасности, то еще нужно будет подойти к берегу через мощный прибой.

В начале третьего ночи Николсон отправил боцмана и Ваньера на нос в качестве впередсмотрящих. Вести наблюдение вызвалось еще человек пять, но старший помощник раздраженно велел им оставаться на своих местах и для обеспечения максимальной устойчивости залечь как можно ниже на дне лодки. Он мог бы еще добавить, что глаза Маккиннона наверняка лучше всех остальных, вместе взятых, однако озвучивать

это не стал.

Прошло полчаса, и внезапно Николсон ощутил некую слабую перемену. Внезапной была не сама перемена — она происходила вот уже какое-то время, — а ее осознание, обрушившееся на него сродни удару. Он напряженно вгляделся во тьму впереди. Да, менялась длинная низкая зыбь с северо-запада, с каждой минутой становясь короче и круче, а он настолько устал, настолько физически вымотался, вслепую управляя шлюпкой всю ночь напролет, что чуть ли не упустил это явление. Ветер же дул как и на протяжении последних часов, ни усиливаясь, ни ослабевая.

— Маккиннон! — От его хриплого оклика с полдесятка дремавших пассажиров зашевелились и уселись на местах. — Мы идем по отмели!

— Похоже, сэр, вы правы! — прокричал против ветра боцман, не особенно обеспокоенный новостью.

Он стоял в полный рост на мачтовой банке с правого борта и вглядывался вперед, держась одной рукой за мачту, другой прикрывая глаза от дождя.

— Что-нибудь видите?

— Ни черта! Хоть глаз выколи, сэр! — бодро отозвался Маккиннон.

— Продолжайте вести наблюдение. Ваньер?

— Сэр?

Голос четвертого помощника прозвучал воодушевленно и при этом вполне твердо. Еще двенадцать часов назад пребывая на грани нервного истощения, он невероятно быстро оправился, и, судя по всему, силы у него восстановились куда успешнее, нежели у всех остальных.

— Опустите люгер! И как можно быстрее! Не укладывайте, нет времени! Ван Эффен, Гордон, помогите ему!

Шлюпка между тем начала бешено биться на стремительно сокращающихся волнах.

— Так ничего и не видно, боцман?

— Совсем ничего, сэр!

— Развяжите Сирана. И двух его матросов. Пускай перейдут на середину. — С полминуты он дожидался, пока трое неловко перебирались по шлюпке. — Сиран, ты и твои люди садитесь каждый на уключину. Гордон, вы — четвертый. По моей команде вставляете весла и начинаете грести.

— Не этой ночью, мистер Николсон.

— Что-что?

— Все вы слышали. Я сказал «не этой ночью», — последовал холодный и заносчивый ответ. — У

меня руки онемели. К тому же я не испытываю абсолютно никакого желания сотрудничать.

— Брось дурить, Сиран! От этого зависят жизни!

— Только не моя. — В темноте блеснули зубы капитана «Керри дансер». — Я прекрасно плаваю, мистер Николсон.

— Если не ошибаюсь, ты бросил сорок человек умирать? — с более чем очевидным намеком спросил старший помощник.

Во внезапно повисшей тишине предохранитель его кольта щелкнул неестественно громко. Прошла секунда, другая, третья, и затем Сиран звучно вставил уключину в гнездо, взял весло и пробурчал приказ своим матросам.

— Благодарю, — процедил Николсон, после чего повысил голос: — Всем внимание! Насколько я могу судить, мы приближаемся к берегу. Не исключено, что нам встретятся скалы, рифы или сильный прибой. Шлюпка может разбиться или опрокинуться — вероятность этого мала, но все же стоит принять ее во внимание.

«Будет настоящим чудом, если этого не произойдет», — мрачно подумал он.

— Если окажетесь в воде, помогайте друг другу. Цепляйтесь за лодку, весла, спасательные круги

— в общем, за все, что останется на плаву. И что бы ни произошло, держитесь друг друга. Всем понятно?

Последовал нестройный утвердительный гул. Старпом обвел лучом фонаря шлюпку. Насколько можно было различить в хилом желтом свете, все пассажиры бодрствовали, и даже промокшая, бесформенная одежда не могла скрыть напряженность в их позах. Николсон поспешил выключить фонарь: каким бы слабым ни был свет, зрачки из-за него сужались, вследствие чего ухудшалось ночное зрение.

— По-прежнему ничего, боцман? — крикнул он.

— Ничего, сэр! Темно, как… Подождите-ка! — Маккиннон замер, держась за мачту и склонив голову набок.

— Ну что там? — не выдержал Николсон. — Что видно?

— Буруны! Буруны на рифах или прибой! Я слышу!

— Где? Где?

— Впереди! Пока не разглядеть. — (Пауза.) — Кажется, по правому борту!

— Спустить кливер! — распорядился старший помощник. — Ваньер, убрать мачту!

Он навалился на румпель, разворачивая шлюпку против ветра и волн. Лодка слушалась руля крайне неохотно — как-никак в ее кормовой части плескалось по меньшей мере двести литров морской воды, — но в конце концов, даже погруженная в воду и преодолевающая сопротивление волн, по инерции от тяги кливера медленно совершила маневр.

— Вижу! — прокричал Маккиннон с носа. — Справа по корме!

Николсон изогнулся и оглянулся через плечо. Пару мгновений он ничего не различал, даже ничего не слышал, а затем и увидел, и услышал — тонкую белую линию во мраке, длинную непрерывную линию, постепенно исчезающую и появляющуюся вновь, только уже ближе. Прибой, наверняка это прибой, буруны так в темноте не выглядят. Что ж, спасибо и на этом. Николсон снова повернулся к носу:

— Так, боцман, бросайте!

Маккиннон дожидался этой команды с плавучим якорем наготове, держа его за металлический обод горловины. Он закинул приспособление как можно дальше вперед и затем, стоило конусу якоря наполниться водой и начать тянуть, принялся вытравливать трос.

— Весла разобрать!

Маккиннон убрал руль, вставил веретено рулевого весла в стропку и теперь неистово загребал, чтобы сохранять направление шлюпки против волн, пока не станет держать плавучий якорь, — и работа эта была нелегкой, поскольку в темноте волн было не разглядеть и ориентироваться приходилось по задувающему в лицо ветру да смещениям наполненной водой лодки. До него донеслись звуки возни и приглушенные ругательства мужчин, пытающихся высвободить застрявшие весла, а затем металлический лязг весел об уключины.

— Обе на воду! Дружнее, ребята! — скомандовал старпом. — Легче, легче!

В таком мраке он даже не надеялся на слаженную греблю. Лишь бы гребли, а он будет корректировать отклонения рулевым веслом. Николсон быстро оглянулся через плечо. Линия прибоя теперь находилась почти точно за кормой, и до его слуха даже против ветра отчетливо доносился глухой рокот. Возможно, расстояние составляло ярдов пятьдесят, а может, и двести пятьдесят. В темноте было не разобрать.

Николсон повернулся обратно и попытался всмотреться за нос шлюпки, однако в глаза

хлестали соленые брызги и дождь, и ничего не было видно. Зато ветер, похоже, усиливался. Старший помощник сложил ладони рупором и прокричал:

— Как держит якорь, Маккиннон?

— О, все в порядке, сэр. Держит будь здоров!

Несколько фатомов троса плавучего якоря уже туго натянулись, и боцман как раз закончил прокалывать большим ножом прилаженный к якорной веревке мешок с маслом. Отверстий он проделал много, поскольку необходимости в продолжительном вытекании масла не было, и чем больше его окажется на поверхности моря, тем легче лодке будет преодолеть прибой. Маккиннон передал мешок на нос, еще немного вытравил трос и затем накрепко привязал его к мачтовой банке.

Подготовку к высадке успели закончить как раз вовремя. До прибоя действительно оставалось около пятидесяти ярдов, а вовсе не двести пятьдесят, так что к этому моменту шлюпка уже достигла вспененных валов. Медленно и осторожно, со знанием дела, эффективно используя весла, рулевое весло и плавучий якорь, Николсон направил лодку кормой вперед на сглаженный склон волны. Гребцы подняли из воды весла, Мак-

киннон потянул на себя плавучий якорь, и почти моментально суденышко набрало скорость, взмыло вверх и стремительно, ровно и беззвучно понеслось на гигантском вале, закручивающемся на конце и разбивающемся в бурлящую пену. По команде старшего помощника весла снова были погружены в воду, боцман стравил веревку, и лодка внезапно практически остановилась, а потом перевалила через гребень волны и опять помчалась по отмелому взморью в фосфоресцирующей дымке пены и брызг: масло еще не успело распространиться так далеко. Белые воды с обеих сторон опережали их в гонке до суши, поскольку натянутый как струна якорный трос сдерживал шлюпку, одновременно сохраняя ее направление точно на берег. И вот именно тогда, когда худшее, казалось бы, осталось позади, Николсон, напряженно вглядывающийся вперед за корму, увидел нечто, нарушающее однородный пейзаж прибоя. Едва лишь распознав опасность, он издал хриплый предупредительный крик, вот только было уже поздно.

Зазубренная скала — или же то был острый край коралла — распорола днище мчащейся шлюпки от кормы до самого носа. Содрогаясь всем корпусом, лодка резко затормозила, людей,

от неожиданности не удержавшихся на местах, швырнуло вперед на корму, и двое-трое вылетели за борт. А мгновение спустя разбитая шлюпка завалилась набок и опрокинулась, катапультировав в бурлящий прибой всех остальных пассажиров.

О следующих секундах у всех сохранились лишь спутанные, толком не сформировавшиеся воспоминания: как они кувыркались в волнах, глотали соленую воду, поднимались на ноги на галечном мелководье, чтобы тут же оказаться сбитыми прибоем и врезаться в перевернутую лодку, вновь вставали, стараясь удержать равновесие под напором теперь уже отступающих волн, неуклюже брели к берегу и обессиленно, еле дыша, валились на вожделенную сушу.

Николсон выбирался на берег трижды. Первый раз с мисс Плендерлейт. При крушении ее швырнуло прямо на него, и вот так вместе они и вылетели за корму, и вместе же пошли ко дну. Инстинктивно старпом обхватил женщину рукой, а она оказалась чуть ли не вдвое тяжелее, нежели можно было вообразить по ее виду, к тому же обеими руками вцепилась в свою тяжелую сумку и всячески сопротивлялась его стараниям вырвать у нее этот опасный груз

— сопротивлялась с небывалой силой, безумной и самоубийственной, порожденной, несомненно, страхом и паникой. Каким-то образом ему все-таки удалось вытащить мисс Плендерлейт на сушу, причем свой драгоценный багаж она так и не выпустила. Николсон дождался отступления волны и снова бросился в море, чтобы помочь Ваньеру вынести капитана. Файндхорн отказывался от помощи, все повторял, что справится сам, однако из-за ранения и тягот прошедшей недели силы оставили его, ноги не слушались, и он наверняка так и утонул бы, где барахтался, на глубине два фута. Поскальзываясь, спотыкаясь, падая и вновь поднимаясь, старший и четвертый помощники выволокли своего капитана на берег и опустили на гальку вне досягаемости прибоя.

К тому времени на берегу сбилось плотной кучкой уже около десяти человек, чьи смутные очертания во тьме лишь угадывались: кто лежал, кто сидел, кто стоял, задыхаясь, издавая стоны, судорожно отрыгивая морскую воду. Николсон, жадно хватая ртом воздух, начал было проводить быструю перекличку, но не продвинулся дальше первого же имени:

— Гудрун. Мисс Драхман! — Отклика не последовало, только стенания и звуки рвоты. — Мисс

Драхман! Кто-нибудь видел мисс Драхман? Питера кто-нибудь вытащил? — (Молчание.) — Да отвечайте же, ради бога! Питера видели? Маленького мальчика? Хоть кто-нибудь?

Лишь глухой шум прибоя да шуршание отступающих волн о гальку.

Николсон рухнул на колени и вгляделся в силуэты и лица лежащих на берегу. Ни малыша, ни девушки. Старпом вскочил, случайно толкнув кого-то стоящего на пути, и как безумный помчался в море. В воде его тут же сбила накатывающая волна, но через мгновение он, словно кошка, уже снова был на ногах. Всю его усталость как рукой сняло. Кто-то последовал вслед за ним, однако ему было не до выяснения личности.

Взметая брызги, Николсон побежал по воде, но успел сделать лишь шесть размашистых шагов, как что-то больно ударило его по коленным чашечкам. Это оказалась дрейфующая перевернутая шлюпка. Почти парализованный от шока, Николсон по инерции кувыркнулся в воздухе, врезался плечом в киль и плюхнулся плашмя на спину с другой стороны лодки с такой силой, что у него из легких выбило весь воздух. Он снова вскочил и снова побежал, подстегиваемый страхом и невыразимым гневом, подобного которому ему

никогда не доводилось испытывать. Кроме эмоций, Николсона терзала физическая боль в груди и ногах, но все равно он безжалостно гнал себя вперед, словно бы и не жег его огонь в коленях и груди, отчаянно требующей кислорода. Через пару шагов старший помощник опять на что-то наткнулся, на этот раз мягкое и податливое, отскочившее от него спиной назад в набегающую волну. Он поспешно нагнулся, ухватил человека за рубашку и поднял, одновременно стараясь удержаться под напором очередного вала.

— Гудрун?

— Джонни! Ох, Джонни! — Девушка прижалась к нему, и он ощутил, что ее всю колотит.

— Питер! Где Питер? — выпалил Николсон.

— Ох, Джонни! — запричитала она, напрочь утратив привычное самообладание. — Лодка ударилась, и… и…

— Где Питер? — свирепо закричал старпом и неистово затряс Гудрун, впившись пальцами ей в плечи.

— Не знаю, я не знаю! Я… Я не могу его найти!

Мисс Драхман вырвалась из его рук, бросилась в сторону и нырнула в бурлящую воду, доходящую им до пояса. Николсон схватил ее и рывком поднял на ноги. Ваньер — а это именно он побе-

жал за старпомом в море — оказался прямо перед ним, и Николсон толкнул к нему девушку:

— Отведите ее на берег, Ваньер.

— Я не пойду! Не пойду! — Гудрун попыталась высвободиться из рук четвертого помощника, однако у нее уже практически не осталось сил. — Я потеряла его! Потеряла!

— Ваньер, вы меня слышали? — рявкнул старпом и двинулся от берега.

— Да, сэр, — промямлил ему вслед подчиненный и потащил бьющуюся в истерике девушку через прибой.

Снова и снова Николсон нырял во вспененную воду, отчаянно шарил по гальке на дне, снова и снова поднимался на поверхность с пустыми руками. Один раз он решил было, что нащупал малыша, но это оказалась всего лишь пустая сумка. Мужчина остервенело отшвырнул бесполезную вещь и принялся искать чуть подальше, возле потопившего шлюпку коралла. Здесь вода доходила ему почти до плеч, волны с монотонной регулярностью сбивали его с ног, но он продолжал нырять, захлебываясь, снова и снова выкрикивая имя мальчика, словно безумную литанию, — продолжал в непостижимых, нечеловеческих усилиях погружать в море свое

изможденное тело, движимый ужасом и затмевающей рассудок жуткой тоской, неведомой ему доселе тоской, способной разорвать человеческое сердце. После крушения прошло уже две минуты, а то и все три, и даже в своем обезумевшем состоянии старший помощник понимал, что так долго мальчику под водой ни за что не выжить. Он отогнал от себя эту единственную здравую мысль и вновь нырнул во вспененную волну. И снова ничего — ни на галечном дне, ни на поверхности, только ветер, ливень, темнота и грохочущий прибой. А затем сквозь ветер и шум моря он ясно расслышал новый звук.

Справа от него, со стороны берега, примерно в тридцати ярдах, раздался тонкий испуганный плач ребенка. Николсон развернулся и бросился в том направлении, проклиная глубокие воды, из-за которых его неловкий бег казался гротескно замедленным. Снова заплакал ребенок, на этот раз не более чем в дюжине футов от него. Старпом закричал и услышал в ответ мужской голос, а в следующее мгновение оказался рядом с ним — крупным человеком ростом с него самого, держащим высоко на руках малыша.

— Очень рад вас видеть, мистер Николсон. — Слабый голос ван Эффена звучал словно изда-

лека. — Мальчишка в порядке. Возьмите его, пожалуйста.

Старший помощник едва успел перехватить мальчика, как голландец покачнулся и во весь рост рухнул ничком во вспененную воду.

Глава 13

Со всех сторон их окружали джунгли — жаркие, сырые, капающие, испаряющиеся. Высоко вверху сквозь мелкие просветы между переплетающимися ветвями густо обвитых лианами деревьев мелькало серое хмурое небо — то же самое небо, что полностью скрыло рассвет чуть более двух часов назад. Просачивающийся из-за верхушек деревьев свет казался странно нереальным, жутковатым и предвещающим дурное, и навеваемая им атмосфера лишь усиливалась клаустрофобическими зелеными стенами растительности и пенящимися миазматическими болотами по обе стороны от тропы.

Последняя, впрочем, едва ли отвечала своему наименованию. Если говорить о джунглях, свободный проход эта тропа все же предоставляла, и относительно недавно на ее краях явственно поработали топорами и мачете. Однако как путь она в каком-то смысле отличалась вероломностью: то тянулась вперед, сглаженная и утоптанная благодаря постоянному использованию, то внезапно и крайне загадочным образом исчезала,

огибая какой-нибудь гигантский ствол и ныряя в подкарауливающее болото, чтобы невесть откуда появиться через несколько ярдов, снова ровной и твердой.

Николсон и Ваньер, успев вымазаться по пояс в гнилостном зловонном иле, постепенно разработали метод преодоления внезапных разрывов тропы. Довольно быстро им открылось, что вокруг препятствующих болотных участков неизменно был проложен обходной путь, надо было только хорошенько его поискать. К сожалению, на поиски уходило слишком много времени, и при этом первопроходцы зачастую настолько отдалялись от тропы, что набредали на нее вновь лишь по случайности, так что теперь, если обход не бросался сразу же в глаза, они попросту заходили в болото и выбирались на твердую почву на другой его стороне, после чего обязательно делали остановку, чтобы очиститься от впивавшихся в ноги мерзких серых пиявок и ила, хотя от последнего полностью избавиться нечего было и думать. Затем старший и четвертый помощники торопливо, насколько позволял нагоняющий жуть сумрак тропического леса, двигались по извивающейся меж гигантских деревьев тропе дальше — шли и изо всех сил старались игнори-

ровать странные шорохи и шумы, неотступно сопровождающие их с обеих сторон.

Николсон был моряком до мозга костей. На суше он ощущал себя не совсем свободно, что уж говорить о джунглях, и, будь у него хоть какой-то выбор, он ни за что бы не отправился в это путешествие, даже мысли о подобном не допустил бы. Вот только выбора у него не было, абсолютно никакого, — беспощадный факт, ставший ему очевидным вскоре после того, как первые серые признаки рассвета позволили осмотреться, чтобы оценить местонахождение и состояние своих спутников. И то и другое оказалось весьма далеким от обнадеживающего.

Высадились они где-то на яванском берегу Зондского пролива, в глубоко врезающейся в сушу бухте мили две шириной между двумя мысами. Залив окаймлялся узкой полоской галечного пляжа и тропическими джунглями, подступающими едва ли не к самой кромке воды, — густыми, на вид непроходимыми джунглями, которые южнее, на склонах невысоких холмов, смешивались с высоким дождевым лесом. На самих берегах залива не наблюдалось никаких признаков жизни, ни человеческой, ни звериной, только их немногочисленная группа,

сгрудившаяся под жалким укрытием, предоставленным небольшой пальмовой рощицей, да перевернутая шлюпка ярдах в ста от них.

Плавсредство пребывало в крайне плачевном состоянии. Между килем и скуловым поручнем образовалась огромная дыра почти пятнадцати футов длиной, а сам киль был сломан и вывернут из резенкиля. Ремонту шлюпка явно не подлежала: полная конструктивная гибель, как выразились бы страховщики. Таким образом, для людей оставались только джунгли, однако подобный вызов в их нынешнем состоянии был им не по силам.

Капитан Файндхорн, при всем его мужестве, по-прежнему чувствовал себя очень плохо и самостоятельно не смог бы и десяти шагов пройти. Ван Эффен тоже был слаб, к тому же испытывал сильную боль, и его регулярно охватывали приступы надрывной рвоты. Прежде чем Николсону и Маккиннону удалось освободить его покалеченную ногу от осьминога, вцепившегося в нее, пока голландец нес мальчика на берег, он чуть не утонул на отмели, и это наряду с полученным несколько дней назад осколочным ранением бедра и травмой черепа от недавнего удара бутылкой Фарнхолма подорвало его силы и опасно

снизило сопротивляемость организма. У Эванса и Уолтерса от заражения ран распухли руки, и их мучения не ослабевали ни на минуту, в то время как Маккиннон, хоть и не испытывавший особых страданий, сильно припадал на несгибающуюся ногу. Уиллоби пока еще не оправился от истощения, ленивый Гордон скорее был даже вреден, нежели просто бесполезен, а Сиран и двое его матросов если и собирались кому-то помогать, то только самим себе.

Так что только Николсон и Ваньер годились для экспедиции, к тому же старший помощник ясно понимал, что на месте помочь остальным они ничем не смогут. О ремонте шлюпки не было и речи, а с теми немногими инструментами, что у них сохранились после крушения, постройку новой лодки или плота даже замышлять было нелепо. Они оказались на суше, и на суше им и придется оставаться. Однако долго торчать на этом пляже не получится, иначе им грозит голод. Николсон не строил иллюзий насчет возможности продержаться хоть сколько-то на пище, что удастся насобирать с деревьев и кустов, с земли или из-под нее. Знаток джунглей, наверное, сумел бы обеспечить себя здесь пропитанием, но вот что касается их, первая же добыча может их убить.

И даже если они не отравятся, на коре и ягодах тяжелобольные долго не протянут, а без медикаментов и чистых бинтов для инфицированных и гноящихся ран перспектива представлялась весьма мрачной.

Еда, кров, перевязочные средства и лекарства были для них жизненно необходимы, и само по себе все это на них не свалится. Придется отправляться искать помощь. И как далеко она отыщется, в какой стороне, оставалось только гадать. Население северо-западной части Явы, насколько знал Николсон, было не таким уж малочисленным, и где-то в отдалении от берега располагались два или три довольно крупных города. Но — слишком далеко от берега, так что лучше рассчитывать на прибрежные рыбацкие деревушки. Разумеется, вместо помощи они запросто могут столкнуться с враждебностью, а то и с японцами — в гористых краях вроде Явы, поросшей лесами и джунглями, захватчики почти наверняка не станут соваться дальше приморской полосы. Впрочем, подобные перспективы не стоило даже рассматривать: альтернативы у них нет, и все случайные риски, вне зависимости от их серьезности, придется игнорировать. И потому менее чем через час после рассвета старший по-

мощник сунул за ремень автоматический кольт сорок пятого калибра — единственное другое спасенное оружие, карабин бригадного генерала, он оставил Маккиннону — и вместе с Ваньером двинулся в джунгли.

Ярдах в двадцати от берега, у самой границы джунглей, они наткнулись на ясно различимую тропу, тянущуюся с северо-востока на юго-запад. Машинально, даже не переглядываясь, они выбрали юго-западное направление. И, лишь пройдя некоторое расстояние, Николсон осознал, почему же оба свернули именно в эту сторону: в отдаленной перспективе юг воплощал собой окончательное спасение и свободу. Менее чем через полмили пути пляж слева от них, следуя низкому мысу бухты, изогнулся на запад, а затем и северо-запад, однако тропа продолжала идти прямо, через основание выступа суши, и окружающий тропу кустарник сменился дождевым лесом.

Спустя полтора часа после начала путешествия, когда было пройдено три мили, Николсон объявил привал. Они только что преодолели тридцать ярдов водянистого болота, местами доходившего почти до подмышек, и порядком вымотались. Все эти переходы вброд, прямо как

в замедленном движении на экране, для людей, целую неделю ограниченных в воде и практически лишенных пищи, были изнурительным физическим трудом, еще более усугубляемым условиями джунглей, их убийственной влажностью и угнетающей жарой.

Выбравшись на твердую почву, Николсон уселся под толстым стволом дерева и привалился к нему спиной. Как мог, оттер грязь со лба тыльной стороной левой руки — в правой по-прежнему был зажат пистолет — и взглянул на Ваньера, растянувшегося в полный рост рядом на земле. Молодой мужчина лежал, прикрыв предплечьем глаза, и часто и глубоко дышал.

— Наслаждаетесь, четвертый помощник? Готов поспорить, вам и в голову не приходило, что ваш диплом второго помощника окажется приглашением на прогулку по индонезийским джунглям.

Сам того не осознавая, он говорил очень тихо: сами джунгли и все вокруг них дышало враждебностью.

— Да уж, сэр, просто кошмар. — Ваньер пошевелился, издал негромкий стон в ответ на возмущение какой-то ноющей мышцы и затем выдавил улыбку. — Все эти скачущие с дерева на дерево тарзаны из фильмов дают глубоко

ошибочное представление о продвижении по джунглям. Мне уже кажется, что эта тропа бесконечна. А вдруг мы ходим по кругу, сэр?

— Вполне может быть, — кивнул Николсон. — С утра солнца не видно, а из-за проклятой густой листвы даже цвет неба не разглядеть. Теоретически мы можем идти на север, на юг, да хоть на запад — только все это вряд ли. Полагаю, тропа снова выведет к морю.

— Надеюсь, вы правы, сэр, — мрачно, но отнюдь не уныло отозвался Ваньер. Глядя на его худое загорелое лицо с выступающими — теперь даже несколько чрезмерно — скулами и волевым, хотя и покрытым волдырями, ртом, Николсон решил, что за последние несколько дней горнило лишений и испытаний переплавило четвертого помощника в совершенно иную форму, превратив его из слабовольного и нерешительного парнишки в закаленного и твердого мужчину, осознающего свои вновь обретенные силы и внезапно открывшиеся способности. В мужчину, на которого всегда можно положиться.

Несколько минут прошло в тишине, нарушаемой лишь постепенно успокаивающимся дыханием моряков да обильной капелью в листве. Вдруг Николсон замер и предостерегающе

тронул Ваньера за плечо. В этом жесте, впрочем, не было необходимости: четвертый помощник тоже уловил звук и, подтянув ноги под себя, бесшумно поднялся. Они спрятались за деревом и стали выжидать.

Приглушенный шум голосов и мягкие шаги по задернелой почве джунглей становились все отчетливее, сами же люди пока еще были скрыты изгибом тропы ярдах в десяти от моряков. Определить, кто к ним приближается, удастся только в последний момент, но тут уж ничего не поделаешь. Старпом быстро огляделся по сторонам и не обнаружил лучшего места для укрытия. Так что приходилось довольствоваться стволом дерева. Неизвестные — судя по звукам, их было двое — вполне могли оказаться японцами. Даже прикрытый полой рубашки, предохранитель кольта щелкнул неестественно громко. Еще месяц назад Николсон содрогнулся бы от одной лишь мысли стрелять в ничего не подозревающих людей из засады — всего месяц назад…

Внезапно идущие по тропе миновали поворот и оказались на виду. Трое, а не двое, и уж точно не японцы, с облегчением понял Николсон. С облегчением и некоторым удивлением: подсознательно он ожидал встретить если не

японцев, то суматранских туземцев, облаченных, соответственно климату, в минимум одежды и вооруженных копьями или духовыми трубками. Но нет, двое из них были в джинсах и выцветших синих рубашках. Окончательно же предвзятое представление старпома развеяла винтовка, которую нес самый старший из островитян. Впрочем, это нисколько не поколебало твердость, с какой он держал пистолет. Николсон выждал, пока до троицы не осталось несколько шагов, и вышел на середину тропы, направив ствол кольта в грудь человеку с винтовкой.

Вооруженный отреагировал весьма быстро: на мгновение замерев как вкопанный, он разок моргнул из-под соломенной шляпы своими карими глазами в сеточке морщин и, обхватив левой рукой ствол винтовки, вскинул ее вверх. Однако молодой мужчина рядом с ним оказался еще проворнее: его жилистая рука метнулась в сторону и остановила винтовку прежде, чем та успела принять горизонтальное положение. Пожилой с удивлением и гневом воззрился на попутчика, и тот бросил пару резких слов. Мрачно кивнув, самый старший опустил оружие, так что его дуло едва не уперлось в землю. Затем он что-то тихо сказал молодому, который тоже кивнул и враж-

дебно посмотрел на Николсона, хотя гладкое лицо его и выражало спокойствие.

— Begrijp U Nederlands?

— Голландский? Прошу прощения, не понимаю. — Старший помощник пожал плечами и быстро велел Ваньеру: — Четвертый помощник, заберите винтовку. Подходите сбоку.

— Английский? Говорите на английском? — произнес молодой мужчина медленно, с запинками. Какое-то время он не сводил с Николсона подозрительного взгляда, хотя уже и не враждебного, а затем поднял глаза чуть повыше и неожиданно растянулся в улыбке. Что-то протараторив пожилому, островитянин снова обратился к Николсону: — Я говорить отцу, вы англичане. Я знать такую шляпу. Конечно, вы англичане.

— Эту? — Старпом прикоснулся к кокарде на своей форменной фуражке.

— Да. Я жить в Сингапуре… — мужчина махнул рукой куда-то на север, — почти два года. Часто видеть английских офицеров с кораблей. Почему вы здесь?

— Нам нужна помощь, — выложил начистоту Николсон. Первым его побуждением было поюлить, убедиться, что им ничего не угрожает, однако нечто в спокойных темных глазах моло-

дого мужчины заставило его передумать. Да и не в том они положении, чтобы юлить. — Наш корабль утонул. У нас много больных и раненых. Нам нужны кров, еда, лекарства.

— Отдайте винтовку, — вдруг потребовал молодой островитянин.

— Верните им винтовку, четвертый помощник, — не колеблясь распорядился Николсон.

— Вернуть? — настороженно переспросил Ваньер и опустил взгляд на винтовку. — Но откуда вы знаете…

— Я не знаю. Отдайте им. — И с этими словами старпом убрал кольт себе за ремень.

Ваньер неохотно протянул винтовку пожилому мужчине в соломенной шляпе, и тот схватил ее, прижал к себе обеими руками и отвернулся к лесу. Смерив его раздраженным взглядом, молодой островитянин сконфуженно улыбнулся Николсону.

— Вы должны извинить моего отца, — принялся он сбивчиво объяснять. — Вы ранить его чувства. У него не забирают винтовку.

— Почему?

— Потому что Триках есть Триках, никто не смеет. — В интонации мужчины различались любовь и гордость и одновременно веселье. — В

нашей деревне он самый главный.

— Так он ваш вождь?

Старший помощник взглянул на пожилого с пробудившимся интересом. Возможно, от этого человека, уполномоченного принимать решения за все поселение, обладающего правом оказывать помощь или же отказывать в ней, зависели жизни ожидающих на берегу. Присмотревшись внимательнее, Николсон различил на морщинистом смуглом лице, сейчас мрачном и неулыбчивом, властность и уверенность, характерные для какого-нибудь вожака племени или старосты деревни. Внешне же Триках очень походил на своего сына и юношу, стоящего чуть позади них, — наверное, младшего сына. У всех троих был низкий широкий лоб, умные глаза, изящные точеные губы и тонкий орлиный нос. Какие-либо негроидные черты отсутствовали напрочь, и происхождение этих островитян почти наверняка было чистокровным арабским. От таких можно ожидать помощи, решил про себя Николсон, не испытывая, впрочем, твердой уверенности в этом.

— Он наш вождь, — кивнул молодой. — А я — Телак, его старший сын.

— Меня зовут Николсон. Скажи своему отцу,

что у меня много больных англичан, мужчин и женщин, на пляже в трех милях к северу. Нам необходима помощь. Спроси его, поможет ли он нам.

Телак повернулся к отцу и с минуту пересказывал ему просьбу на трескучем отрывистом языке. Получив ответ, он поинтересовался у моряков:

— Сколько больных?

— Пять мужчин по меньшей мере. Еще есть три женщины — сомневаюсь, что долгий путь им под силу. Сколько миль до вашей деревни?

— Миль? — Телак улыбнулся. — Десять минут идти. — Он снова заговорил с отцом, который несколько раз кивнул, выслушивая его, после чего отдал младшему сыну краткое распоряжение. Юноша, судя по всему, повторил наказ, а затем широко улыбнулся Николсону и Ваньеру, быстро развернулся и помчался назад по тропе.

— Мы поможем вам, — объявил старший сын. — Мой брат отправился в деревню за сильными мужчинами и носилками для больных. А мы пойдем к вашим друзьям.

Он повел их прямо в джунгли, выглядящие совершенно непроходимыми, и вокруг болота, которое моряки совсем недавно с таким трудом преодолевали вброд, — и меньше чем через мину-

ту все четверо снова оказались на тропе. Ваньер перехватил взгляд Николсона и усмехнулся:

— Чувствуешь себя полным дураком, правда? Так легко, если знать как.

— О чем говорит ваш друг? — не понял Телак.

— Говорит, жаль, что вас не было с нами раньше, — объяснил старший помощник. — Большую часть времени мы бродили по пояс в болоте.

Триках издал вопросительный возглас и в ответ на пояснения сына что-то пробурчал себе под нос. Телак вновь широко улыбнулся:

— Отец говорит, ноги в лесу намочит только дурак да младенец. Только он забывает, что к лесу нужно привыкнуть. — Мужчина снова улыбнулся. — Забывает тот раз, единственный раз, когда сел в автомобиль. Когда машина поехала, он от страха выпрыгнул наружу и сильно ушиб ногу.

Пока мужчины шли в просачивающемся сквозь джунгли зеленоватом свете, Телак разговорился вовсю. Он ясно дал понять, что они с отцом ни в коем случае не поддерживают Англию. Так же как и Голландию или Японию. Они поддерживают лишь Индонезию, объяснял он, и хотят, чтобы их страна принадлежала только им самим. Тем не менее, если по окончании войны придется вести переговоры о независимости Индонезии,

они предпочли бы общаться с англичанами или голландцами. Японцы много разглагольствовали о дружбе, но, стоило им зайти в страну, покидать ее уже не собирались. По словам островитянина, они призывали индонезийцев к сотрудничеству — так это звучало на словах, но быстро продемонстрировали, что если не получат своего по-хорошему, добровольно, то добьются этого по-плохому — штыками и пулеметами.

Николсон бросил на него удивленный и одновременно встревоженный взгляд:

— Здесь есть японцы? Значит, они уже высадились у вас?

— Высадились, — мрачно подтвердил Телак и указал на восток. — Англичане и американцы все еще сражаются, но долго они не продержатся. Милях в ста отсюда японцы уже захватили с десяток городов и деревень. У них есть… как же это называется… Гарнизон. Да, у них гарнизон в Бантуке. Довольно крупный, под командованием полковника. Полковника Кисеки. — От одного лишь упоминания этого имени мужчину словно пробрало холодом. — Он не человек. Зверь, зверь из джунглей. Хотя звери в джунглях убивают только при необходимости. А Кисеки оторвет руку человеку — и даже младенцу — так же бес-

печно, как дети отрывают крылья мухам.

— И далеко этот город от вашей деревни? — осторожно осведомился Николсон.

— Бантук?

— Да, в котором гарнизон.

— В четырех милях, не дальше.

— В четырех милях! И вы укроете нас — укроете столько человек в каких-то четырех милях от японцев! Но что произойдет, если…

— Боюсь, долго у нас оставаться вы не сможете, — угрюмо перебил старпома Телак. — Мой отец Триках говорит, что это будет опасно. Опасно для вас, опасно для нас. На острове полно шпионов, да еще кое-кто из местных доносит за награду — такие есть даже среди нашего народа. Японцы схватят вас, а моих родителей, братьев и меня отвезут в Бантук.

— В качестве заложников?

— Так они говорят. — Телак печально улыбнулся. — Вот только заложники никогда не возвращаются домой. Японцы очень жестокие. Поэтому мы вам и помогаем.

— На сколько мы сможем остаться?

Мужчина быстро посовещался с отцом и ответил Николсону:

— Пока не станет опасно. Мы дадим вам еду,

хижину, где спать, а старухи нашей деревни вылечат любую болезнь. Наверное, вы сможете остаться на три дня, но не больше.

— А потом?

Телак лишь пожал плечами, и после этого они шли по джунглям молча.

Менее чем в ста ярдах от места ночной высадки их встретил Маккиннон. Он бежал, пошатываясь из стороны в сторону, и отнюдь не по причине несгибающейся ноги: глаза ему заливала кровь из рассеченного лба, и старший помощник догадался без подсказки, чьих это рук дело.

Боцман был разъярен и одновременно сгорал от стыда. Винил он одного лишь себя, хотя упрекнуть его, строго говоря, было не в чем. О запущенном в него тяжеленном булыжнике, что лишил его сознания, он только и узнал, когда очнулся и обнаружил этот метательный снаряд возле себя. Уследить одному за тремя попросту невозможно. Остальные же оказались бессильны что-либо предпринять, поскольку скоординированное нападение было тщательно спланировано, а единственное оружие захватил Сиран, когда Маккиннон лежал без чувств. По словам Файндхорна, капитан и матросы «Керри дансер» двинулись на северо-восток.

Боцман рвался в погоню за негодяями, и Николсон, отлично понимавший, что живой и свободный Сиран потенциально опасен вне зависимости от местонахождения, безоговорочно поддержал идею. Однако им решительно воспротивился Телак: начать с того, заявил он, что отыскать беглецов в джунглях будет попросту невозможно, не говоря уже о том, что поиски вооруженного человека, способного где угодно залечь в засаде, представляют собой весьма скорый способ совершения самоубийства. Вняв доводам знатока, старший помощник повел группу на берег.

Спустя два с лишним часа последние носильщики с ранеными вошли в кампонг Трикаха — поселение на расчищенном участке джунглей. Низкорослые и худые, но поразительно крепкие и выносливые, в большинстве своем они проделали весь путь без смены и даже остановки.

Вождь сдержал свое обещание. Старухи промыли и прочистили гноящиеся раны, нанесли на них прохладные успокаивающие мази, прикрыли сверху большими листьями и обмотали полосками материи. После этого всех накормили, и накормили просто великолепно, предложив роскошный выбор еды: цыплят, черепашьи яйца,

разогретый рис, дурианы, раздробленных креветок, ямс, сладкие вареные корешки и вяленую рыбу. Вот только у измученных людей даже голод давно пропал — слишком долго они пребывали на грани истощения и потому не смогли воздать должное предложенному угощению. Да и потом, более всего им требовалась не пища, а сон, и вскоре они уже спали. Не на кроватях, не в гамаках, не на плетеных или соломенных кушетках — всего лишь на кокосовых циновках на подметенном земляном полу. И этого им было достаточно, даже более чем достаточно: для лишенных ночного сна дольше, чем помнилось их расшатанному рассудку, то был сущий рай. Погрузившись в бездну изнеможения, люди спали как убитые.

Когда Николсон проснулся, солнце уже зашло и джунгли объяла ночь. Спокойная, тихая ночь, и спокойные, тихие джунгли. Ни обезьяньих воплей, ни криков ночных птиц, абсолютно никаких звуков жизни. Лишь тишина, спокойствие и темнота. В хижине тоже было тихо и спокойно, но отнюдь не темно — с шестов возле входа свисали две коптящие масляные лампы.

Николсон пребывал в глубоком бесчувственном сне, словно наглотавшись снотворного, и при благоприятных обстоятельствах мог бы проспать

еще много часов. Однако пробуждение его не было естественным. Проснулся он от острой боли, пробившейся даже сквозь морок сна, — странной, непонятной боли, пронзившей его кожу, боли холодной, острой и давящей. Проснулся он с японским штыком у горла.

Штык был длинным, острым и уродливым, его смазанная маслом поверхность зловеще поблескивала в мерцающем свете. По всей длине клинка тянулся насеченный желобок для стока крови, который с расстояния в несколько дюймов выглядел гигантским металлическим рвом, и воображение толком не проснувшегося и ничего не понимающего Николсона немедленно нарисовало ужасные картины резни и сваленных в яму трупов. А в следующее мгновение у него с глаз спала пелена, и взгляд его в нездоровой зачарованности заскользил вверх по блестящему штыку, по стволу винтовки и держащей ее посередине загорелой руке, далее за остов затвора и магазин к деревянному прикладу и другой загорелой руке, потом к подпоясанному серо-зеленому мундиру и лицу под фуражкой, лицу с растянувшимися в улыбке губами, — впрочем, то была и не улыбка вовсе, а звериный оскал, выжидательный и полный ненависти, презрительной злобы,

всецело соответствующих жажде крови в свиных глазках. Перехватив взгляд старшего помощника, японец оскалился еще больше, обнажив длинные собачьи зубы, и сильнее надавил на приклад, так что острие клинка прокололо кожу под горлом. Николсон почувствовал, как на него накатывают волны тошноты, почти как морские. Свет в лачуге вдруг задрожал и потускнел.

Через несколько секунд его зрение постепенно восстановилось. Тот же человек — офицер, на что со всей очевидностью указывал висящий у него на боку меч, — стоял не двигаясь, по-прежнему надавливая штыком ему на горло. Мучительно медленно, стараясь не сместить шею и голову даже на миллиметр, старпом обвел взглядом хижину, и его вновь замутило. Только на этот раз не от штыка, но от горечи и безнадежности, едва ли не физически подступивших к горлу в приступе отчаяния. Офицер был не единственным японцем в помещении. Их оказалось по меньшей мере десять, и все с винтовками со штыками, направленными на спящих людей. В молчаливости, скрытности и неподвижной сосредоточенности солдат было что-то неестественное и жутковатое. Едва лишь у Николсона мелькнула смутная мысль, не суждено ли им всем умереть во сне,

как офицер развеял его надежду и нарушил гнетущую тишину:

— Это и есть та свинья, о которой ты говорил? — Английским офицер владел довольно бегло, хотя и со словарной сухостью, свойственной выучившим язык без общения с его носителями. — Он их главарь?

— Да, это тот самый Николсон, — ответил ему не кто иной, как Телак, чей силуэт вырисовывался на пороге. Голос его звучал отрешенно и безразлично. — Он у них главный.

— Это так? Отвечай, английская свинья!

Японец сопроводил вопрос новым уколом штыка, и Николсон ощутил, что за воротник его рубашки медленно потекла теплая кровь. Он собирался было сказать как есть, мол, старшим у них является капитан Файндхорн, однако немедленно сообразил, что японцы не станут церемониться с тем, кого сочтут руководителем. А Файндхорн в своем нынешнем состоянии определенно не перенесет сурового обращения — даже один-единственный удар может оказаться для него смертельным.

— Да, главный — я. — Старпом поразился, насколько слабо звучит его хриплый голос. Он снова покосился на штык и попытался оценить свои

шансы отбить клинок в сторону. Нет, совершенно безнадежно. Даже если у него получится, десяток других солдат только и выжидают возможности пристрелить его. — Убери эту чертову штуку от моей шеи.

— Ах, ну конечно! Как же я забыл! — Офицер убрал винтовку и, шагнув назад, остервенело пнул Николсона в бок, прямо по почке. — Капитан Ямата к вашим услугам, — вкрадчиво проговорил он. — Офицер японской армии его императорского величества. Впредь следи за тем, как обращаешься к японскому офицеру. А теперь вставай, свинья. — И тут же закричал на всю хижину: — И вы все, вставайте!

Медленно и нетвердо Николсон поднялся на ноги. От ужасной боли в боку у него даже через загар проступила бледность и вновь взбунтовался желудок. По всей лачуге его товарищи, стряхивая с себя густой туман сна, ошеломленно вставали с циновок. Медлительных тяжелобольных и раненых, невзирая на их стоны и крики, поднимали немилосердными рывками и толкали к выходу. С Гудрун Драхман тоже обращались очень грубо. Девушка нагнулась, чтобы завернуть в одеяло все еще спящего Питера и взять его на руки, и разъяренный солдат дернул ее за плечо с такой

силой, что, возможно, вывихнул ей руку, — и все же она, стиснув зубы, не позволила крику боли вырваться наружу. Несмотря на собственные мучения и отчаяние, Николсон вдруг поймал себя на том, что смотрит на девушку и поражается ее терпеливости, мужеству и беззаветной, неослабной преданности, с которыми она на протяжении столь многих дней и бессонных ночей присматривала за мальчиком. Внезапно его охватила безграничная жалость к ней, и он понял, что пошел бы на что угодно, чтобы уберечь Гудрун от новых, еще более страшных горестей и боли, а следом не без удивления признался самому себе, что испытывает к ней чувство, которое, насколько ему помнилось, прежде он питал лишь к Кэролайн. Он знал эту девушку всего десять дней, однако узнал ее так, как не узнал бы большинство других людей и за десять жизней. Напряженность и глубина перенесенных за эти дни испытаний и страданий оказали сильнейшее избирательное воздействие, с беспощадной и обличительной ясностью высветив и увеличив недостатки и достоинства, пороки и добродетели, которые при других обстоятельствах могли бы оставаться скрытыми или пребывать в спячке на протяжении многих лет. Бедствия и лишения

послужили катализатором, четко и безошибочно обозначившим худшее и лучшее, и, подобно Локи Маккиннону, Гудрун Драхман вышла из горнила боли, мучений и величайших тягот во всем своем блеске и непогрешимости. На какое-то мгновение, как ни трудно в это поверить, Николсон совершенно позабыл, где находится, позабыл о горестном прошлом и безнадежном будущем и снова посмотрел на девушку — и впервые признался себе в самообмане, в самообмане умышленном. То чувство, что он испытывал к этой девушке с тихой улыбкой и ужасным шрамом, с кожей словно роза в сумерках и глазами голубизны северного моря, вовсе не жалость и даже не сострадание. А если и было жалостью, то давно уже стало чем-то другим. Николсон медленно покачал головой и улыбнулся про себя — и тут же охнул от боли, получив от Яматы удар прикладом между лопаток. Пошатываясь, он двинулся к выходу.

Снаружи было очень темно, однако Николсон понял, что солдаты ведут их к ярко освещенному большому квадратному дому на другой стороне кампонга, где заседал совет старейшин, — перед сном именно там их и кормили. Разглядел старпом и еще кое-что — смутный силуэт Тела-

ка, неподвижно стоящего во мраке. Не обращая внимания на японского офицера за спиной и на неизбежность очередного наказания, Николсон остановился почти рядом со старшим сыном вождя. Тот даже не шелохнулся, лишь стоял подобно каменному изваянию, будто погрузившись в размышления.

— И сколько тебе заплатили, Телак? — произнес старший помощник чуть громче шепота.

Прошло несколько секунд, а яванец все не отвечал. Николсон весь напрягся в ожидании очередного удара в спину, но такового не последовало. Когда же Телак заговорил, слова его прозвучали так тихо, что моряк невольно подался вперед, чтобы расслышать:

— Мне хорошо заплатили, мистер Николсон.

Он сделал шаг вперед и повернулся, так что свет из входного проема хижины упал на него сбоку. Вся левая сторона его тела — щека, шея, плечо и верхняя части груди — была живодерски искромсана мечом или штыком: невозможно было даже сказать, где заканчивается одна рана и начинается другая. Кровь покрывала весь бок тела несчастного и прямо на глазах у старшего помощника беззвучно капала на утрамбованную почву кампонга.

— Мне хорошо заплатили, — повторил сын вождя безучастно. — Мой отец мертв. Триках мертв. Многие наши люди мертвы. Нас предали и захватили врасплох.

Николсон не сводил глаз с изувеченного Телака, не в состоянии вымолвить ни слова, растеряв все свои мысли. В нескольких дюймах от спины молодого мужчины он заметил японский штык. Даже не один — два. Телак определенно дрался как лев, прежде чем над ним взяли верх. А потом у старпома все-таки появилась мысль — сожаление и потрясение, что этому суждено было случиться, да так скоро, с человеком, который совершенно бескорыстно им помог. И следом за этой мыслью другая — горькое раскаяние в только что брошенных им словах, в ужасно несправедливом обвинении, наверняка послужившем последней крупицей соли на раны скорби и муки Телака. Николсон открыл было рот, однако вместо извинений у него вырвался вскрик боли от удара прикладом между лопаток — и, словно эхо его возгласа, из темноты донесся злобный смешок Яматы.

Подталкивая моряка штыком, японский офицер повел его дальше по кампонгу. Остальных загоняли через четко очерченный прямоуголь-

ник света в дом совета старейшин. Некоторые уже находились внутри, через проем как раз проходила мисс Плендерлейт, за ней следовала Лена, потом Гудрун с Питером на руках, за ними боцман и ван Эффен. Вдруг Гудрун споткнулась обо что-то у самого входа, потеряла равновесие и едва не упала. Конвоир в ярости схватил ее за плечо и грубо толкнул — скорее всего, намереваясь подогнать девушку через проем, однако промахнулся, в результате Гудрун с малышом сильно ударились о косяк. До Николсона отчетливо донесся стук головы — или голов — о твердое дерево, и девушка вскрикнула, а Питер зашелся испуганным пронзительным ревом. Находившийся в нескольких футах от них Маккиннон прорычал что-то неразборчивое — наверно, на родном гэльском, решил старший помощник, — и прыгнул на солдата, толкнувшего Гудрун, однако винтовочный приклад другого японца у него за спиной оказался быстрее, и боцман даже не успел его заметить…

Дом совета, ярко освещенный внутри несколькими масляными лампами, представлял собой просторное помещение с высоким потолком, двадцати футов в ширину и тридцати в длину, с входным проемом посередине длинной стены.

Справа от входа почти во всю ширину комнаты располагался помост старейшин, а позади него в кампонг вел еще один проем. Остальное пространство деревянного строения, напротив и слева от первого входа, занимала голая утрамбованная почва без единого предмета мебели. На ней-то пленников и рассадили тесным полукругом. Всех, кроме Маккиннона. Николсону с его места были видны лишь плечи боцмана, безжизненно раскинутые в стороны руки и затылок с темными курчавыми волосами, безжалостно высвечиваемые яркой полосой света из входа в строение, остальное же тело было скрыто тьмой.

Однако на боцмана старпом взглянул лишь мельком, бдительных же стражей, топчущихся за пленниками и возле входного проема, и вовсе обделил вниманием. В данный момент он во все глаза смотрел на помост, на мужчин на нем, и сокрушался о собственной глупости, блажи и привередливости. О своей беспечности, что и привела их всех — Гудрун, Питера, Файндхорна и остальных — к такому ужасному концу.

На скамеечке на помосте восседал капитан Ямата, а рядом с ним — Сиран. Ухмыляющийся, торжествующий Сиран, не старающийся более скрывать свои эмоции под маской бесстраст-

ности. Капитан «Керри дансер», явно бывший на короткой ноге со скалящимся Яматой, то и дело вынимал изо рта длинную черную сигару и презрительно выпускал в сторону Николсона струю дыма. Старший помощник, в свою очередь, не сводил с него угрюмого немигающего взгляда. Лицо его было напрочь лишено выражения, душа жаждала крови.

Теперь причина появления японцев в деревне стала более чем очевидна, прискорбно очевидна. Сиран лишь притворился, будто двинулся с места высадки на север, — подобную хитрость, с яростью подумал Николсон, мог бы раскусить и ребенок. На деле же, несомненно, беглецы прошли на север совсем немного, затем залегли, дождались ухода носильщиков, проследили за ними, обогнули деревню и отправились в Бантук, где и поставили в известность гарнизон. Сиран просто обязан был поступить именно так, и любой дурак предвидел бы его действия и предпринял меры предосторожности против них. То есть убил бы капитана-работорговца. Но он, старший помощник Николсон, преступно пренебрег этими мерами. Теперь-то он знал, что, выдайся ему такая возможность, он пристрелил бы Сирана без малейших угрызений совести, как

если бы потратил пулю на змею, а то и вовсе на старую консервную банку. Но он подозревал, что такой возможности ему уже не выпадет.

В конце концов медленно и с некоторым усилием, словно бы сопротивляясь действию магнита, старпом оторвал взгляд от лица Сирана и обернулся к сидящим рядом. Гудрун, Питер, мисс Плендерлейт, Файндхорн, Уиллоби, Ваньер — все они находились здесь, все измотанные, больные и страдающие, и почти все спокойные, смирившиеся и даже не испытывающие страха. Мужчину охватила невыносимая горечь. Ведь эти люди доверились ему, доверились всецело, безоговорочно положились на него, чтобы он сделал все возможное и вернул их домой. Доверились ему — и теперь никто из них никогда уже не увидит своего дома… Николсон снова посмотрел на помост. Ямата поднялся на ноги, сунув одну руку за ремень, а другую положив на рукоятку меча.

— Я вас долго не задержу. — Голос его звучал спокойно и четко. — Через десять минут мы отправляемся в Бантук, где встретимся с моим командиром, полковником Кисеки. Ему очень не терпится увидеть всех вас. Дело в том, что сын полковника Кисеки командовал захваченным у американцев торпедным катером, который

отправили на ваши поиски.

У пленников перехватило дыхание, некоторые быстро переглянулись. Заметив их реакцию, японец сухо усмехнулся:

— Отпираться бесполезно. Присутствующий здесь капитан Сиран был свидетелем произошедшего. Полковник Кисеки обезумел от горя. И вы все — все до одного — пожалеете, что родились на свет. Через десять минут, не больше, — продолжал Ямата ровным тоном. — Сначала же нам предстоит одно дело, которое не займет много времени, и потом мы отправимся. — Он снова ухмыльнулся и медленно обвел взглядом сгрудившихся на полу людей. — Итак, наверняка вы не прочь встретиться кое с кем, кого, по вашему мнению, вы знаете, но на самом деле не знаете вовсе. Человек этот — очень хороший друг нашей великой империи, и, нисколько не сомневаюсь, наш великий император изъявит желание поблагодарить его лично. Таиться больше нет необходимости, сэр.

Среди пленников внезапно возникло движение: один из них поднялся, прошел к помосту, что-то бегло произнес на японском и пожал руку Ямате, застывшему в поклоне. С изумлением и недоверчивостью на лице Николсон с усилием

привстал, но под ударом винтовочного приклада в плечо тут же рухнул на землю. Всю руку и шею ему словно охватило пламенем, но он не обращал внимания на боль.

— Ван Эффен! Какого черта вы…

— Не ван Эффен, мой дорогой мистер Николсон, — перебил его тот. — Не «ван», а «фон». Как же мне надоело прикидываться чертовым голландцем! — Он поклонился с едва заметной улыбкой. — К вашим услугам, мистер Николсон. Подполковник Алексис фон Эффен, германская контрразведка.

Какое-то время старший помощник молча таращился на ван Эффена, и остальные разделяли его потрясение; к самопровозглашенному немцу были прикованы все взгляды в доме совета. Ошарашенные люди молча сидели, пытаясь разобраться в происходящем, уяснить изменившуюся ситуацию, и в их памяти одно за другим всплывали происшествия последних десяти дней, и медленно наступало осознание. Бесконечно тянущиеся секунды сложились в минуту, а затем и еще в одну, и больше не осталось робких догадок и растущих подозрений. Была лишь уверенность, холодная как лед уверенность, что подполковник Алексис фон Эффен действительно является

тем, кем себя объявил. Сомнения окончательно развеялись.

В конце концов немецкий контрразведчик нарушил тишину. Чуть повернув голову, он выглянул через проем наружу, затем снова посмотрел на своих бывших товарищей по несчастью. На его лице опять появилась улыбка, однако в ней не различалось ни торжества, ни ликования, вообще никаких признаков удовлетворения. Скорее, наоборот, улыбка была печальной.

— И сейчас, леди и джентльмены, вы узнаете причину всех наших недавних испытаний и лишений, почему японцы — напомню, союзники моей страны — упорно преследовали нас и пытались схватить, хотя запросто могли прикончить. Многие из вас ломали голову, что же такого важного они нашли в нашей крохотной группке спасшихся. Сейчас узнаете.

В помещение вошел японский солдат и, миновав мужчин и женщин на земле, бросил на помост между Яматой и фон Эффеном тяжелую сумку. Обращенные на вещь взгляды пленников в следующее мгновение переместились на мисс Плендерлейт, поскольку это была именно ее сумка. Губы и костяшки сжатых кулачков старушки побелели как мел, глаза у нее были полуприкры-

ты, словно от боли. Однако она не шелохнулась и не произнесла ни слова.

По знаку подполковника солдат взял сумку за одну ручку, сам фон Эффен за другую, после чего оба подняли ее на уровень плеч и перевернули. На землю ничего не упало, зато через раскрытое отверстие холщово-кожаной оболочки вывалилась и повисла прокладка, как будто нагруженная свинцом. Немец взглянул на японского офицера:

— Капитан Ямата?

— С удовольствием, подполковник!

Японец шагнул вперед, вытаскивая меч из ножен. В ярком желтом свете масляных ламп сверкнул клинок, и его остро заточенное лезвие вспороло холщовую подкладку так ровно, словно это была бумага. А в следующее мгновение блеск меча затерялся, утонул, погас в ослепительном, искрометном потоке огня, хлынувшем из сумки и излившемся на землю в переливающуюся и ярко сверкающую горку драгоценных камней.

— У мисс Плендерлейт отменный вкус к безделушкам и побрякушкам. — Немец усмехнулся собственной шутке и осторожно ткнул носком ноги поблескивающую кучу. — Алмазы, мистер Николсон. Полагаю, самая большая коллекция за пределами Южно-Африканского Союза. Их

стоимость чуть менее двух миллионов фунтов.

Глава 14

Негромкий голос фон Эффена смолк, и в доме совета воцарилась тишина, глубокая и гнетущая. Для каждого мужчины и женщины остальные словно бы перестали существовать. Невероятная груда алмазов подле их ног, с варварским великолепием искрящаяся и пламенеющая в подрагивающем свете масляных ламп, производила жутковатое гипнотическое воздействие и пленила всех до единого. Постепенно, однако, Николсон вышел из оцепенения и поднял взгляд на немца. Почему-то он не ощущал горечи и не испытывал к этому человеку враждебности: через слишком многое они прошли вместе, и ван Эффен, под каким именем они его знали, перенес испытания лучше большинства, неизменно оставаясь бескорыстным, надежным и отзывчивым. Воспоминания об этом были еще слишком свежи, чтобы стереться.

— Камни с Борнео, разумеется, — тихонько рассудил старпом. — Вывезли из Банджармасина на «Керри дансер», по-другому никак. Неограненные, полагаю… Так, говорите, стоят два

миллиона?

— Неограненные и черновой огранки, — кивнул фон Эффен. — И это их минимальная рыночная стоимость, за которую можно построить сотню истребителей или пару эсминцев, точно не знаю. В военное время они стоят бесконечно больше для стороны, в руки которой попадут. — Он слабо улыбнулся. — Увы, ни один из этих камешков не украсит пальчики какой-нибудь леди. Только промышленное применение, в алмазных режущих инструментах. Досадно, не находите?

Все по-прежнему молчали, на контрразведчика никто даже не взглянул. Да и смысл его слов едва ли кто уловил, поскольку в тот момент все внимание людей было поглощено столь редкостным зрелищем. И тогда фон Эффен шагнул вперед и взмахнул ногой — и куча алмазов искрящимся каскадом рассыпалась по земляному полу.

— Мусор! Цацки! — презрительно бросил он. — Какой толк в алмазах, во всех когда-либо существовавших драгоценных камнях, если две великие державы вцепились друг другу в глотки, если люди умирают тысячами, сотнями тысяч? Сам я не пожертвовал бы ни единой жизнью, даже вражеской, и за все алмазы Ост-Индии. И все же я принес в жертву множество людей и, бо-

юсь, еще больше подверг смертельной опасности — и все это ради спасения другого сокровища, сокровища бесконечно более дорогого, чем эти вот жалкие камешки у ваших ног. Что значат несколько жизней, если за их счет можно спасти в тысячу раз больше?

— Благородство и возвышенность ваших устремлений всем нам очевидны, — едко отозвался Николсон. — Избавьте нас от дальнейшей риторики и переходите к делу.

— Я как раз к этому и подвожу, — невозмутимо продолжил немец. — Упомянутое мной сокровище находится в этом помещении, с нами, прямо сейчас. Не испытываю ни малейшего желания излишне оттягивать получение этого или добиваться драматического эффекта. — Он протянул руку. — Мисс Плендерлейт, будьте так добры.

Та воззрилась на него в полнейшем недоумении.

— Ох, да бросьте, бросьте. — Фон Эффен прищелкнул пальцами и улыбнулся пожилой леди. — Восхищаюсь вашей игрой, но ждать всю ночь я действительно не могу.

— Не понимаю, о чем вы, — глухо произнесла она.

— Может, вы перестанете отпираться, если

поймете, что мне все известно. — В голосе мужчины не звучало ни злорадства, ни торжества, лишь уверенность да, пожалуй, некоторая утомленность. — Все, мисс Плендерлейт, даже про скромную церемонию в суссекской деревушке восемнадцатого февраля тысяча девятьсот второго года.

— Что вы такое несете, черт побери? — нахмурился Николсон.

— О, она-то знает, не так ли, мисс Плендерлейт? — чуть ли не с сочувствием произнес фон Эффен, поскольку женщина прямо на глазах поникла, впервые позабыв про свою чопорную осанку, а ее морщинистое лицо превратилось в безжизненную маску.

— Да, знаю, — сокрушенно кивнула она и взглянула на старпома. — Это дата моей свадьбы… нашей свадьбы с бригадным генералом Фарнхолмом. Свой сороковой юбилей мы отпраздновали на шлюпке. — Она попыталась улыбнуться, но улыбка на ее губах сразу же увяла.

Николсон уставился на нее, на ее осунувшееся личико, невидящие глаза, и мгновенно понял, что это вовсе не шутка. На него разом нахлынули воспоминания, и многие озадачивавшие его обстоятельства постепенно стали обретать

ясность… Однако фон Эффен заговорил снова:

— Итак, восемнадцатого февраля тысяча девятьсот второго года. Если мне известно это, мисс Плендерлейт, мне известно все.

— Да, вам все известно, — еле слышно прошептала она.

— Пожалуйста. — Подполковник по-прежнему стоял с протянутой рукой. — Вам же не понравится, если солдаты капитана Яматы станут вас обыскивать.

— Не понравится. — Повозившись под своим выцветшим, покрытым солевыми пятнами жакетом, она расстегнула прорезиненный ремень и протянула его немцу. — Полагаю, вам нужно это.

— Благодарю. — Для человека, заполучившего то, что минуту назад он сам называл бесценным сокровищем, лицо фон Эффена почему-то не выражало ни торжества, ни довольства. — Именно это мне и нужно.

Он расстегнул кармашки на ремне, достал из них фотоотпечатки и катушки с фотопленкой и принялся изучать их в свете мерцающих масляных ламп. На минуту дом совета вновь погрузился в тишину, но в конце концов контрразведчик удовлетворенно кивнул и спрятал документы обратно в ремень.

— Надо же, все в целости и сохранности, — пробормотал он. — Столько времени, такое расстояние — и все целое.

— Да что же это такое, черт побери? — раздраженно выпалил Николсон.

— Это? — Фон Эффен бросил взгляд на ремень, который как раз надевал на себя. — Это, мистер Николсон, то, ради чего все было не напрасно. Причина всех действий и страданий последних дней, причина, по которой потопили «Керри дансер» и «Вирому», причина, по которой погибло столько людей. Это то, ради чего мои союзники готовы были пойти на все, лишь бы не дать вам добраться до Тиморского моря. Именно ради этого капитан Ямата и находится здесь, хотя я сомневаюсь, что он сам об этом знает. Это…

— Ближе к делу! — не выдержал старший помощник.

— Прошу прощения. — Немец застегнул ремень. — Здесь содержатся полные и детальные планы намеченного вторжения Японии в Северную Австралию. Зашифрованные, разумеется. Японские шифры практически не поддаются взлому, однако, по сведениям нашей контрразведки, некоему человеку в Лондоне это все же по силам. И если бы кому-то из вас удалось добраться

с этими документами до Лондона, для союзников они оказались бы настоящим подарком судьбы.

— Боже мой! — ошеломленно воскликнул Николсон. — Но откуда они взялись?

— Вот этого я не знаю, — покачал головой фон Эффен. — В противном случае сведения подобной значимости в чужие руки не попали бы, надо полагать. Вдумайтесь, мистер Николсон: планы полномасштабного вторжения с указанными задействованными соединениями, временем, датами, местами — со всеми данными! Да заполучи их англичане или американцы, японцы оказались бы отброшены на три месяца назад, а то и на полгода. А на нынешней ранней стадии войны подобный откат мог бы оказаться для них фатальным, так что вам должно быть понятно их стремление вернуть документы. И что тогда стоят алмазы по сравнению с этими сведениями, а, мистер Николсон?

— Да уж, действительно, — пробормотал тот машинально, мыслями пребывая где-то далеко.

— Но теперь у нас и планы, и алмазы. — В голосе немца по-прежнему отсутствовали нотки торжества. Он вновь коснулся носком ноги кучи драгоценных камней. — Пожалуй, я несколько переусердствовал со своим презрением к ним.

Все-таки они обладают собственной уникальной красотой.

— Действительно. — Физически ощущая во рту горечь поражения, старший помощник все же сохранял на лице бесстрастность. — Фантастическое зрелище, ван Эффен.

— Любуйтесь, пока можете, мистер Николсон, — прорезался сквозь колдовские чары холодный и резкий голос Яматы, разом вернув всех в реальность. Офицер прикоснулся к верхушке горки алмазов острием меча, и посыпавшиеся камни заиграли ярким белым огнем. — Они действительно прекрасны, но красота их открывается лишь тому, у кого есть глаза.

— И что это значит? — вскинулся старпом.

— Лишь то, что полковник Кисеки получил приказ вернуть алмазы и доставить их в целости в Японию. О пленных ничего не говорилось. Вы убили его сына. Вы еще поймете, что я имел в виду.

— Дайте догадаюсь. — Во взгляде Николсона читалось презрение. — Лопата, яма шесть на два фута, а потом выстрел в затылок. Восточная культура — как же, весьма наслышаны.

Ямата скривил губы в подобии улыбки:

— Не так быстро, чисто и легко, уж будьте уве-

рены. У нас своя культура, как вы выразились, и подобная вульгарность нам претит.

— Капитан Ямата. — Фон Эффен смотрел на японца, едва заметно сощурившись, — более никаких эмоций на его лице не угадывалось.

— Да, подполковник?

— Вы… Вы не можете так поступить. Этот человек не шпион, чтобы его расстреливать без суда. Он даже не военнослужащий. Юридически он некомбатант.

— Конечно-конечно. — Капитан не пытался скрыть иронию. — На настоящий момент он виновен всего-навсего в смерти четырнадцати наших моряков и летчика. Страшно даже подумать, какую он учинил бы бойню, будь он комбатантом. К тому же он убил сына Кисеки.

— Не он. Сиран подтвердит.

— Пускай объяснит это полковнику, — пожал плечами Ямата и убрал меч в ножны. — Но все это лишь бессмысленные препирательства. Нам пора, идемте. Скоро прибудет наш грузовик.

— Грузовик? — удивленно переспросил фон Эффен.

— Мы оставили его в миле отсюда, — усмехнулся японский офицер. — Не хотели тревожить ваш сон. В чем дело, мистер Николсон? — вдруг

рявкнул он.

— Ни в чем, — быстро ответил старший помощник. До этого он смотрел через проем наружу, и на его лице невольно отразилось возбуждение, но он был уверен, что успел отвести взгляд к тому времени, когда Ямата заметил его эмоцию. — Грузовика пока нет, и мне хотелось бы задать ван Эффену пару вопросов. — Он надеялся, что его голос прозвучал небрежно.

— Что ж, у нас еще есть минута-другая, — согласился японец. — Может, мне тоже будет интересно. Только быстро.

— Благодарю. — Николсон повернулся к фон Эффену. — Просто ради интереса, кто передал мисс Плендерлейт алмазы и планы?

— Какое теперь это имеет значение? — вяло отозвался тот. — Все это уже в прошлом.

— Пожалуйста, — настаивал моряк. Внезапно стало жизненно важно потянуть время. — Мне и вправду хотелось бы знать.

— Хм, так и быть, расскажу. — Немец окинул моряка любопытным взглядом. — И то и другое находилось у Фарнхолма, причем на протяжении почти всего времени. Могли бы и сами догадаться, раз все это в конце концов оказалось у мисс Плендерлейт. Откуда у него секретные документы, я

не знаю, алмазы же ему передали голландские власти на Борнео.

— Должно быть, они очень ему доверяли, — усмехнулся Николсон.

— Именно. И на то у них имелись все основания. Благонадежность Фарнхолма не подлежала сомнению. Это был бесконечно изобретательный и одаренный человек, и он знал Восток, особенно острова, как никто другой. Нам достоверно известно, что он владел по меньшей мере четырнадцатью азиатскими языками.

— Кажется, вам многое о нем известно.

— Разумеется. Выяснять все возможное о таких людях входит в наши обязанности, не говоря уже о простом человеческом интересе. Фарнхолм был одним из наших заклятых врагов. По имеющимся у нас сведениям, он более тридцати лет проработал в английской секретной службе.

В помещении раздалась пара сдавленных возгласов удивления, люди зашептались. Даже Ямата снова уселся на скамейку и подался вперед, опершись локтями на колени. На его смуглом лице отражался живейший интерес.

— В секретной службе! — Старпом протяжно присвистнул от удивления и недоверчиво потер лоб рукой. На самом деле догадался он об этом

уже минут пять назад, а сейчас, прикрывшись рукой, на какую-то долю секунды бросил взгляд в сторону, через входной проем дома совета. Затем он снова посмотрел на фон Эффена. — Но ведь мисс Плендерлейт говорила, будто несколько лет назад он командовал полком в Малайе.

— Совершенно верно, командовал, — улыбнулся немецкий контрразведчик. — По крайней мере, создавал видимость.

— Продолжайте же, продолжайте! — Капитана Файндхорна тоже увлек рассказ.

— Да продолжать особо и нечего. Японцы и я узнали о пропавших планах уже через несколько часов после кражи. При официальной поддержке японских властей я занялся их розыском. Мы не рассчитывали, что Фарнхолм еще и алмазы с собой возьмет, — с его стороны это был гениальный ход. Камни играли двойную роль: помимо финансовых средств, они служили отвлекающим маневром. Опознай его кто-нибудь под личиной бродяги-алкоголика, он смог бы откупиться. А если бы его в чем-то заподозрили и обнаружили при нем алмазы, то решили бы, будто из-за них-то он и притворяется бездельником и странно себя ведет, и на этом успокоились бы. Наконец, если бы японцы проведали, на каком корабле

он плывет, то, вероятно, из жадности или же естественного желания вернуть столь ценный в военное время товар дважды подумали бы, стоит ли его топить, ведь можно убить двух зайцев одним выстрелом: спасти и планы, и драгоценные камни. Говорю вам, Фарнхолм был гением. Ему просто дьявольски не везло.

— Его надежды не сбылись, — заметил Файндхорн. — Почему «Керри дансер» все-таки потопили?

— Тогда японцы не знали, что он на борту, — объяснил фон Эффен. — Но Сиран знал, и знал с самого начала. Подозреваю, он охотился за алмазами, поскольку некий изменник из голландских чиновников затеял двойную игру и сообщил ему информацию — за обещанную долю добычи, когда Сиран заполучит камни. Разумеется, он не увидел бы ни гульдена. Так же как и японцы.

— Хорошая попытка опорочить меня, — спокойно проговорил Сиран, впервые за весь вечер подав голос. — Камешки ушли бы японцам, нашим добрым друзьям и союзникам. Таково было наше намерение. Мои два матроса не дадут соврать.

— Доказать обратное будет непросто, — безразлично отозвался немец. — Но твое предательство

этой ночью говорит о многом. Не сомневаюсь, хозяева бросят своему шакалу кость. — Немного помолчав, он продолжил: — Фарнхолм заподозрил, кто я такой, лишь в самом конце, когда мы уже несколько дней пробыли в шлюпке. Но мне его подлинная личность была известна с самого начала, вот я и обрабатывал его, даже пил с ним. Сиран несколько раз видел нас вместе и наверняка решил, будто мы с бригадным генералом больше чем друзья, — такую ошибку мог допустить любой. Думаю, поэтому-то он и спас меня, точнее, не выбросил за борт, когда «Керри дансер» тонула. Он был уверен, что мне известно местонахождение алмазов или что я выведал это у Фарнхолма.

— Еще одна ошибка с моей стороны, — сухо признал Сиран. — Надо было просто утопить тебя.

— Надо было. Тогда ты, может, и заполучил бы два миллиона. — Фон Эффен задумался, затем обратился к японскому офицеру: — Скажите, капитан Ямата, не наблюдалось ли за последнее время необычной активности английских военных кораблей в здешних водах?

— Откуда вы знаете? — удивился японец.

— Вероятно, эсминцы? — проигнорировал его вопрос контрразведчик. — Появляются ночью?

— Совершенно верно, — и вовсе поразился Ямата. — Каждую ночь приближаются к Яванскому Лбищу, в восьмидесяти милях отсюда, и перед рассветом отступают, прежде чем успевают прилететь наши самолеты. Но как…

— Подобные действия англичан легко объяснимы. На рассвете того дня, когда была потоплена «Керри дансер», Фарнхолм более часа провел в радиорубке. Почти наверняка он сообщил, как надеется вырваться — на юг через Яванское море. Севернее Индонезии союзнические корабли заходить не осмеливаются — это было бы чистейшим самоубийством. Вот они и патрулируют юг, по ночам подбираясь поближе. Могу предположить, что еще один их корабль дежурит возле Бали. Не пытались разобраться с незваными гостями, капитан Ямата?

— Увы, — безрадостно отозвался японец. — Здесь у нас только один корабль, нашего командира полковника Кисеки. Он быстрый, но слишком маленький — всего лишь баркас, по сути, передвижная радиостанция. В этих местах связь очень плохая.

— Понятно. — Фон Эффен снова повернулся к Николсону. — Остальное очевидно. В какой-то момент Фарнхолм пришел к выводу, что для него

уже опасно носить с собой алмазы, так же как и планы. Планы, полагаю, он передал мисс Плендерлейт еще на «Вироме», а камни — на острове, освободил свой саквояж и наполнил его гранатами… В жизни не встречал человека храбрее.

Помолчав немного, он продолжил:

— Злополучный мулла-отступник таковым и являлся, никакого прикрытия у него не было, и ту историю бригадный генерал сочинил экспромтом, с привычной ему дерзостью обвинив другого в том, чем занимался он сам… И последнее: хочу извиниться перед мистером Уолтерсом. — Контрразведчик слабо улыбнулся. — Той ночью на «Вироме» по чужим каютам шастал не только Фарнхолм. Я провел более часа в радиорубке, пока мистер Уолтерс спал беспробудным сном. Я всегда ношу с собой средства, позволяющие людям полностью отключиться.

Названный моряк ошарашенно уставился на него, затем, припомнив свое состояние на следующее утро, перевел взгляд на Николсона, и тот тоже вспомнил тогдашний внешний вид Уолтерса — помятый, бледный и нездоровый. Радист понимающе кивнул, и немец заговорил снова:

— Я искренне прошу извинения, мистер Уолтерс, но мне пришлось сделать это, чтобы

отправить сообщение. Радист я умелый, однако времени мне понадобилось много. Каждый раз, когда кто-нибудь проходил по коридору, сердце у меня так и замирало. Но в конце концов я справился.

— Курс, скорость и координаты, верно? — мрачно подхватил Николсон. — Плюс требование не бомбить танки с топливом. Вы хотели, чтобы «Вирому» только остановили, так ведь?

— В целом да, — подтвердил фон Эффен. — Хотя я и не ожидал, что японцы подойдут к выполнению задачи с таким усердием. Но не забывайте, что без моего сообщения об алмазах на борту они наверняка разнесли бы танкер в клочья.

— Значит, мы все обязаны вам жизнью, — с горечью отозвался старший помощник. — Что ж, спасибо вам огромное.

На протяжении нескольких напряженных секунд он потухшими глазами, затем осторожно скосил глаза в сторону. Никому и в голову не пришло отследить новое направление его взгляда, потому что для всех этот взгляд был пустым и невидящим. Вот только в действительности он был очень даже видящим — уж сам-то Николсон теперь в этом нисколько не сомневался. За прошедшие минуты Маккиннон переместился, и

переместился дюймов на шесть, а то и на девять, и отнюдь не в судорожных непроизвольных корчах человека, в бессознательном состоянии реагирующего на глубинную боль, но в скрытных, четко скоординированных движениях человека в ясном сознании, сосредоточенного на тихом перемещении по земле, столь тихом, столь бесшумном, с такой неуловимой скоростью, что заметить это мог лишь тот, у кого нервы были напряжены до сверхчувствительности, — а именно в таком состоянии Николсон и пребывал. Ошибки быть не могло: там, где изначально на земле в полоске света из проема лежали голова, плечи и руки боцмана, теперь оставались лишь его затылок с темными волосами да загорелое предплечье. Медленно и безучастно, сохраняя на лице бесстрастную маску, старпом снова перевел взгляд на собравшихся. Фон Эффен между тем продолжал вещать, с любопытством поглядывая на него:

— Как вы уже могли догадаться, мистер Николсон, во время авианалета Фарнхолм прятался в кладовой, поскольку сидел с двумя миллионами фунтов на коленях и не собирался рисковать ни пенсом ради старомодных представлений о мужестве, чести и порядочности. Я же оставался

в столовой, потому что не собирался стрелять в своих союзников, и если вы вспомните тот единственный раз, когда я все-таки выстрелил — а именно в моряка на рубке подводной лодки, — то вспомните и то, что я промахнулся. Очень убедительно промахнулся, как мне показалось. И после первоначальной атаки на «Вирому» ни один японский самолет больше нас не обстреливал — и когда мы садились на шлюпки, и когда отплывали, — потому что я посигналил им фонарем с крыши ходовой рубки. По той же причине не потопила нас и подводная лодка: навряд ли ее капитан получил бы благодарность, вернись он на базу и доложи, что отправил на дно Южно-Китайского моря алмазы стоимостью в два миллиона. — Немец улыбнулся, и опять без всякого веселья. — Наверняка вы помните, что я хотел сдаться подводникам, — вы отнеслись к этому весьма враждебно.

— Почему же тогда нас обстрелял тот истребитель?

— Кто его знает? — пожал плечами фон Эффен. — Может, с отчаяния. К тому же его сопровождал гидроплан, который мог бы подобрать одного-другого спасшегося.

— Кого-то вроде вас?

— Кого-то вроде меня, — кивнул контрразведчик. — Вскоре после этого, в один из ночных штилей, Сиран обыскал мою сумку и понял, что алмазов у меня нет. Я видел его возню, но мешать ему не стал, все равно в ней ничего не было. К тому же это снизило мои шансы получить нож в спину, что произошло с его следующим подозреваемым, бедолагой Ахмедом. Сиран снова не угадал. — Фон Эффен взглянул на того с нескрываемым презрением. — Насколько я понимаю, мулла проснулся, когда ты рылся в его вещах?

— Это был несчастный случай, — беспечно махнул рукой капитан «Керри дансер». — У меня нож соскользнул.

— Жить тебе осталось недолго, Сиран, — произнес немец со странной интонацией, словно оглашая пророчество, и презрительная усмешка на лице предателя постепенно растаяла. — Ты слишком злой, чтобы жить.

— Суеверная чушь! — Улыбка Сирана снова вернулась, и еще даже шире.

— Посмотрим, посмотрим. — Фон Эффен снова перевел взгляд на старшего помощника. — Собственно, на этом все, мистер Николсон. Думаю, вы уже догадались, почему Фарнхолм огрел меня бутылкой, когда к нам подошел торпедный ка-

тер. Он был вынужден, поскольку намеревался спасти ваши жизни. Очень, очень благородный человек. И очень сообразительный. — Мужчина повернулся к мисс Плендерлейт. — Вы, кстати, тоже напугали меня, когда заявили, что бригадир оставил свои вещи на острове. Впрочем, я быстро смекнул, что поступить так он не мог, поскольку вернуться туда у него уже не получилось бы. И следом я догадался, что алмазы и планы у вас. — В его взгляде на женщину читалось сочувствие. — Вы очень отважная леди, мисс Плендерлейт. И не заслуживаете всего этого.

Немецкий контрразведчик умолк, и снова в доме совета воцарилась глубокая и гнетущая тишина. То и дело в беспокойном сне испуганно всхлипывал мальчик, и тогда Гудрун бережно качала его на руках, и он успокаивался и стихал. Ямата с мрачным выражением на своем орлином лице созерцал алмазы под ногами и определенно не спешил с выходом. Почти все пленники глазели на фон Эффена, кто с удивлением, кто с полнейшим недоверием. За спиной у них стояли солдаты, человек десять-двенадцать, все настороженные и бдительные, все с оружием на изготовку. Николсон рискнул в последний раз взглянуть на входной проем, и у него перехвати-

ло дыхание и непроизвольно сжались кулаки. Выход и прямоугольник света за ним оказались совершенно пустыми. Маккиннон исчез. Неторопливо, напустив на себя небрежный вид и беззвучно выдохнув задержанный в легких воздух, Николсон отвернулся — и поймал на себе внимательный взгляд немца. Внимательный и понимающий. В следующее мгновение фон Эффен тоже посмотрел через входной проем — целенаправленно, продолжительно, — а потом снова на старшего помощника. Словно ледяная волна, нахлынуло на моряка ощущение крушения, и в голову ему пришла лихорадочная мысль, успеет ли он вцепиться в горло немцу, прежде чем тот заговорит. Вот только этим он ничего не добьется, лишь отсрочит неизбежное. Даже если убьет его. Впрочем, Николсон понимал, что обманывает себя. У него не было ни малейшего шанса — а если бы и был, даже с целью спасения их жизней он не смог бы причинить вред этому человеку. Ведь он в долгу перед фон Эффеном за жизнь Питера. Той ночью немец запросто мог освободиться и самостоятельно, как-никак осьминог был не таким уж большим. Мог бы бросить мальчика и освободиться обеими руками, однако он продолжал держать ребенка на руках, снося

сущую пытку на ноге… Фон Эффен улыбнулся ему, и старпом понял, что уже слишком поздно пытаться помешать ему заговорить.

— Превосходная работа, не правда ли, мистер Николсон?

Моряк ничего не ответил, зато вышел из задумчивости Ямата.

— Что еще за работа, подполковник? — озадаченно поинтересовался он.

— Ах, да вся операция, — махнул рукой немец. — От начала до конца. — Он неодобрительно усмехнулся, и Николсон почувствовал, как у него застучала кровь в висках.

— Понятия не имею, о чем вы толкуете, — проворчал японец и встал. — Время отправляться. Я слышу шум грузовика.

— Отлично. — Фон Эффен с видимым усилием согнул покалеченную ногу, практически не действующую после нападения осьминога и осколочного ранения в бедро. — На встречу с вашим полковником? Сегодня вечером?

— Менее чем через час, — ответил Ямата. — Сегодня вечером полковник Кисеки принимает у себя в особняке важных начальников и руководителей. Его сын мертв, но долг перемалывает скорбь. Перемалывает, обратите внимание, но не

уничтожает. И вид этих пленников, несомненно, принесет облегчение его опечаленному сердцу.

Николсон содрогнулся. «Кто-то ходит по моей могиле», — подумал он не без иронии. Даже без этого едва ли не садистского предвкушения в интонации японского офицера старший помощник не строил иллюзий насчет уготованной ему участи. На мгновение ему припомнились слышанные им истории о японских зверствах в Китае, но он решительно отмахнулся от подобных мыслей. На краю гибели не стоит отягощать разум всякими ужасами, в этом его единственная надежда. Вот только надежды у него и не осталось. Даже если снаружи ждет Маккиннон — ну что он сможет сделать, кроме как погибнуть? Мысль о том, что боцман попытается сбежать, даже не приходила Николсону в голову. Не такой Маккиннон человек. Тем временем снова заговорил фон Эффен:

— А потом? Когда полковник посмотрит на пленников? Вы приготовили для них жилье?

— Жилье им не понадобится, — грубо отрезал японец. — Разве что похоронная команда.

— Я не шучу, капитан Ямата, — сухо произнес фон Эффен.

— Как и я, подполковник, — отрезал улыбаю-

щийся японский офицер.

Во внезапно нависшей тишине раздался скрип тормозов и краткий рев двигателя грузовика, въехавшего на территорию кампонга. Капитан Файндхорн прочистил горло:

— Капитан Ямата, в нашей группе я главный. Позвольте мне напомнить вам о международных соглашениях на период ведения военных действий. — Голос у него был тихим и хриплым, однако отнюдь не лишенным твердости. — Как капитан британского торгового флота, я требую…

— Молчать! — завизжал Ямата с уродливо исказившимся лицом. В следующую секунду он понизил голос практически до шепота, но этот вкрадчивый шепот пугал даже больше разгневанного крика. — Ничего вы не требуете, капитан. Не в том вы положении, чтобы требовать. Международные соглашения! Ха! Плевать мне на ваши международные соглашения. Они для слабаков, простаков и детишек. А сильный обойдется без них. Полковник Кисеки слыхом не слыхивал о каких-то там соглашениях. Полковник Кисеки знает лишь то, что вы убили его сына. — Офицер весьма убедительно изобразил содрогание. — Мне никто не страшен, но полковника Кисеки я боюсь. Его

все боятся. Он страшный человек, независимо от обстоятельств. Спросите у своего дружка, уж он-то наслышан о нем. — Ямата указал на Телака, стоящего между двумя вооруженными солдатами позади англичан.

— Он не человек. — Весь левый бок Телака густо покрывали длинные раздувшиеся подтеки свернувшейся крови. — Он изверг. Бог накажет полковника Кисеки.

— Ах вот как? — Офицер что-то выпалил на японском, и от сильного удара прикладом по лицу Телак отлетел к стене. — Да, они наши союзники, — промурлыкал Ямата извиняющимся тоном, — но их приходится воспитывать. В частности, они не должны позволять себе плохо отзываться о наших командирах… Как я сказал, полковник Кисеки — страшный человек независимо от обстоятельств. Но теперь, когда его единственный сын убит… — Зловеще понизив голос, он умолк совсем.

— И что сделает полковник Кисеки? — с полнейшим равнодушием поинтересовался фон Эффен. — Разумеется, женщины и дети…

— О, с них-то как раз и начнут, и быстро для них это не кончится. — Капитан Ямата словно обсуждал приготовления к светскому приему в

саду. — Полковник Кисеки — знаток своего дела, художник, с позволения сказать, и для людей менее значительных, вроде меня, наблюдать за его действиями весьма познавательно. Он полагает, что душевные страдания не менее важны, чем физическая боль. — Офицер все больше увлекался затронутой темой, явно находя в ней удовольствие. — Например, основное внимание он будет уделять мистеру Николсону.

— Разумеется, — пробормотал немец.

— Разумеется. Итак, он будет игнорировать мистера Николсона — поначалу то есть. Вместо него он сосредоточится на ребенке. А может, и пощадит мальчика. Не знаю, у него странная слабость к маленьким детям. — Ямата озабоченно нахмурился, затем лицо его прояснилось. — Значит, он возьмется за девушку, которая с огромным шрамом. Сиран рассказал, что она и Николсон очень дружны, если не сказать больше. — Японец задержал взгляд на Гудрун, и выражение лица японца мгновенно пробудило в душе старшего помощника жажду крови. — У полковника Кисеки к дамам особый подход, особенно к молодым: весьма изощренная комбинация ложа из молодого бамбука и пытки водой. Возможно, вы слышали о них, подполковник?

— Слышал. — В первый раз за весь вечер фон Эффен улыбнулся. Улыбку его нельзя было назвать приятной, и Николсона впервые охватил страх, впервые он ощутил уничтожающую реальность полного поражения. Немец играл с ним, играл как кошка с мышкой, садистски оказывая ложную поддержку, на деле же только и выжидая момента ударить. — Да, я действительно слышал об этих средствах. Представление обещает быть крайне интересным. Полагаю, мне позволят наблюдать за этим, хм, празднеством?

— О, вы будете почетным гостем, мой дорогой подполковник, — промурлыкал Ямата.

— Превосходно, превосходно. Как вы сказали, это будет весьма познавательно. — Вяло махнув рукой в сторону пленников, фон Эффен поинтересовался: — Так вы допускаете, что полковник Кисеки будет, хм, допрашивать их всех? Даже раненых?

— Они убили его сына, — сухо напомнил японский офицер.

— И то верно. Они убили его сына. — Немецкий контрразведчик снова посмотрел на англичан, и в глазах его читались лишь суровость и холод. — Но один из них пытался убить меня. Надеюсь, полковник Кисеки не очень расстроится, если

получит на одного меньше?

— Не совсем понимаю… — начал было удивленный Ямата.

— Один из них пытался убить меня, — отчеканил фон Эффен. — Кое с кем из них у меня личные счеты. И я был бы весьма признателен вам, капитан Ямата, если вы позволите мне свести их прямо сейчас.

Японец оторвал взгляд от солдата, собиравшего алмазы обратно в распоротую сумку, и задумчиво потер подбородок. Николсон вновь ощутил, как у него застучала кровь в висках, и ему потребовалось приложить усилия, чтобы успокоить дыхание. Он сомневался, что кто-либо еще понимает суть происходящего.

— Полагаю, это наименьшее, на что вы имеете право… А мы вам очень многим обязаны. Вот только полковник… — Внезапно с лица Яматы исчезли сомнение и неуверенность, и он улыбнулся. — Ну конечно! Вы же старший офицер союзной армии. Ваш приказ…

— Благодарю вас, капитан Ямата, — перебил его немец. — Считайте, что вы его получили. — Он резко развернулся, стремительно проковылял к пленникам, наклонился и схватил Гордона за грудки. С яростью подняв свою жертву на ноги, он

процедил: — Я долго этого дожидался, крысеныш. Давай-ка прогуляемся.

Не обращая внимания на сопротивление Гордона, его искаженное от ужаса лицо и бессвязные выкрики о невиновности, фон Эффен отволок стюарда на свободное пространство в задней части дома совета, как раз напротив входного проема, и грубо швырнул его на землю возле стены хижины. Распластанный почти в полный рост, с выражением безумной паники в каждой черточке своей уродливой физиономии, Гордон вскинул руку в жалкой защите.

Ненадолго оставив свою жертву, немец прохромал к стоящему на помосте старейшин японскому солдату, который под одной мышкой держал личную винтовку, а под другой — карабин Фарнхолма. С небрежной уверенностью человека, не ожидающего встретить ни вопросов, ни сопротивления, фон Эффен бесцеремонно вырвал у японца карабин, убедился, что оружие полностью заряжено, переключил его на автоматический режим огня и проковылял обратно к Гордону, лежащему возле стенки. Неестественно выпучив глаза, тот лишь тихонько подвывал да судорожно втягивал в себя воздух — и это были единственные звуки в помещении. Все взгля-

ды были обращены на этих двух мужчин: кто смотрел с жалостью, кто с гневом, кто с предвкушением или же полным непониманием. На лице Николсона не отражалось никаких эмоций, и то же самое можно было бы сказать и о лице Яматы, однако его выдавал кончик языка, медленно блуждающий по губам. Тем не менее никто из присутствующих не произнес ни слова и не пошевелился. Никто даже мысли не допускал заговорить или что-то предпринять. Вот-вот должен был погибнуть человек, должно было совершиться убийство, но нечто необъяснимое в наэлектризованной атмосфере хижины удерживало всех присутствующих от возгласов и уж тем более от вмешательства. А когда вмешательство все же произошло — внезапная, резкая встряска, разом сбросившая чары, подобно разбившему изысканный хрусталь камню, — произошло оно снаружи, в кампонге.

Пронзительный вопль на японском заставил все головы повернуться ко входу. В следующее мгновение с той стороны донесся шум короткой, но ожесточенной схватки, затем снова крик и омерзительный глухой звук, как если бы мясницким топором разрубили арбуз, после чего наступила кратковременная и жутковатая тиши-

на, а потом с ревом извергнулся огонь с дымом, и по проему и большей части стены с невероятной скоростью разбежались потрескивающие языки пламени.

Капитан Ямата успел сделать пару шагов к выходу и открыть рот для приказа, да так с открытым ртом и умер: пули из карабина фон Эффена разорвали ему половину груди. Отрывистый грохот автоматического оружия прозвучал внутри хижины оглушающе, полностью перекрыв рев пламени. Сержант на помосте умер следующим, потом рядовой рядом с ним, а затем огромный красный цветок распустился прямо из центра лица Сирана — а немецкий контрразведчик так и стоял, припав к методично подпрыгивающему карабину в руках, с застывшим на спусковом крючке пальцем и лицом, словно высеченным из камня. Он пошатнулся, когда первая пуля из японской винтовки пронзила верхнюю часть его плеча, а после второй, ударившей его в бок, подобно стенобитному тарану, споткнулся и упал на колено, и все же на лице его не дрогнул ни единый мускул, а указательный палец на крючке только напрягся еще сильнее. Лишь это и успел увидеть Николсон, перед тем как броситься под ноги солдату, прицелившемуся в немца. Оба

покатились по полу, сцепившись в сплошной извивающийся клубок. Ударив несколько раз прикладом по темнеющему пятну лица перед собой, старший помощник снова вскочил на ноги и отбил в сторону блеснувший штык другого солдата, одновременно с яростью пнув того в пах.

Уже схватившись с новым противником и сомкнув руки на его цыплячьей шее, Николсон заметил, что Уолтерс, Эванс и Уиллоби тоже на ногах и как безумные бьются в полумгле, ощущающейся едва ли не потусторонней из-за красного зарева пламени и наполняющего помещение едкого удушливого дыма. Еще он заметил, что карабин фон Эффена смолк, зато за отдающим сосновой смолой пламенем, почти полностью объявшим выход, строчит пулемет, со скорострельностью повыше. А потом старпом позабыл обо всем этом, потому что кто-то сзади обхватил его локтем за шею и принялся душить, зловеще не издавая ни звука. Глаза Николсона застлал красный туман, испещряемый искрами и вспышками, и он понял, что это его собственная кровь пульсирует у него в голове, а вовсе не полыхающие стены дома совета. Силы оставляли Николсона, и он уже соскальзывал во мрак, как вдруг смутно услышал, как вскрикнул от боли

его противник, и затем ощутил, как Маккиннон стремительно тащит его под руку к выходу. Однако было слишком поздно, по крайней мере, для старшего помощника. Рухнувшая с крыши пылающая балка нанесла ему лишь скользящий удар по голове и плечу, но в его ослабленном состоянии этого оказалось достаточно, даже более чем достаточно, и его накрыла тьма.

Николсон пришел в себя почти через минуту, распластанный под стеной хижины, ближайшей к горящему строению с подветренной стороны. Он смутно осознавал, что вокруг него стоят и двигаются люди, что мисс Плендерлейт стирает кровь и копоть с его лица, различал и устремленный в темное беззвездное небо столб пламени над домом собраний, одна стена и часть крыши которого уже были уничтожены, а остальному явно оставалось совсем недолго.

Наконец сознание вернулось полностью, и старший помощник неуклюже поднялся на ноги, совершенно не обращая внимания на мисс Плендерлейт. Теперь ему стало ясно, что стрельба полностью прекратилась, и еще издалека доносился рев грузовика, то стихающий, то вновь возрастающий, когда водитель поддавал газу, — очевидно, те немногие японцы, что уцелели, в

панике удирали из деревушки.

— Маккиннон! — громко позвал Николсон, чтобы его было слышно сквозь треск пожара. — Маккиннон! Где ты?

— Он где-то за тем домом, — ответил ему Уиллоби, указывая на полыхающий дом совета. — С ним все в порядке, Джонни.

— Все вышли? Кто-нибудь остался внутри? — допытывался старпом. — Отвечайте же, ради бога!

— По-моему, все вышли, сэр, — неуверенно проговорил второй механик. — Точно знаю, что там, где мы сидели, никого не осталось.

— Слава богу, слава богу! — Но в следующее мгновение Николсон снова всполошился: — А ван Эффен?

Все вокруг молчали.

— Вы слышали, что я спросил! Ван Эффен вышел? — Заметив Гордона, он коршуном налетел на него и схватил за плечо. — Ван Эффен остался там? Ты был ближе всех к нему!

Стюард лишь невидяще таращился на него. В его округлившихся глазах по-прежнему стоял ужас, губы дергались и кривились, однако внятные слова упорно ему не давались. Николсон яростно влепил Гордону пощечину, затем вторую

тыльной стороной руки и тут же снова схватил его, прежде чем тот повалился на землю.

— Отвечай, или я убью тебя! Ты оставил ван Эффена в доме?

Гордон судорожно кивнул, на его бледной физиономии проступил красный отпечаток ладони старпома.

— Ты оставил его там? — недоверчиво вскричал Николсон. — Оставил в этом аду?

— Он хотел меня застрелить! — заскулил помощник буфетчика. — Он хотел меня убить…

— Чертов идиот! Да он спас тебе жизнь! Он спас всех нас!

С яростью оттолкнув Гордона, так что тот отлетел прочь, и отмахнувшись от пары человек, пытавшихся его удержать, старпом в десять шагов достиг дома советов и прыгнул через затянутый пламенем проем, прежде чем осознал, что же он творит.

Жар внутри обрушился на него сродни физическому удару. Накатил чудовищной волной жгучей боли, обволок с ног до головы. Перегретый воздух, уже практически лишенный живительного кислорода, ожег мужчине легкие, словно сам огонь. В нос ему ударил запах собственных опаленных волос, а глаза залило слезами, да так,

что, будь в хижине хоть сколько-то темнее, он бы неминуемо ослеп, однако неистовое красное сияние пламени в яркости не уступало полуденному солнцу.

К счастью, обнаружить фон Эффена удалось почти сразу. Опираясь на локоть, тот полулежал на земле возле противоположной стены, все еще не тронутой пожаром. Его рубашка цвета хаки и тиковые брюки были пропитаны кровью, лицо покрывала мертвенная бледность. Задыхаясь, хватая ртом столь необходимый воздух — и не получая его, — Николсон как мог быстро двинулся к немцу. Он понимал, что нужно спешить: в подобной атмосфере человеку под силу продержаться лишь считаные секунды, самое большее, полминуты. Одежда на старпоме уже тлела, а в разорванных местах ткань по краям и вовсе начинала гореть красными языками пламени. Надрывающиеся легкие не снабжали кислородом стремительно слабеющее тело, изнемогающее от этого жара доменной печи.

Фон Эффен встретил моряка рассеянным взглядом, нисколько не изменившись в лице и не издав ни звука. Да он уже полумертвый, подумал Николсон. Одному богу известно, как немцу вообще удалось продержаться в этом пекле так

долго. Старший помощник нагнулся над раненым и попытался оторвать его пальцы от скобы и спускового крючка карабина, однако сразу же отказался от замысла — рука практически приросла к металлу оружия. Но терять время было нельзя, — возможно, уже и так было слишком поздно. Обливаясь потом, едва держась на ногах, Николсон собрал всю свою волю и в нечеловеческом усилии поднял фон Эффена на руки.

Он преодолел половину расстояния до проема в стене, когда раздался громкий треск, заглушивший даже рев пламени. Старпом резко остановился, и как раз вовремя: прямо перед ним в пиротехническом извержении искр и раскаленных угольков на землю рухнуло несколько полыхающих и дымящихся брусьев с крыши. Выход оказался заблокирован. Николсон запрокинул голову и, жмурясь от жгучей боли в глазах и заливающего их пота, быстро посмотрел вверх. Сквозь пелену ему померещилось, будто перекошенная крыша уже обваливается прямо на него, и он не стал больше мешкать. Нырнув в пламя, Николсон в четыре шага преодолел горящие брусья, преграждавшие путь к выходу, и эти четыре шага продлились для него целую вечность. Брюки старпома, успевшие полностью

высохнуть, разом вспыхнули, и его ноги мгновенно оказались заключенными в пыточные коконы огня, голодные языки которого лизали и голые руки, удерживающие на себе вес фон Эффена. Раскаленные мечи пламени пронзили подошвы обуви, словно бы сдирая с них кожу, и в нос ему ударила тошнотворная вонь обгорелой плоти. Сил у него уже не осталось, покидало его и сознание — пространство, время, какой-либо смысл просто перестали существовать, — когда его руки и плечи вдруг почувствовали на себе чью-то хватку, и в следующее мгновение Николсон оказался на прохладном, сладостном, живительном воздухе ночи.

Проще всего на свете ему было бы передать спасенного в предупредительно протянутые руки и рухнуть на землю, позволив дожидающейся волне бесчувствия подхватить себя и унести в милосердное забытье, и искушение поддаться было практически непреодолимым. И все же старпом не сделал этого, просто стоял, широко расставив ноги, и жадно втягивал воздух в легкие, не в состоянии надышаться как следует. По прошествии нескольких секунд его сознание начало проясняться, дрожь в ногах унялась, и тогда он разглядел, что вокруг него стоят Уолтерс, Эванс и

Уиллоби. Протиснувшись между ними, Николсон понес фон Эффена к ближайшей хижине, располагающейся с подветренной стороны от пожара.

Медленно, с бесконечной осторожностью он опустил раненого на землю и принялся расстегивать на нем простреленную и окровавленную рубашку. Бессильными руками немец перехватил его запястья.

— Вы лишь напрасно тратите время, мистер Николсон. — Его шепот через сочащуюся изо рта кровь был едва различим на фоне рева пожара.

Вопреки протестам фон Эффена, старший помощник откинул края рубашки в стороны и тут же поморщился от увиденного. Если немцу и суждено было выжить, его необходимо было перевязать, причем немедленно. Николсон быстро стянул с себя искромсанную и обугленную рубашку, разорвал ее на части, которые скомкал и наложил на раны. Затем поднял взгляд на бледное и измученное лицо контрразведчика. Губы фон Эффена скривились в подобии улыбки, быть может, даже в язвительной усмешке — определить наверняка, не видя выражения его глаз, было сложно. Прочитать же что-либо в глазах было и вовсе невозможно, поскольку их уже подернуло поволокой надвигающегося

беспамятства.

— Я же сказал… Не тратьте время, — проговорил раненый. — Баркас… Баркас Кисеки. Захватите его. На нем есть радио, возможно, мощный передатчик. Вы же слышали, что говорил Ямата. Уолтерс отправит сообщение… — Затем он настойчиво повторил: — Не медлите, мистер Николсон, не медлите.

Его руки обессиленно упали ладонями вверх на утрамбованную землю кампонга.

— Почему вы сделали это, ван Эффен? — Не сводя глаз с немца, старший помощник медленно, удивленно покачал головой. — Во имя всего святого, почему?

— Одному богу известно. А может, и мне тоже. — Теперь раненый проговаривал по паре слов между частыми неглубокими вздохами. — Тотальная война есть тотальная война, мистер Николсон, но такое, — он немощно махнул в сторону горящего дома совета, — к лицу только варварам. Окажись со мной этой ночью кто-нибудь из моих соотечественников, он полностью поддержал бы меня. Мы же люди, мистер Николсон, всего лишь люди. — Он поднял обессиленную руку, указал на собственную грудь и улыбнулся. — Если нас порезать, разве не станем мы истекать кровью?

Внезапно он зашелся в приступе булькающего кашля, от которого у него начали сокращаться разорванные мышцы живота, а голова и плечи приподнялись над землей. Затем он снова упал на спину и замер, да так тихо и неподвижно, что старпом быстро нагнулся к нему, практически уверенный, что фон Эффен умер. Однако тот медленно открыл застланные пеленой глаза, открыл с видимым усилием, будто веки у него действительно были налиты свинцом, и вновь улыбнулся:

— Мы, немцы, так легко не отходим. Это еще не конец фон Эффена. — Помолчав, он продолжил шепотом: — Победа в войне дешево не достается. Победа всегда стоит дорого. Но порой цена слишком высока, и победа ее не стоит. И этой ночью цену запросили чересчур высокую. Я… Я не мог заплатить такую.

Из крыши дома совета вырвался гигантский сноп пламени, на мгновение озарив лицо умирающего ярко-красным сиянием, а когда вспышка унялась, его черты вновь стали бледными и неподвижными. Он что-то пробормотал про Кисеки.

— Что? — Николсон нагнулся еще ниже, так что их лица едва не соприкоснулись. — Что вы сказали?

— Полковник Кисеки. — Голос фон Эффена прозвучал словно издалека. Он попытался улыбнуться, однако на этот раз ему удалось лишь слегка скривить нижнюю губу. — Пожалуй, у нас с ним есть кое-что общее. Кажется… — Мужчина осекся, но тут же заговорил снова, и гораздо четче: — Кажется, у нас обоих слабость к маленьким детям.

Николсон уставился на него, но затем резко обернулся на оглушительный грохот: над домом совета вновь взметнулось огромное пламя, которое осветило каждый уголок деревушки. Последние опоры строения в конце концов выгорели, и оно полностью обрушилось. Пожар занялся еще сильнее, однако очень ненадолго. Прямо на глазах у старпома огненные языки втянулись в обугленные руины, и на кампонг со всех сторон начала наползать темнота. Когда же мужчина снова склонился к фон Эффену, собираясь что-то ему сказать, тот уже был без сознания.

Медленно и устало Николсон выпрямился, но так и остался сидеть на коленях, не сводя глаз с тяжелораненого. Его разом захлестнули изнурение, отчаяние и неистовая боль в ногах и руках, охватило почти неодолимое искушение расслабиться и соскользнуть в объятия участливой

тьмы, нависающей над затененными границами его спутанного сознания. И он уже раскачивался вперед-назад с закрытыми глазами и безвольно повисшими руками, когда услышал крики и стремительный топот через кампонг, а затем ему в обожженную кожу на плече безжалостно вцепились чьи-то пальцы.

— Вставайте, сэр, вставайте! Ради бога, вставайте же! — Никогда прежде Николсон не слышал в голосе Маккиннона подобной ярости, подобного мучительного отчаяния. — Они схватили их! Эти желтые черти утащили их!

— Что? Что? — Старший помощник помотал головой, чтобы прояснить мысли и стряхнуть боль. — Что они утащили? Планы, алмазы? Да и пожалуйста, пускай себе…

— Надеюсь, алмазы отправятся в ад и поджарятся там со всеми желтыми ублюдками на Востоке! — Боцман наполовину рыдал, наполовину кричал во весь голос, что тоже было ему совершенно несвойственно. В глазах у него стояли слезы, огромные кулаки были стиснуты так, что побелели костяшки, и он был вне себя от ярости. — Они не только камешки прихватили, сэр! Ах, если б только их! Окаянные черти взяли заложников! Я видел, как их бросали в грузовик!

Капитана, мисс Драхман и несчастного крошку!

Глава 15

За гневом лежит ярость, безрассудное, необузданное неистовство берсеркера, за которым в свою очередь — далеко-далеко за границей безумия — простирается край холодного и абсолютно нечувствительного равнодушия. Когда человек достигает этой страны, этого состояния, что удается лишь очень и очень немногим, он перестает быть самим собой: это уже человек в буквальном смысле вне себя, лишенный своих обычных норм и критериев мышления, чувств и эмоций, человек, для которого слова вроде «страх», «опасность», «страдание» и «изнурение» — слова из чуждого мира, звучащие совершеннейшей бессмыслицей. Подобное состояние характеризуется аномально обостренной ясностью сознания, сверхчувствительностью к источникам опасности и полнейшим, нечеловеческим пренебрежением к таковой. Но более всего это состояние характеризуется абсолютной неумолимостью. Именно в таком состоянии Николсон и оказался в половине девятого вечера того дня в конце февраля, спустя несколько секунд после

сообщения Маккиннона о похищении японцами Гудрун и Питера.

Его рассудок теперь был противоестественно ясен, и он стремительно проанализировал ситуацию, насколько таковая была ему известна, взвесил перспективы и вероятности, после чего выработал единственный план, дающий хоть какую-то надежду на успех. Усталость, полное физическое изнурение спали со старшего помощника, словно мантия с плеч, хотя он и понимал, что изменение это психологическое, а не физиологическое и что позже за подобный прилив сил придется очень дорого заплатить. Но сейчас это не имело значения, и он был необъяснимо уверен, что продержится на вновь обретенной энергии до самого конца, вне зависимости от ее происхождения. Смутно он осознавал и сильные ожоги ног и рук, боль в горле после ранения японским штыком, однако осознание это являлось лишь рассудочным признанием наличия телесных повреждений, с тем же успехом они могли бы принадлежать и кому-то постороннему.

План Николсона был простым, самоубийственно простым, а шансы на неудачу столь высоки, что провал представлялся практически неизбежным, и все же мысль об этом даже не приходила

ему в голову. Быстро расспросив Телака и Маккиннона, он понял, что́ необходимо делать ему самому и остальным, раз уж еще можно было на что-то надеяться. Определиться ему помог рассказ боцмана.

Дом совета полыхал столь неистово и сгорел дотла с такой невероятной скоростью по той единственной причине, что Маккиннон выплеснул на его наветренную стену все содержимое канистры бензина. Емкость с топливом он украл из японского грузовика всего через пару минут после его приезда — водитель оказался недостаточно бдителен и теперь лежал на земле неподалеку от них. Боцман как раз поджигал бензин, когда на него в буквальном смысле слова наткнулся часовой. Совершая кражу горючего, Маккиннон попытался еще и вывести из строя машину. Распределитель системы зажигания отыскать в темноте ему не удалось, зато он обнаружил подводящий бензопровод карбюратора и с легкостью погнул медную трубку. На жалких остатках топлива грузовик, по его мнению, навряд ли сможет уехать дальше мили, в то время как Бантук находится в четырех милях.

Николсон предложил Телаку участвовать в их безумном предприятии, и тот согласился не раз-

думывая. После убийства его отца и нескольких соплеменников нейтралитет для него остался в прошлом. Те немногие слова, что он время от времени произносил, были исполнены горечи и ярости и касались исключительно мести. По просьбе старпома яванец выделил проводника для основной группы — состоящей теперь всего из семи человек и возглавляемой Ваньером, — которая должна была дойти по дороге до Бантука и там захватить баркас, если это удастся проделать абсолютно бесшумно. Телак быстро объяснил сородичу задачу и назначил место встречи, а еще нескольким велел обыскать трупы японских солдат, валяющиеся по всему кампонгу, и принести их оружие и боеприпасы. Пригодными оказались пистолет-пулемет Томпсона, две автоматические винтовки и автоматический пистолет неизвестной марки. Затем Телак ненадолго исчез в соседней хижине и вернулся с двумя остро заточенными суматранскими парангами и парой необычной формы кинжалов с затейливой чеканкой, которые сунул себе за пояс. Всего через пять минут после обрушения дома совета Николсон, Маккиннон и яванец уже были в пути.

Дорога в Бантук — строго говоря, и не дорога вовсе, а худо-бедно разровненная тропа через

джунгли едва ли шести футов шириной — извивалась туда-сюда между пальмовыми рощами, табачными плантациями и зловонными болотами, глубиной по пояс и в темноте бесконечно опасными. Однако путь, которым вел их Телак, по самой дороге прошел лишь один раз да дважды ее пересек, а в остальном пролегал строго в направлении центра Бантука прямо через болота, заливные рисовые поля и плантации. Все трое мужчин имели ранения, причем серьезные, к тому же потеряли много крови, Телак более всех, и любой мало-мальски компетентный врач не колеблясь отправил бы в больницу каждого из них, — однако весь изматывающий путь по столь сложной местности они проделали бегом, ни разу не сбавив темп. От нечеловеческого напряжения сердце у них бешено заходилось, налитые свинцом ноги горели от боли — чудо было, что мышцы вообще выдерживали такую немыслимую нагрузку, — грудь вздымалась и опадала, вздымалась и опадала, а изголодавшимся легким кислорода требовалось все больше и больше, и пот катил с них ручьями. Но они бежали и бежали. Телак — потому что это была его стихия, а его отец лежал в деревне мертвым с пробитой японским штыком грудью; Маккиннон — потому

что ярость по-прежнему в нем так и бурлила и гнев гнал бы его вперед, пока он не свалился бы замертво; а Николсон — потому что был человеком вне себя и всю боль, все тяготы и страдания за него сносил кто-то другой.

Когда они пересекли дорогу во второй раз, то увидели японский грузовик, стоявший в темноте менее чем в пяти ярдах от них. Они даже не замедлились, поскольку транспорт, несомненно, был брошен, а японцы вместе с пленниками продолжали путь в город пешком. Грузовику удалось продержаться до поломки значительно дольше, нежели изначально надеялись трое преследователей, — по меньшей мере половину расстояния до Бантука, — к тому же не представлялось возможным определить, как давно его оставили. Николсон невозмутимо заключил про себя, что их шансы снизились еще больше и стали совсем незначительными. Это поняли и остальные, но вслух никто ничего не сказал, и никто не предложил идти помедленнее, хотя бы самую малость. Наоборот, мужчины прибавили шаг и двигались сквозь тьму с еще большим упорством.

После зрелища брошенного грузовика в сознании старпома одна за другой замелькали мысленные сцены, как японцы обращаются со своими

пленниками, нервно подгоняя их на дороге через джунгли. Он так и видел, как солдаты агрессивно подталкивают винтовочными прикладами, а то и штыками, раненого старого капитана, спотыкающегося от слабости и усталости, и Гудрун, тоже с трудом переставляющую ноги во тьме, сгибающуюся под тяжестью маленького мальчика на руках — ведь уже через полмили двухлетний малыш станет непосильной ношей. А может, она даже уронила маленького Питера; может, они в спешке и вовсе отделались от мальчугана, оставили где-нибудь на обочине на верную смерть. Однако куратор, той ночью надзиравший за сознанием Николсона, не позволял подобным мыслям задерживаться у него в голове надолго — только на срок, достаточный для побуждения выкладываться еще больше, но недостаточный для превращения их в навязчивую идею, что повлекла бы за собой полный и окончательный упадок сил и духа. На протяжении всего этого забега — на нетвердых ногах, с надсаженными легкими, во мраке — рассудок старшего помощника оставался необычайно хладнокровным и отстраненным.

Когда они наконец достигли окраины Бантука, уже похолодало, звезды скрылись за тучами и

начался дождь. Бантук представлял собой типичный индонезийский приморский городок, не слишком большой и не слишком маленький, в котором курьезно смешались старое и новое, Индонезия столетней давности и Голландия в десяти тысячах миль отсюда. Вдоль берега, следуя изгибу бухты, на высоких бамбуковых жердях над водой стояли обветшалые хлипкие лачуги с подвешенными сетями для приливной ловли рыбы. Примерно посередине берега далеко в залив убегал изогнутый волнолом, обеспечивающий защиту баркасов, рыбацких лодок, проа с навесами и каноэ с двумя балансирами, слишком больших, чтобы оттаскивать их на сушу за рыбацкие сараи. Параллельно берегу, за свайными постройками, тянулись два-три беспорядочных ряда деревянных хижин с соломенными крышами, характерных для деревень в глубине острова, за ними же располагался торговый и деловой центр города, за которым, в свою очередь, по отлогой долине поднимался еще один жилой район. Он выглядел как самый настоящий голландский пригород — быть может, и без широких обсаженных деревьями бульваров, как в Батавии или Медане, зато с аккуратными бунгало и вычурным на общем фоне колониальным особняком, все с

красивыми, ухоженными садами.

В эту-то часть города Телак и повел своих спутников. Они бежали по сумрачным улицам, даже не пытаясь скрываться, — было уже не до этого. Да и заметили их лишь несколько человек, поскольку мокрые от дождя тротуары практически пустовали. Сначала Николсон даже решил, что японцы ввели комендантский час, однако вскоре увидел, что кое-какие кафе все еще открыты. Стоявшие под входными навесами хозяева заведений, китайцы в халатах, апатично наблюдали за их продвижением.

Когда они удалились от берега на полмили, Телак перешел на шаг и поманил Николсона и Маккиннона в тень высокой живой изгороди. Щебеночная дорога, на которой они находились, ярдах в пятидесяти впереди заканчивалась тупиком — высокой стеной с аркой посередине, ярко освещающейся парой электрических фонарей. Внутри ее, привалившись плечом к изгибающемуся проему, болтали и курили двое мужчин. Даже с такого расстояния безошибочно узнавалась их серо-зеленая форма и кепки японской армии. Дорога за въездом, обставленная через каждые несколько ярдов фонарями, поднималась вверх по склону и вела к высокому белому

особняку. Через арку было видно лишь крыльцо с колоннами да два больших эркерных окна с одной стороны от него, оба залитые светом. Николсон повернулся ко все еще задыхающемуся от бега проводнику.

— Что это, Телак? — То были первые слова, произнесенные с их выхода из кампонга.

— Тот самый дом. — Как и у старшего помощника, речь яванца перемежалась судорожными вздохами. — Самый большой в Бантуке.

— Разумеется. — Николсон прервался, чтобы вытереть пот с лица, груди и рук, особое внимание уделив ладоням. — Именно здесь они и войдут?

— Другого въезда нет. Они точно пойдут по этой дороге. Если только уже не вошли.

— Если только уже не вошли, — повторил старпом. Впервые через его сознание прокатилась волна страха и тревоги — страха, который мог бы переродиться в панику, и тревоги, которая могла бы сорвать его план, если бы он не отбросил их без колебаний. — Если они уже в особняке, мы опоздали. Если нет, у нас еще есть время в запасе. Нам не помешает отдышаться — полумертвыми многого мы не добьемся. Боцман, как ты?

— Руки так и чешутся, сэр, — тихо ответил Мак-

киннон. — Давайте не будем медлить.

— Мы недолго, — пообещал ему Николсон и повернулся к яванцу. — Это же штыри на верху стены?

— Штыри, — мрачно подтвердил Телак. — Сами по себе ерунда, но они под напряжением по всей длине.

— Значит, вход только через арку? — невозмутимо уточнил старпом.

— И выход тоже.

— Понятно. Как же иначе.

На протяжении двух последующих минут мужчины молчали, и было слышно только их дыхание, постепенно выравнивающееся и замедляющееся. Николсон с нечеловеческим терпением расчетливо выжидал момент, когда дыхание восстановится полностью, но еще не последует неизбежная реакция организма на перенапряжение. Наконец он встряхнулся и выпрямился, потер ладони об обугленные остатки своих брюк, чтобы удалить с них последние остатки влаги, и вновь обратился к Телаку:

— Шагов двадцать назад мы проходили мимо высокой стены, так?

— Верно, — кивнул тот.

— Там с другой стороны растут деревья, совсем

рядом со стеной.

— Да, я тоже это заметил.

— Давайте вернемся туда. — И старший помощник под прикрытием живой изгороди осторожно двинулся назад.

Через две минуты все было кончено, и ярдов с тридцати навряд ли кто расслышал даже малейший шум. Николсон лег на землю у подножия стены и тихонько застонал, а поскольку производимые им звуки так и не привлекли внимания стражей, застонал погромче и более жалобно. Через пару секунд один из часовых всполошился и встревоженно посмотрел на дорогу, а в следующее мгновение особенно страдальческий стон насторожил и второго солдата. Японцы переглянулись, быстро посовещались и после некоторых колебаний побежали вниз по дороге, подсвечивая себе фонариком. Старпом застонал еще громче и, якобы корчась в агонии, повернулся к часовым спиной, чтобы те сразу не опознали в нем европейца. Он успел разглядеть штыки, поблескивающие в свете мотающегося из стороны в сторону фонарика, а любой нервничающий часовой скорее предпочтет разбираться с трупом несомненного врага, нежели с живым, пускай и тяжелораненым.

Протопав тяжелыми ботинками по щебеночной дороге, солдаты остановились и склонились над лежащим — да так и умерли: одного спрыгнувший со стены Телак заколол кинжалом, вонзив пламевидный клинок ему в спину по самую рукоятку, а второму — через мгновение после того, как Николсон выбил у него ногой винтовку, — Маккиннон своими мощными руками свернул шею.

Старший помощник быстро поднялся и окинул взглядом убитых. Слишком маленькие, с досадой подумал он, чертовски маленькие. Он надеялся воспользоваться их формой для маскировки, вот только мундиры мертвых солдат никому из них троих не подошли бы. Однако нельзя было терять ни секунды. Они с яванцем взяли один труп за лодыжки и запястья, качнули его раз, другой и при помощи мощного толчка Маккиннона перекинули через стену, с глаз долой. Через пять секунд за ним последовал и второй, после чего мужчины беспрепятственно проникли на участок особняка.

По обеим сторонам от хорошо освещенной подъездной дороги высились кустарники и стриженые деревья. Справа от нее, за деревьями, находилась только высокая стена со штыря-

ми под напряжением, а слева вверх тянулась широкая лужайка, ухоженная и ровная, испещренная круглыми прогалинами голой земли, часть которых без всякой системы была засажена деревцами. На лужайку падал свет с дорожных фонарей и фасада дома, но лишь по краям. Трое мужчин бесшумно помчались по траве, перебегая из тени одного дерева в другую, пока не достигли группы кустов вокруг гравийной площадки перед портиком особняка. Николсон прошептал на ухо Телаку:

— Когда-нибудь бывал здесь?

— Ни разу.

— О других входах не знаешь? Окна зарешечены, под напряжением или с охранной сигнализацией, не в курсе?

Яванец лишь покачал головой в темноте.

— Что ж, тогда решено. Парадный вход. Гостей через него они не ожидают, особенно гостей вроде нас. — Николсон снял с пояса выданный Телаком паранг и начал подниматься с колен. — Никакого шума, ни малейшего. Быстро, чисто и тихо. Не будем тревожить наших хозяев.

Не успел он даже шагу ступить, как сдавленно ахнул и снова упал на колени. Выбора у него не оставалось. Маккиннон, несмотря на средний

рост, весил без малого девяносто килограммов и обладал феноменальной силой.

— В чем дело? — выдавил старпом, скорчившись от боли. Он потер ожог на руке, всерьез опасаясь, что боцман ненароком вырвал ему кусок кожи.

— Кто-то идет, — прошептал Маккиннон. — Наверно, наружный часовой.

Николсон прислушался и, не различив никаких посторонних звуков, покачал головой. Тем не менее он поверил боцману, острота слуха которого ничуть не уступала остроте его поразительного зрения.

— Он идет по траве, а не по площадке, — объяснил Маккиннон. — Направляется сюда. Я могу его снять.

— Пусть себе идет, — решительно воспротивился старпом. — Лучше не шуметь.

— Он услышит, как мы крадемся по гравию, — возразил боцман, еще более понизив голос, и теперь Николсон действительно расслышал, как чьи-то ноги мягко шуршат по мокрой траве. — Шума не будет, обещаю.

На этот раз старший помощник кивнул и стиснул плечо товарища в знак согласия. Часовой был уже совсем близко от них, и Николсон невольно

содрогнулся. Насколько ему помнилось, сегодняшней ночью это будет четвертая жертва боцмана — человека, чей шотландский выговор звучал так обманчиво мягко, — и пока только одна из них успела издать звук не громче выдоха. Можно сколько угодно долго жить с человеком — три года в их случае, — но так толком и не узнать его…

Японец находился в каком-то шаге от них, повернув голову к двум освещенным окнам и доносящемуся из-за них приглушенному гомону, когда Маккиннон бесшумно, как призрак, поднялся и стальным капканом сомкнул руки на его шее. Боцман оказался верен своему слову. Шума не было совсем — солдат даже не ойкнул.

Они спрятали труп за кустами, пересекли площадку уверенной и неспешной походкой — на случай, если их услышат и увидят другие часовые на участке, — поднялись по ступенькам в портик и беспрепятственно вошли в распахнутые двойные двери.

Мужчины оказались в просторном вестибюле, мягко освещенном центральной люстрой под высоким сводчатым потолком, с отделанными, судя по всему, дубом стенами и блестящим паркетным полом в изящную клетку из джарры, каури и ка-

кой-то еще светлой твердой древесины. По обеим сторонам холла вверх уходили широкие, плавно изгибающиеся лестницы из дерева потемнее, чем обшивка стен, и заканчивались поддерживаемым колоннами большим балконом, тянущимся вдоль боковых и задней стены помещения. Возле подножия каждой лестницы располагались двойные двери, закрытые, а между ними, в задней части вестибюля, — третья, одностворчатая. Все эти двери были белыми, привнося тем самым некоторую фальшивую нотку в общее темноватое полуматовое оформление. Задняя дверь была открыта.

Николсон жестом велел Маккиннону и Телаку занять позиции по сторонам от двойной двери справа, а сам через вестибюль подкрался к задней. Подушечками стоп он ощущал прохладный и твердый пол, — должно быть, во время их изнурительного кросса окончательно истерлись и оторвались обугленные остатки подошв, что хоть сколько-то уцелели после спасения им фон Эффена из горящего дома совета. Старший помощник отметил этот факт машинально, но пренебрег им, как и болью в обожженной плоти, практически лишенной кожи. Время для страданий еще придет, а пока с ними надо подождать. Такое

ледяное безразличие, такая же выверенная расчетливость у мужчины не только сохранились, но и еще более усилились.

Он вжался в заднюю стену и прислушался, склонив голову набок и не сводя глаз с открытой двери. Через некоторое время ему удалось различить отдаленный гул голосов и периодический звон посуды — похоже, из кухни и людской. Если находящиеся за двойной дверью сейчас едят — а время как раз соответствовало позднему ужину, — то в любой момент из коридора за задней дверью в вестибюль могут выйти слуги. Николсон бесшумно скользнул вперед и рискнул бросить взгляд за косяк. В тускло освещенном проходе длиной около двадцати футов он различил три двери — две закрытые по бокам и одну открытую в конце, сияющую прямоугольником света. Людей было не видно. Старпом шагнул в коридор, нащупал с другой стороны двери ключ и вытащил его, после чего вышел в вестибюль, осторожно закрыл дверь и запер ее.

Так же бесшумно он двинулся через холл к белой двойной двери и присоединился к двум мужчинам, ожидающим дальнейших указаний. Маккиннон по-прежнему выглядел мрачным и суровым, исполненным бурлящей внутри яро-

сти — тщательно сдерживаемой, но в любую секунду готовой убийственно выплеснуться. Вид же окровавленного Телака в свете ламп просто ужасал, его осунувшееся от усталости лицо даже не казалось смуглым, настолько было бледным — лишь чувство мести помогало ему держаться так долго. Николсон шепотом разъяснил яванцу его действия и дождался, пока тот не спрячется за правой лестницей.

Из-за двойной двери доносился гул голосов, то и дело прерываемый хохотом. Несколько мгновений старший помощник прислушивался, припав ухом к щели между створками, а затем каждую из них проверил на свободный ход, слегка надавив указательным пальцем. Обе поддались на несколько миллиметров, и Николсон удовлетворенно выпрямился и кивнул боцману. Мужчины взяли оружие на изготовку, практически упершись дулом в белую поверхность дверей, пинком распахнули их и вместе вошли внутрь.

Представшая их глазам длинная и невысокая комната вторила вестибюлю обшитыми стенами и паркетом и имела два больших эркерных окна, затянутых противомоскитными сетками. Еще одно окно, поменьше, располагалось на противоположной от входа стене, а между дву-

мя дверьми на левой стороне помещения стоял длинный дубовый буфет — больше мебели у стен не было. Почти все пространство комнаты занимал п-образный банкетный стол. За ним сидели четырнадцать человек. Некоторые из этих людей по-прежнему разговаривали, смеялись и потягивали напитки из бокалов, не заметив двух появившихся мужчин, но внезапное молчание остальных привлекло внимание тех, кто все еще разговаривал, и они тоже замолчали, уставившись на дверь и сидя очень тихо.

Для человека, по утверждению капитана Ямата оплакивающего погибшего сына, полковник Кисеки прилагал поистине грандиозные усилия, чтобы скрывать свою скорбь. Его личность абсолютно не вызывала сомнений. Он занимал богато отделанное кресло с высокой спинкой во главе стола — приземистый, грузный мужчина с огромным животом, жирной шеей, выпячивающейся над тугим форменным воротничком, крошечными свиными глазками, едва различимыми в складках обильной плоти, и короткими черными волосами, на висках тронутыми сединой и торчащими из круглой головы, словно ворс проволочной щетки. Его лицо раскраснелось от алкоголя — стол перед ним был заставлен

пустыми бутылками, а белую скатерть испещряли пятна пролитого вина. Когда Николсон и Маккиннон вошли, полковник хохотал во все горло, запрокинув голову назад, но теперь сидел, подавшись в кресле вперед и весь сжавшись, вцепившись в подлокотники так, что побелели костяшки. Выражение веселья на его заплывшей жиром физиономии постепенно стянулось в маску полнейшего неверия.

Никто не заговаривал, никто не шевелился, в комнате воцарилась напряженная тишина. Медленно и осторожно моряки двинулись с двух сторон вокруг стола, и от звука их мягкой поступи тишина казалась еще более зловещей. Николсон обходил собравшихся слева, Маккиннон — справа, вдоль окон. Все четырнадцать человек по-прежнему сидели неподвижно, лишь медленно смещались их глаза, следя за вооруженными чужаками. Примерно посередине стола старший помощник остановился и, убедившись, что боцман держит всех под наблюдением, отвернулся к первой боковой двери. Нажав с щелчком на ручку, он отпустил ее, позволив двери медленно откидываться на петлях, а сам бесшумно развернулся обратно и шагнул к столу. Как раз во время щелчка замка сидящий к нему спиной

офицер, рука которого не попадала в поле зрения Маккиннона, начал тихонько вытаскивать револьвер из кобуры на боку. Он уже достал его почти полностью, когда справа ему на голову обрушился яростный удар прикладом автоматической винтовки Николсона. Пистолет без причинения ущерба брякнул о паркетный пол, офицер же грузно завалился на стол, опрокинув головой едва начатую бутылку вина, которая тут же забулькала неестественно громко в установившейся тишине. С десяток пар глаз, словно загипнотизированные единственным движением в комнате, созерцали, как кроваво-красное пятно все больше и больше расползается по белоснежной скатерти. И по-прежнему никто не издавал ни звука.

Старпом снова обернулся, чтобы взглянуть за открывшуюся дверь. Еще один длинный коридор, тоже безлюдный. Николсон закрыл и запер дверь и занялся следующей. За ней оказалась уборная, комнатушка шесть на шесть футов без окон. Ее Николсон закрывать не стал.

Он вернулся к столу и быстро прошелся вдоль его левой половины, обыскивая людей на предмет оружия, в то время как Маккиннон плавно водил пистолетом-пулеметом Томпсона из сто-

роны в сторону. Затем, пока караулил старпом, боцман обыскал сидящих на правой половине. Вся добыча оказалась на удивление скромной: несколько ножей да изъятые у армейских офицеров три револьвера — всего четыре, считая тот, что подняли с пола. Два из них Николсон отдал товарищу, остальные сунул себе за пояс: для ближнего огня по сборищу людей автоматическая винтовка послужит куда действеннее.

Он прошел к месту во главе стола и посмотрел на чрезвычайно жирного мужчину, занимающего центральное кресло.

— Полковник Кисеки?

Тот молча кивнул. Изумление на его лице сменилось полнейшей бесстрастностью, какую-либо эмоцию выражал лишь настороженный взгляд. Офицер успокоился и всецело держал себя в руках. Опасный тип, подумал Николсон холодно, недооценка которого может оказаться смертельной.

— Прикажи этим людям положить руки на стол, ладонями вверх, и так и держать.

— Отказываюсь. — Кисеки скрестил руки на груди и небрежно откинулся на спинку кресла. — С какой стати…

Он осекся, крякнув от боли, когда винтовочный

ствол вонзился ему глубоко в складки плоти на шее.

— Считаю до трех, — равнодушно предупредил старпом. На деле же равнодушным он не был: смерть Кисеки пользы им не принесет. — Раз. Два…

— Стой! — Полковник подался вперед, выскользнув из-под винтовки, и что-то быстро проговорил. На столешницу немедленно легли руки ладонями вверх, как и было велено.

— Ты знаешь, кто мы? — продолжил Николсон.

— Я знаю, кто вы такие. — По-английски Кисеки говорил медленно, с запинками, но вполне сносно. — С английского танкера «Вирома». Идиоты, чокнутые идиоты! На что вы рассчитываете? Вам лучше сдаться прямо сейчас. Обещаю…

— Заткнись! Кто эти люди? — Старший помощник кивнул на сидящих по обе стороны от Кисеки армейского офицера и смуглого индонезийца с массивным подбородком и безукоризненно нафабренными черными волосами, в сером костюме хорошего покроя.

— Мой заместитель и мэр Бантука.

— Ах, мэр Бантука? — Николсон с интересом посмотрел на чиновника. — Полагаю, рьяный коллаборационист?

— Не понимаю, о чем речь. — Полковник презрительно прищурился. — Мэр — учредитель, член нашей Великой восточноазиатской сферы совместного…

— Заткнись, черт тебя возьми! — Старпом окинул взглядом остальных за столом: два-три офицера, с полдесятка китайцев, араб и несколько японцев, — затем снова обратился к Кисеки: — Ты, твой заместитель и мэр остаются здесь. Остальные — в уборную.

— Сэр! — негромко окликнул его Маккиннон, стоящий возле эркерного окна. — Они поднимаются по дороге!

— Живо! — Николсон снова грубо ткнул винтовкой полковника в шею. — Скажи им. В уборную! Немедленно!

— В эту комнатушку? Там нет воздуха. — Кисеки изобразил на лице ужас. — Они же задохнутся!

— Или они умрут здесь. Выбор за ними. — Старший помощник сильнее надавил на винтовку, его палец на спусковом крючке побелел от напряжения. — Но только после того, как умрешь ты.

Через полминуты комната практически опустела, лишь во главе банкетного стола сидели трое человек. Остальные одиннадцать гостей втиснулись в крохотную уборную, и за ними заперли

дверь. Боцман вжался в стену возле открытой наполовину двойной двери, а Николсон спрятался в боковом коридоре. Со своей позиции он мог наблюдать через щель между дверью и косяком за главным входом в комнату, а также держать под прицелом Кисеки, направив винтовку ему в грудь. Полковнику были даны строгие указания, как себя вести, — а он прожил достаточно долго и повидал достаточно доведенных до отчаяния и беспощадных людей, чтобы прекрасно знать, что Николсон пристрелит его как собаку при малейшем подозрении, не говоря уж об уверенности в обмане. Жестокость полковника Кисеки нисколько не уступала его храбрости, однако дураком он отнюдь не был. И японец собирался безоговорочно подчиняться полученным указаниям.

Когда солдаты пересекли гравийную площадку и поднялись по ступенькам портика, старпом расслышал детский плач, уже выдохшийся до обессиленного подвывания, и губы его сурово поджались. Кисеки заметил изменившееся выражение его лица и весь напрягся, ожидая парализующего удара пули, но затем увидел, как англичанин тряхнул головой и явным образом расслабился, усилием воли взяв себя в руки. Наконец из вестибюля донесся топот нескольких

пар ног, который стих было у дверей в комнату со столом, но после зычного приказа полковника возобновился, и спустя мгновение японские конвоиры — всего шесть человек — вошли в помещение, подгоняя впереди себя пленников.

Шествие возглавлял капитан Файндхорн с бледным, перекошенным от боли лицом. С обеих сторон его поддерживали под руки солдаты, сам же он едва переставлял ноги и учащенно и хрипло дышал. Остановившись, японцы отпустили его, и старик покачнулся назад, вперед, а затем его налитые кровью глаза закатились, и он медленно осел и повалился на пол, погрузившись в милосердное беспамятство. Сразу же за ним шла Гудрун Драхман с Питером на руках. Ее черные волосы разметались и спутались, некогда белая рубашка сбилась на грудь, явно разорванная сзади. Николсону было не видно спины девушки, но он знал наверняка, что ее гладкая кожа там залита кровью, потому что солдат сзади подталкивал ее штыком. Старпома охватило почти непреодолимое побуждение выскочить из укрытия и разрядить магазин винтовки в этого японца, однако он сдержался и продолжал стоять тихо и неподвижно, посматривая то на бесстрастную физиономию Кисеки, то на испачканное лицо

Гудрун. Она тоже, как ему теперь стало очевидно, от изнурения слегка покачивалась на дрожащих ногах, но все равно держала голову гордо поднятой.

Внезапно Кисеки рявкнул какой-то приказ. Солдаты недоуменно уставились на него, и он тут же повторил, для пущей убедительности хлопнув по столу ладонью. Четверо из шести солдат немедленно бросили на пол винтовки. Пятый по-дурацки нахмурился, словно не желая верить своим ушам, взглянул на своих товарищей и, увидев их оружие на паркете, неохотно раскрыл ладонь. Его винтовка грохнулась рядом с остальными. Лишь шестой — тот самый, кто упирал штык в спину Гудрун, — заподозрил, что происходит что-то неладное. Он низко пригнулся, дикими глазами огляделся по сторонам, а в следующее мгновение рухнул на пол, как срубленное дерево: сзади к нему из вестибюля неслышно подкрался Телак и огрел винтовкой по затылку.

И затем Николсон, Маккиннон и яванец разом вышли из укрытий. Телак отогнал пятерых японских солдат в угол, боцман ударом ноги захлопнул входные двери и взял на прицел троицу во главе стола, старпом же без всякого стеснения обнял девушку и малыша у нее на руках — обнял

молча, выражая свою радость и неимоверное облегчение лишь улыбкой. Сама Гудрун, все так же сохраняя гордую осанку, несколько секунд изумленно, недоверчиво смотрела на Николсона, а потом буквально повисла на нем, уткнувшись ему в плечо, снова и снова повторяя его имя. Маккиннон время от времени поглядывал на них, улыбаясь во весь рот, и неистовый гнев постепенно исчезал с его лица. И все же он задерживал взгляд на старпоме и девушке лишь на долю секунды, а его автомат непоколебимо был направлен на трех человек за столом.

— Джонни, Джонни! — Гудрун подняла взгляд на мужчину. Ее ярко-голубые глаза блестели от слез, которые скатывались одна за другой, оставляя дорожки на грязных щеках. Девушку всю трясло от перенесенного стресса и от холода из-за намокшей под дождем одежды, хотя она едва ли обращала на это внимание. Николсон никогда прежде не видел, чтобы ее глаза светились счастьем. — Ох, Джонни, я уж думала, все кончено. Думала, что Питер и я… — Гудрун осеклась и снова улыбнулась. — Но как вы здесь оказались? Не понимаю… Как?

— Долетели частным самолетом, — беспечно махнул рукой мужчина. — Пустяки. Но все вопро-

сы потом, Гудрун. Надо спешить. Боцман?

— Сэр? — Маккиннон старательно спрятал улыбку.

— Свяжите наших друзей за столом. Только запястья, за спиной.

— Связать! Нас! — Стиснув кулаки, Кисеки подался вперед. — Я не вижу необходимости…

— Пристрелите, если будут упрямиться, — распорядился старпом. — Они для нас уже бесполезны.

Он решил не уточнять, что непосредственно Кисеки еще пригодится, поскольку опасался, что осведомленность японца о его планах спровоцирует того на отчаянные действия.

— Будет сделано.

Боцман двинулся к троице, по пути срывая с окон москитные сетки: перекрученные, они послужат превосходными путами. Николсон усадил Гудрун с Питером на стул, после чего склонился над капитаном и потряс его за плечо. Тот в конце концов пошевелился и с усилием открыл глаза, и тогда старпом помог ему сесть на полу. Двигаясь словно дряхлый старик, Файндхорн осмотрел комнату, и до его измученного сознания постепенно дошло, что положение вещей круто изменилось.

— Уж не знаю, сынок, как вы это провернули, но вы молодцы. — Он окинул Николсона взглядом с головы до ног, морщась при виде порезов и ужасных ожогов на руках и ногах своего подчиненного. — Да на вас живого места нет! Боже, надеюсь, что вы чувствуете себя хоть немного лучше, чем выглядите!

— Да я наверху блаженства, сэр, — усмехнулся старпом.

— Бесстыдная ложь, мистер Николсон. По вам больница плачет так же, как и по мне. И куда теперь направляемся?

— Прочь отсюда, и очень скоро. Буквально через пару минут, сэр. Осталось завершить сущие мелочи.

— Только чур без меня, — пошутил Файндхорн, оставаясь предельно серьезным. — Я лучше попытаю счастья в качестве пленного. Честно говоря, я полностью выдохся. Мне уже и шагу не пройти, это очевидно.

— Вам и не придется, гарантирую. — Старший помощник ткнул носком ноги сумку, что бросил один из солдат, нагнулся и заглянул внутрь. — Хм, даже принесли сюда алмазы и планы. Хотя куда же еще им было их нести? Надеюсь, полковник Кисеки, вы не очень жаждали их заполучить?

Японец лишь уставился на него без всякого выражения.

— Так это и есть тот самый Кисеки! — ахнула мисс Драхман и какое-то время смотрела на полковника. Ее пробрало дрожью. — Похоже, капитан Ямата ничуть не преувеличивал! Слава богу, Джонни, что вы добрались сюда первыми!

— Капитан Ямата! — И без того маленькие глазки Кисеки практически исчезли в складках жира, когда тот сощурился. — Где он, что с ним случилось?

— Присоединился к своим предкам, — бросил Николсон. — Его почти пополам перебило очередью ван Эффена.

— Врешь! Фон Эффен был нашим другом, нашим большим другом!

— Вот именно что «был», — отозвался старший помощник. — Можешь спросить своих солдат. — Он кивнул на кучку японцев, забившихся в угол под прицелом винтовки Телака. — Только потом. А сейчас пошли одного из них за носилками, одеялами и фонарями. Надеюсь, мне не нужно предупреждать тебя, что произойдет, если попробуешь выкинуть какой-нибудь номер.

Смерив его бесстрастным взглядом, Кисеки пролаял приказ одному из солдат. Проводив того

до дверей, Николсон вновь обратился к Кисеки:

— В особняке должна быть рация. Где она?

Впервые за все время полковник улыбнулся, продемонстрировав впечатляющий набор золотых коронок на передних зубах.

— Увы, вынужден вас разочаровать, мистер… э-э…

— Николсон. Но оставим формальности. Где радио, полковник Кисеки?

— Это единственное, что у нас имеется. — Оскалившись еще шире, японец кивнул на буфет. По-другому указать он и не мог, поскольку Маккиннон уже связал ему руки за спиной.

Старпом лишь мельком взглянул на небольшой радиоприемник на полке и спокойно уточнил:

— Я имею в виду радиопередатчик, полковник. Не можете же вы пользоваться голубиной почтой.

— Ха-ха, ох уж этот ваш английский юмор. Вправду смешно. — Кисеки продолжал улыбаться. — Разумеется, у нас имеется передатчик, мистер… ах да, Николсон. В солдатской казарме.

— Где?

— На другом конце города. — Полковник, судя по его виду, забавлялся от души. — В миле отсюда, а то и дальше.

— Понятно. — Старпом напустил на себя задумчивый вид. — Слишком далеко… Да и очень сомневаюсь, что мне удастся довести тебя под дулом автомата до казармы, уничтожить передатчик и выйти оттуда, не схлопотав при этом пулю.

— Слышу мудрость в ваших словах, мистер Николсон, — елейно проговорил японец.

— Просто я не склонен к самоубийству. — Старший помощник рассеянно потер щетину, затем возобновил расспросы: — И это единственный передатчик в городе, так?

— Совершенно верно. Вам придется поверить мне на слово.

— Уж поверю. — Николсон как будто потерял интерес к теме радиосвязи и стал наблюдать, как Маккиннон связывает заместителя. Боцман затянул узел с таким усердием, что офицер вскрикнул от боли. Тем временем вернулся солдат с носилками, одеялами и двумя фонарями. Старший помощник снова посмотрел на людей за столом — сначала на Кисеки, затем на гражданского чиновника рядом с ним. Как ни пытался мэр изображать возмущение и гнев, выглядел он все-таки до смерти напуганным. В его глазах безошибочно читался ужас, а уголок рта дергался

от сильного тика. Мужчина в буквальном смысле обливался потом, и безупречно скроенный серый костюм теперь висел на нем как на вешалке. Николсон переключил свое внимание обратно на полковника.

— Как понимаю, полковник, вы с мэром — больше друзья? — Маккиннону, как раз принявшемуся за чиновника, явно не терпелось покинуть особняк, и на его лице отразилось раздражение затянувшейся болтовней, однако старпом проигнорировал его реакцию.

Кисеки напыщенно прочистил горло:

— На своих… какое же слово… должностях командира гарнизона и представителя народа мы, естественно…

— Достаточно, — перебил его Николсон. — Полагаю, мэр часто бывает в этом доме по долгу службы. — Теперь он с презрительным видом смотрел на чиновника, якобы раздумывая, и полковник купился на его игру:

— Часто бывает? — рассмеялся он. — Мой дорогой Николсон, это и есть дом мэра. Я всего лишь его гость.

— Ах вот как? Полагаю, мистер мэр, вы знаете пару слов на английском?

— Я в совершенстве владею английским. —

Чувство собственного достоинства моментально взяло верх над страхом.

— Замечательно, — сухо отозвался моряк. — Может, тогда продемонстрируете свои способности? — Его голос понизился до театрального глухого рычания — запугать чиновника явно было совсем не сложно: — Где полковник Кисеки хранит радиопередатчик в твоем доме?

Вспыхнув от ярости, что попался на уловку, Кисеки стремительно развернулся к мэру и принялся орать ему что-то непонятное, однако, получив от боцмана сильный удар по уху, замолк на полуслове.

— Не глупите, полковник, — устало проговорил Николсон. — И хватит держать меня за дурака. Где это видано, чтобы у военного начальника, да еще в потенциальной горячей точке, узел связи располагался в миле от его жилья? Ясное дело, рация здесь, но у нас уйдет вся ночь, чтобы выбить из вас ее нахождение. А вот мэр, как мне кажется, не готов пойти на жертву ради вашей драгоценной сферы совместного процветания. — Он вновь повернулся к бледному как мел чиновнику. — Ну так где рация? Мы спешим.

— Я ничего не скажу. — Рот мэра дергался и кривился, даже когда он молчал. — Вы не заста-

вите меня говорить.

— Не обольщайтесь. — Старпом взглянул на Маккиннона. — Боцман, для начала выверните-ка ему руку.

Тот с готовностью подчинился, и чиновник взвыл — впрочем, скорее от страха, нежели от настоящей боли. Маккиннон ослабил хватку.

— Ну?

— Не понимаю, о чем вы.

На этот раз приказывать боцману не пришлось. Он выкрутил мэру правую руку так, что тыльная часть запястья легла на лопатку, и тут уж индонезиец завизжал как недорезанный поросенок.

— Наверху, — всхлипнул чиновник, мучения которого по-прежнему не шли ни в какое сравнение с его страхом. — На крыше. Моя рука… Вы сломали мне руку!

— Боцман, теперь можете связать его. — Никольсон с отвращением отвернулся. — Так, полковник, ведите к рации.

— Мой мужественный друг вполне может завершить начатое, — злобно процедил Кисеки. Выражение его жирной физиономии не предвещало мэру ничего хорошего, если им будет суждено встретиться при иных обстоятельствах. — Он знает, где передатчик.

— Нисколько не сомневаюсь. И все же я предпочитаю, чтобы пошли именно вы. Там вполне могут оказаться ваши солдаты, и они без колебаний изрешетят и мэра, и меня. Вы же послужите убедительным прикрытием. — Старший помощник взял автоматическую винтовку в левую руку, вытащил из-за пояса револьвер и снял его с предохранителя. — Мы спешим, полковник. Живо.

Они вернулись через пять минут. Рация теперь представляла собой груду искореженного металла и разбитых ламп, и по пути им никто не повстречался. Похоже, вопли мэра не привлекли чьего-либо внимания — возможно, потому, что их приглушили закрытые двери, но скорее, подозревал Николсон, по причине привычности слуг и военных к подобным звукам, доносящимся из комнат Кисеки.

В их отсутствие Маккиннон без дела не сидел. Укрытый одеялом Файндхорн, обнимая все еще испуганного Питера Тэллона, лежал на носилках на полу. Возле каждой ручки носилок на корточках сидел японский солдат, и при внимательном рассмотрении становилось очевидно, что иного выбора у них и не оставалось: боцман накрепко привязал всех четверых к носилкам. А мэр и заместитель Кисеки уже были связаны друг с дру-

гом локтями, правым и левым соответственно. Упавший от удара Телака солдат по-прежнему лежал на полу, и старпом полагал, что очнется он еще очень не скоро. Шестого солдата, однако, было не видать.

— Хорошая работа, боцман, — одобрительно отозвался Николсон. — А куда пропал еще один наш друг?

— Он вовсе не пропал, сэр. Он в уборной. — Не обращая внимания на гримасы и гневные протесты полковника, Маккиннон привязал его к левому локтю мэра. — Пришлось поднапрячься, чтобы закрыть дверь, но в конце концов мне это удалось.

— Превосходно. — Старший помощник напоследок окинул взглядом комнату. — Что ж, задерживаться дольше причин у нас нет. Выступаем.

— И куда мы идем? — Кисеки стоял, широко расставив ноги. Шея практически исчезла под его огромной головой. — Куда вы нас ведете?

— Эффен рассказал, что лучше и быстрее вашего личного баркаса не сыскать на сотнях миль побережья. Еще до рассвета мы пройдем Зондский пролив и окажемся в Индийском океане.

— Что?! — Физиономия полковника перекоси-

лась от ярости. — Крадешь мой баркас? Тебе это даром не пройдет, англичанин, так и знай! — Кисеки вдруг осекся, озаренный еще более ужасной мыслью, а в следующее мгновение устремился вперед, волоча за собой привязанных к нему товарищей. Обезумев от ярости, он попытался пнуть Николсона. — Так ты и меня с собой забираешь, черт тебя возьми? И меня?

— Разумеется. А как же иначе? — холодно ответил старпом. Он отступил назад, уворачиваясь от ноги разъяренного полковника, и без особых церемоний ткнул его стволом винтовки прямо в солнечное сплетение. Кисеки тут же согнулся от боли. — Послужишь нам охранным свидетельством. Оставлять тебя было бы безумием.

— Я не пойду, — выдавил полковник. — Не пойду! Хоть убей меня, все равно не пойду. Концлагерь! Английский плен! Ни за что, ни за что, ни за что! Лучше убей меня!

— Убивать необязательно, — рассудительно возразил Николсон. — Тебя можно связать, вставить кляп, положить на носилки, наконец. — Он кивнул на дверь уборной. — Там полно бесплатной рабочей силы. Хотя это только ухудшит твое положение. В общем, либо идешь своим ходом, либо тебя несут на носилках — с простреленными

ногами, зато угомонившимся.

Кисеки взглянул на безжалостное лицо и сделал выбор. Пошел своим ходом.

По пути к пристани им не повстречался ни один японский солдат. Ночь выдалась безветренной, однако ливень хлестал не переставая, и на улицах Бантука не было ни души. В кои-то веки удача не отвернулась от беглецов.

Ваньер и остальные уже находились на борту баркаса. Сторожил его лишь один солдат, и соплеменники Телака захватили суденышко без малейшего шума. Фон Эффен спал на койке внизу, а Уолтерс как раз собирался начать радиопередачу. Сорокачетырехфутовый баркас с мачтой четырнадцати футов высотой сверкал начищенным металлом даже под ночным проливным дождем и был полностью готов к немедленному отправлению.

Уиллоби спустился в моторное отделение и разомлел от счастья при виде спаренного дизельного двигателя, содержащегося в безупречном состоянии. Гордон и Эванс загрузили на заднюю палубу пять дополнительных бочек с топливом, в то время как Маккиннон и Ваньер обошли все суденышки покрупнее за волноломом, проверяя их на наличие радиопередатчиков, и заодно раз-

били электрогенератор единственного другого баркаса в бухте.

Наконец ровно в десять часов вечера баркас с тихим рокотом отчалил в море, гладкое, что мельничный пруд. Как ни уговаривал Николсон Телака поплыть с ними, яванец твердо отказался, заявив, что должен остаться со своим народом. Он удалился по длинной пристани, ни разу не оглянувшись. И старший помощник знал, что больше они никогда его не увидят.

Когда захваченный баркас уже растворялся в темноте, четверо японских солдат, по-прежнему привязанные к носилкам, очертя голову помчались по пристани, заходясь во все горло. Их визгливые вопли разом утонули в какофонии рокота, стоило беглецам обогнуть волнолом. Двигатели были запущены на полную, и суденышко понеслось на юго-запад, к Яванскому Лбищу, за которым простирался Индийский океан.

И в половине третьего ночи они встретились с австралийским эсминцем «Кенмор».